

ISSN 1605-7880

Том 82, Номер 5

Сентябрь – Октябрь 2023

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

<https://ras.jes.su/sliya>

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 82 № 5 2023 Сентябрь—Октябрь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанти* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСЛ РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2023
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2023
© Редколлегия журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2023

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language

Volume 82 No. 5 2023 September–October

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2023
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2023
 - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2023, Том 82, Номер 5

“Падение Парижа” как “конец модернизма”:

эсхатология, война и Илья Эренбург в анфиладе культурных зеркал

В. В. Полонский 5

О стихотворении Осипа Мандельштама “На влажный камень возведенный...” (1909)

Д. В. Фролов 15

Внутриязыковые страты в межъязыковом контакте (на материале русского языка диаспоры в Германии)

В. В. Вардиц 22

О теоретических и эмпирических терминах

С. Д. Шелов 37

Д. С. Мережковский. Какая будет радость [1916]

Е. А. Андрущенко (Публ., вступ. заметка, подг. текста и примеч.) 49

Сергей Дурылин о Шекспире в русском театре:

к вопросу о модальностях театрально-критического письма в СССР в 1930–1950-е годы

Д. Н. Жаткин, В. В. Сердечная 58

Неосуществленный литературно-издательский проект М. Горького “История Горьковского края”

Н. Н. Примочкина 68

Переосмысление поэзии Браунингов на страницах неовикторианских романов

Е. В. Халтрин-Халтурина 78

Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии:

к проблеме типологии словарей

Р. И. Воронцов 87

Роль документальных источников в комментировании романа А. Н. Толстого “Петр Первый”

А. С. Акимова 109

Рецензии

Кибальник С. А. Тайнопись русских писателей: от Пушкина до Набокова: [монография] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. СПб.: ИД “Петрополис”, 2022. 433 с.

Рац Ильдико Мария 115

Хроника конференции

Международная научная конференция “Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения”

О. А. Богданова 118

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2023, Volume 82, Issue 5

“The Fall of Paris” as “the End of Modernism”: Eschatology, War and Ilya Ehrenbourg in a Succession of Cultural Mirrors <i>V. V. Polonskiy</i>	5
Reflections on Osip Mandelstam’s Poem “Erected on a Wet Stone...” (1909) <i>D. V. Frolov</i>	15
Intralingual Varieties in Interlingual Contact (The Case of Migrant Russian in Germany) <i>Vladislava Warditz</i>	22
On Theoretical and Empirical Terms <i>S. D. Shelov</i>	37
D. S. Merezhkovsky. What Joy Will Come [1916] <i>E. A. Andrushchenko (Foreword and Comments)</i>	49
Sergey Durylin on Shakespeare in the Russian Theatre: On the Question of the Modalities of Theater Critical Writing in the USSR in the 1930s–1950s <i>D. N. Zhatkin, V. V. Serdechnaya</i>	58
M. Gorky’s Unfulfilled Literary and Publishing Project “The History of the Gorky Region” <i>N. N. Primochkina</i>	68
Revisiting the Brownings’ Poetry in the Pages of Neo-Victorian Novels <i>E. V. Haltrin-Khalturina</i>	78
Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology <i>R. I. Vorontsov</i>	87
The Role of Historical Sources in Commenting on A. N. Tolstoy’s Novel <i>Peter the Great</i> <i>A. S. Akimova</i>	109

Reviews

[Review:] Kibalnik, S. A. Cryptography of Russian Writers: from Pushkin to Nabokov: [monograph]. The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Publishing House “Petropolis”, 2022. 433 p. [In Russ.] <i>Rácz Ildikó Mária</i>	115
---	-----

Chronicles

An International Scholarly Conference “Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains” <i>O. A. Bogdanova</i>	118
--	-----

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028322-0

“Падение Парижа” как “конец модернизма”: эсхатология, война и Илья Эренбург в анфиладе культурных зеркал

© 2023 г. В. В. Полонский

Доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН,
директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,
ученый Янцзы (Сычуаньский университет, Китай),
Китай, провинция Сычуань, Чэнду, ул. Ихуань, д. 1
v.polonski@imli.ru

Резюме. В статье роман Ильи Эренбурга “Падение Парижа” (1942) анализируется на фоне синхронических и диахронических культурных контекстов. Автор уделяет особое внимание мифологизации Парижа со 2-й половины XIX столетия и идеологическим последствиям поражения Франции во Франко-прусской войне 1870 г. В работе рассматривается система “эсхатологической публицистики” Эренбурга времен Первой мировой, показывается связь романа писателя с французским культурным фоном “между двух войн”. Демонстрируется его полемичный диалог с Ж. Жироду по поводу франко-германской ценностно-культурной коллизии. Делается вывод о том, что для Эренбурга, ряда его западных собратьев и современных исследователей падение Парижа в 1940 г. стало знамением конца и всего традиционного Запада Нового времени, и – конкретнее – эпохи модернизма.

Ключевые слова: литература и война, модернизм, плач по городу.

Для цитирования: Полонский В.В. “Падение Парижа” как “конец модернизма”: эсхатология, война и Илья Эренбург в анфиладе культурных зеркал // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 5–14. DOI: 10.31857/S160578800028322-0

“The Fall of Paris” as “the End of Modernism”: Eschatology, War and Ilya Ehrenbourg in a Succession of Cultural Mirrors

© 2023 Vadim V. Polonskiy

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Corresponding Member of the RAS,
Director of A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
Chang Jiang Scholar (Sichuan University, China),
1 Yihuan Road, Chengdu, Sichuan Province, China
v.polonski@imli.ru

Abstract. The article analyzes Ilya Ehrenbourg’s novel “The Fall of Paris” (1942) against the background of synchronic and diachronic cultural contexts. The author pays special attention to the mythologization of Paris from the middle of the 19th century and to the ideological consequences of the country’s defeat in the Franco-Prussian War of 1870. The work reconstructs the system of Ehrenbourg’s “eschatological journalism” during the First World War and shows the connection of the writer’s novel with the cultural background of France “between two wars”. The novelist’s polemical dialogue with Jean Giraudoux on the Franco-German

value-cultural collisions is demonstrated. It is concluded that for Ehrenbourg, as for a number of his Western brethren and recent researchers, the fall of Paris in 1940 was a sign of the end of the entire traditional West of Modern Times, and more specifically, the era of Modernism.

Key words: Literature and War, Modernism, Lament for a City.

For citation: Polonskiy, V.V. “*Padeniye Parizha*” kak “*konets modernizma*”: *eskhatologiya, voyna i Ilya Erenburg v anfilade kulturnykh zerkal* [“The Fall of Paris” as “the End of Modernism”: Eschatology, War and Ilya Ehrenbourg in a Succession of Cultural Mirrors]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 5–14. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028322-0

В мифосимволической культурной топологии большой путь Парижа начинается, как минимум, эпохой Людовика IX (Saint-Louis), нового града-ризницы с сердцем в Сен-Шапель. Тогда столица королевства становится местом сосредоточения величайших святынь Запада, свезенных крестоносцами из Константинополя и Иерусалима, но одновременно она противопоставляется также и Риму. Дальнейшие семантические траектории мифологемы Парижа могли очень далеко отходить от этой точки, охватывая самый широкий веер феноменов, но зачастую так или иначе помещая его в семантическую оппозицию доминантным градам-символам западной и иудео-христианской традиции, по крайней мере двум главным из них — все тем же Иерусалиму и Риму.

Это и опыты по продуцированию пространства светского классицистического парадиза (“нового” Рима) королем-Солнцем (включая “сотворение” Версаля и проч.), и попытки его травестированного ремоделирования по принципам антисакрума / нового сакрума в эпоху Революции (см.: [1]), и различные изводы мифологизации города в XIX веке как нового Вавилона — столицы мира в любых вариантах рецептивного отражения. Они могли вбирать в себя и “волнующееся жерло, водомет” [2, с. 222] бурлящей пены, анти-Рим, пространство торжествующей мелкоты новейшей цивилизации у Гоголя; и идеально регламентированный, доведенный до эстетического совершенства локус буржуазности у Достоевского (“Зимние записки о летних впечатлениях”); и, разумеется, весь набор апологетических риторических стратегий и клише, обслуживающих лейтмотив “праздника, который всегда с тобой”.

Последнее фиксирует формирование наиболее влиятельной, цельной и устойчивой в резервуаре культурных стереотипов мифологемы Парижа. По времени она совпала с постепенным прорастанием мира Новейшего времени именно из парижских корней. Этот процесс охватил большую часть второй половины XIX столетия и переклестнулся в век XX, вплоть до той точки,

которая нас интересует и которую мы связываем с “падением Парижа” в начале Второй мировой, а ей, в свою очередь, предшествовала не менее важная транзитная межа — “не-падение”, так сказать, столицы Франции и ее тяжкая победа в Первую мировую.

Ключевыми символическими вехами этого процесса, помимо прочего, стали османизация Парижа, его модернистическая реновация, фиксирующая открытость средневекового города будущему и большому внешнему миру (см.: [3]; [4]), и проигрыш во Франко-прусской войне, изменивший весь расклад в европейском политическом концерте, посеявший зерна будущих мировых войн и задавший франко-немецкое противостояние как константную культурно-цивилизационную коллизию для европейского мира на многие десятилетия вперед. Не лишним будет напомнить, что его побочным продуктом во многом стало победное шествие “русского романа” и русского искусства вообще по западным культурным подмосткам, путь на которые тогда лежал через парижский успех: травма 1870 года заставила заместить образ идеального и позитивного *Другого* в культурном диалоге Франции с внешним миром — заменить Германию Россией. В этом смысле никак нельзя недооценивать важности политического контекста появления знаменитой книги Мельхиора де Вогюэ и ее косвенной связи с процессами франко-русского сближения и рождения будущей Антанты (см.: [5, р. 157–187, 277–279]).

Глубинная антитетичность эстетико-идеологического аккомпанемента происходящего тогда во Франции состояла, в частности, в том, что та же османизация стала запечатлением в пространстве столицы эстетического акмэ национально-империализма эпохи Наполеона III. Причем предложенные им некоторые модели монументально-декоративного искусства — вспомним как частный, но наглядный пример декор усыпальницы Бонапарта в соборе Дома Инвалидов — заложили долгоиграющую парадигму тоталитарной

имперской эстетики, которой предстоит расцвести уже в XX веке на иных национально-государственных почвах: прежде всего германской, итальянской и советской. Но оказалось, что под этим имперско-буржуазным коконом, треснувшим в результате внезапного напора немцев, возмужала иная культура, во многом инспирированная, конечно, травмой, но с совершенно другим вектором ценностных тяготений.

Стремление реабилитировать репутацию Франции, восстановить ее мировой престиж после крушения 1870–1871 годов (а с ним были связаны и знаменитые всемирные выставки 1878, 1889 и 1900 годов, изменившие и ландшафт мировой культуры, и собственный ландшафт города, где появились Эйфелева башня, Grand и Petit Palais, мост Александра III и проч. [6]) внесло немалый вклад в художественный расцвет “прекрасной эпохи” (*belle époque*) в широком временном охвате этого понятия, включающем не только *fin de siècle* и полтора десятилетия перед Великой войной, но и большую эру нового искусства, или модернизма, родиной которого, идеальным садом культивации и явился Париж.

Причем, что важно, в мировом масштабе это была первая культура экуменического, транснационального, универсалистского типа, подразумевающая принципиальную проницаемость национальных границ и стен. Она несла в себе первый опыт глобализма, но без размывания уникальности отдельных голосов: не множество пюпитров для массы одинаковых инструментов, исполняющих одну партию, а большой симфонический оркестр разноразнонационального модернизма, идеальной площадкой которого становится Париж.

Русская культура “серебряного века” плодотворно осваивает Париж как мифопоэтический и культурно-символический локус в единстве двух его взаимообратимых ипостасей: колыбели Нового времени, несущей в себе дух свободы, революции и творчества, расцветшей на почве многовековой традиции старой латинской культуры, и интернационала художников-модернистов, носителей гения новейшей эпохи.

Именно крушению этого символического города посвящен роман Ильи Эренбурга “Падение Парижа”, который полностью был опубликован в 1942 году (за него писатель получил свою первую Сталинскую премию и с ним же был связан единственный разговор Эренбурга со Сталиным — по телефону 24 апреля 1941 года¹). Писался роман

с августа 1940-го по июль 1941 года по следам живых впечатлений писателя, который до лета 1940 года находился во Франции, застал падение Парижа в июне этого трагического для страны года, стал свидетелем вступления немцев в столицу и кардинальной перестройки всей ее жизни в период оккупации². Существенно, что Эренбург называют зачастую едва ли не единственным крупным литератором (далеко не только русским), который остался в Париже после того, как тот в результате разгрома страны был объявлен открытым городом, и смог с документальной точностью положить на бумагу свои живые впечатления от происходящего. По-видимому, это недалеко от истины: исход из Парижа писателей и журналистов в первые недели после сдачи был тотальным.

Ясно, что это эпическое полотно (его не самым удачным продолжением станет роман 1947 года “Буря”) было написано человеком с уникальной двойной — и даже тройной — самоидентификацией легитимного “советского парижанина” еврейского происхождения, который считался корреспондентом “Известий”, но, проведя во Франции к 1940 году большую часть жизни, имел там постоянные адрес и статус и был даже французским налоговым резидентом.

Однако у этого романа и запечатленных в нем событий была большая и важная в перспективе нашей темы предыстория — связанная с Первой мировой войной, ее французскими страницами и их освоением русской модернистской средой, включая нашего героя.

В этом смысле представляется очень показательной — по разным причинам — ранняя книга Эренбурга “Лик войны” (1919, опубликована в 1920, 2-е изд. — 1923), в основу которой положены его очерки как парижского военного корреспондента для петербургских “Биржевых ведомостей”. Позволим себе немного остановиться именно на этом сборнике³.

Прежде всего в книге явно проступает общетипологическая реакция русской модернистской культуры на реальность Первой мировой, которую можно представить в виде двух векторов — разнонаправленных, но дополняющих друг друга, друг от друга неотделимых.

Во-первых, это интуиция войны как прорыва во внешнюю историю глубинных тенденций

¹ См. описание эпизода: [7, т. 7, с. 645, 846].

² Подробнее см. в главах, посвященных Эренбургу во время Второй мировой войны, в монографиях: [8]; [9].

³ Более развернутый анализ книги и ее контекста см. в: [10]; [11].

авангардистской дегуманизации западного мира, где дефигуративность кубизма видится изоморфом фронтовых фабрик по перемалыванию человеческого мяса и газовых атак Ипра. И во-вторых — экзистенциальный прорыв к глубинной жертвенности последней свободы наготы и незамутненного страдания. Эту семантическую доминанту можно назвать *экзистенциализацией сакрального*, его одомашниванием, рожденным тем, что Эренбург в “Лице войны” называет “новым бытом и новым уютом на лобном месте” [12, с. 7].

Здесь *Плач по городу* становится одной из жанровых субформ. А симбиозу сакрального с авангардно-футуристическим предшествует религиозно-искупительная трансформация романтико-декадентской темы “мертвого города” — пограничья миров, пространства взаимообратимости жизни и смерти на берегах символического Стикса в диапазоне от топосов литературной венецианы до “Мертвого Брюгге” Роденбаха (1892) [13]. Былой модернистский тотально “мертвый город” замещается разными вариантами городов *убиваемых, убитых* и тех, кому *убийство грозит* в вихрях войны. Декадентско-символистская метафорика у Эренбурга в это время, когда, в частности, создаются поэтические сборники “Стихи о канунах” и “Молитва о России”, а христианско-религиозная тональность доминирует в мироощущении молодого писателя, трансформируется в библейско-иератическую и жертвенно-сакральную. Библейский реминисцентно-аллюзивный ряд в сочинениях Эренбурга эпохи Первой мировой и Революции плотный и насыщенный, как мало у кого.

Соответственно, в книгу “Лик войны” писатель помещает раздел “Города и люди”, где именно в этом стилистическом регистре дается ряд портретов тронутых смертью городов, которых объединяет лишь одно — уродливость “неестественной” гибели в мясорубке войны в противовес “естественности” затухания в русле реки времен:

Как прекрасны руины римских храмов, поросшие травой, с ящерицами на солнце! Их скосили дожди и ветра, дни и ночи, лета, века. Как уродливы задымленные расщепленные развалины ипрских “рынков” или арасского “беффруа”, сраженные крупновскими снарядами. Мучительная, безобразная смерть! [12, с. 40].

“Убитый” Аррас, в котором “израненный пал собор”, потерял свою “душу” [12, с. 42]. А многострадальный Реймс уподобляется герою агиографии:

Есть такие жития святых: до сорока лет жил, кутил, торговал. Потом вздрогнул, оглянулся, уверовал и принял мученический конец <...> как написать

житие Реймса, как выявить душу сонливого мещанина, преобразившегося в страстотерпца и подвижника? [12, с. 47–48].

Здесь Эренбург подхватывает тот же образ Огюста Родена из книги “Французские соборы” 1914 года [14], на который опирался Волошин в своем стихотворении о разрушенном шедевре французской готики “Реймсская богородица” (1915): уподобление самих внешних форм, остова собора коленопреклоненной Жене, молитвенно воздевшей длани. Собор — “сердце Реймса, пронзенное стрелами и все же трепещущее. Его башни, как серые землистые руки Богородицы, вздымаются к далекому небу” [12, с. 48].

Автор экспрессионистски нагнетает христианский референтный регистр и в своих описаниях претворяет разрушенный фасад собора в содранную кожу апостола:

Пронзенные, готовые рухнуть башни. Это мученик, но не распятый, не казненный, не сожженный на костре... По преданию апостола Варфоломея предали страшной смерти: с него, с живого, сняли кожу, он еще сделал три шага и упал на землю. Кожу и волосы — светлый покров сняли с Реймского собора. Он еще жив [12, с. 49].

Что до Парижа эпохи Великой войны, которому тогда довелось выстоять, то, осаждаемый, он по той же логике жертвенной сотериологии очищается своими испытаниями. “Ныне над Парижем повис меч Азраила” [12, с. 44], — пишет Эренбург и насыщает свой очерк библейскими реминисценциями, в частности — ощутимыми, причем полемическими, хотя и не прямыми, аллюзиями на Иеремию:

Никогда Париж не был так прекрасен, как в эти годы войны! Близость смерти озарила новым светом его древний лик. Считаю своих убитых детей, он не плачет, но только грустно и блаженно улыбается⁴ [12, с. 45].

Жизнь и стояние под сенью Ангела смерти наделяют Париж Первой мировой в глазах Эренбурга особо щемящей лирико-элегической аурой, с города слетает мишура “столицы мира”, на его лике проступает “милый уют” “провинциальности” и “улыбчивая грусть холмов Иль-де-Франса”. “Париж смертельно страдает, но, слишком мудрый, он не может ни плакать, ни роптать, ни грозить” [12, с. 46].

⁴ Ср. с библейским претекстом: “Так говорит Господь: голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет” (Иер 31:15).

По прошествии двадцати с лишним лет все будет совсем иначе. Изменился и сам Эренбург: статус "советского писателя", да еще на рубеже 1930–1940-х сильно урезал размах свободы (так, готовя еще в 1928 году к переизданию тот же "Лик войны", автор убрал практически все следы эсхатологии, апокалиптики и прочего "религиозного" баловства). Принципиально иным был и культурный контекст во Франции, где эпоха "между двух войн" обернулась палимпсестом высокого модернизма, откровений "потерянного поколения" и сложной рефлексии над соотношением французского и германского культурно-идеологических комплексов в перспективе грядущего трагического разрыва тех узлов, что были завязаны Версальским миром и заставляли почти физически ощущать тень будущего воздаяния — Второй мировой.

Для последнего слоя этого палимпсеста во многом парадигмально важными были ключевые сочинения Жана Жироу, с которыми тот же контекст эпохи составляет роман Эренбурга в полемический диалог. Имеются в виду роман Жироу "Зигфрид и Лимузен" (1922), на основе которого будет написана и в 1928 году поставлена его драма "Зигфрид", и нашумевшая пьеса 1935 года "Троянской войны не будет".

В "Зигфриде" с филигранной четкостью и подлинной глубиной запечатлена коллизия вражды и единения французского и германского начал — через буквализацию метафоры, развернутую в мотивированный войной сюжет. Выясняется, что известный французский писатель Жак Форестье, который считался погибшим на германском фронте, выжил, но лишился памяти. И стараниями некой Евы, носительницы стерильного германского духа, которая начала заботиться о раненом, он выстроил в себе самосознание немца Зигфрида фон Кляйста, который всего за несколько лет превратился в идейного лидера и надежду новой Германии.

Желая пробудить память сердца бывшего Форестье, рожденного французской провинцией Лимузен, в Германию приезжает его бывшая возлюбленная Женевьева. И начинается битва между двумя разнонациональными Психеями, Евой и Женевьевой (символическая аура и семантическая валентность этих имен здесь, конечно, очень важны), за душу "серафического жениха" — героя. Тот узнает правду о своем происхождении. От него ожидают выбора. Но он отказывается от логики раскола. Целостность и своей души, и собственного духовного "я" протагонист обретает только в полном франко-германском

единстве, синтезе Форестье и фон Кляйста, Жака и Зигфрида. Герой бросает:

Я буду просто жить. Зигфрид и Форестье будут жить бок о бок. Я постараюсь с честью носить оба имени, обе участи, которые ссудил мне случай. Человеческая жизнь — не червяк. Нельзя разрубить ее надвое и ждать, что каждая половина заживет самостоятельно <...> Неужели в человеческой душе, где обитают вместе самые непримиримые пороки и добродетели, не уживутся слово "немец" и слово "француз"?! Я отказываюсь рыть окопы внутри самого себя. Я вернусь во Францию не как последний пленный, освобожденный из немецких тюрем, а как первый обладатель нового знания или нового сердца [15, с. 113].

Такой была формула разрешения франко-германской коллизии от Жана Жироу, представителя высокого модернизма, французского дипломата-германофила, который глубокую укорененность в своей национальной традиции и картезианской конституции "l'esprit français" ("французского духа") сочленял с весьма основательным знанием немецкого мира и подлинной любовью к его культуре. Но этот рецепт разделялся далеко не всеми. Массовые и господствующие идеологии в самых разных стратах французского общества эпохи между двух войн оставались в основном плоско-конфронтационными. И этапами усугубления этой конфронтационности стали и 1933-й — год гитлеровского триумфа, и попытка правого путча в Париже 6 февраля 1934-го, и 1936-й — год прихода Народного фронта к власти во Франции, которому посвящена Первая часть романа "Падение Парижа", и 1938-й — год Мюнхенского соглашения и раскола Народного фронта (о нем вторая часть книги Эренбурга), и, конечно, роковые события 1939–1940 годов, о которых говорится в третьей части.

Сразу подчеркнем: взгляд Эренбурга на франко-германскую коллизию скорее противостоит сценарию Жироу. На протяжении всего романа разнообразные представители французской политической и военной элиты, а также высшей буржуазии будут вольно или невольно заняты сдачей своих позиций в пользу немцев. В очерке "В первый день", с которого в 1941 году началось поприще Эренбурга — патриотического публициста эпохи Великой Отечественной, писатель скажет об этом немудряще ясно:

Я видел, как пал Париж, — он пал не потому, что были непобедимы немцы. Он пал потому, что Францию разъели измена и малодушие. Правящая головка предавала французский народ [7, т. 5, с. 487].

Характерно, что в романе Эренбурга личными именами обладают едва ли не только французы. Немцы, которые в основном появляются

на страницах романа с оккупацией Франции, сливаются в безличную серо-зеленую массу. Исключение в сущности одно: сюжетно проходной, но важный в смысловой структуре текста персонаж — ихтиолог Эрих Нибург из Любека, который на четыре месяца приезжал в командировку в Париж. С ним случайно знакомится один из главных героев романа художник-гамлетик Андре.

В парижском кафе 1936 года за рюмкой кальвадоса еще мирно сходятся француз и немец, но разность и потенциальная полярность их мироощущений и культурных моделей идентификации задаются сразу. Француз заражен галльским скепсисом по отношению к патриотизму — химере 1870-го, дискредитированной в окопах Великой войны, он бравирует своей свободой от теллурических искушений, от магнита родной почвы (“Вы думаете, что я люблю Францию? Вряд ли. У нас никто об этом не думает” [7, т. 5, с. 17]). Иное дело немец — способный проникнуться духом чужого ему Парижа, но ощущающий прежде всего диктат национального начала:

Дело не в том, что человеку нравится. Я Париж любил. Может быть, я его даже понял. Дело в другом — где человек родился, хотя это вне сознания и вне выбора. Я, например, родился в Германии; поэтому я люблю немецкий язык, немецкие деревья, даже немецкие сосиски [7, т. 5, с. 17].

Мотив общения француза-художника с немцем-ученым (значимая дихотомия этностереотипов!) символически закольцовывает роман. В его финале в квартиру к Андре приходит Эрих уже в серо-зеленой униформе: на сей раз он в Париже в составе оккупационных войск. И потенциал полярного противостояния двух национальных точек отсчета на сей раз разворачивается во всей полноте. Драматизм ситуации, однако, в том, что Эрих — отнюдь не враг и не нацист, а несчастный и достойный человек, ставший жертвой обстоятельств и зашедший засвидетельствовать свою приязнь и, очевидно, хоть как-то объясниться с бывшим знакомцем. Однако и для Андре, и отчасти даже для Эриха, склонного к самостигматизации, факт принадлежности к немецкому народу здесь и сейчас, в данных исторических обстоятельствах гарантирует невозможность любого примирительного общения, любых моделей преодоления вражды — будь то по лекалам высшего модернизма образца Жироду или не осложненным интеллектуальными инвестициями принципам, так сказать, ясного, прозрачного гуманизма.

Следует такой диалог:

— <...> Я даже не знаю, зачем я к вам пришел... Очевидно, вспомнил — и потянуло. Сегодня лейтенант мне сказал, что я плохой немец. Странно. Может быть, завтра меня расстреляют...

— Вот как... — В голосе Андре не было ни удивления, ни сочувствия. — Что же вам не нравится? <...>

— <...> Что мне не нравится? Мои соотечественники в Париже. Мне не нравится, что я у вас... вот в этой шинели...

— Угу! Вы ведь эстет. <...> А вы понимаете, сударь, что я француз?

— Понимаю. Это и мешает мне говорить. Я думал, что мы люди одной культуры. А между нами ров. Не знаю, чем его можно заполнить...

— И я не знаю. <...> Должно быть, кровью... Без крови здесь не обойдется...

— Разве ее мало?..

— Много, но не та... А теперь уходите. <...>

— Вы думаете, мне легко? Нельзя жить, как мы живем. Нас все ненавидят. Я шел вчера по улице Монж. Навстречу шла женщина. Увидела меня и шарахнулась — как от смерти. Я лично никого не убивал, но это не имеет значения. Я мог бы сказать: виноват Гитлер. Это самое легкое... Но это неправда — виноват и я... Нужно сделать выводы... Постараюсь. До свидания.

— Прощайте. Может быть, завтра вы окажетесь хорошим человеком, но тогда я вас не увижу. Теперь честность приходится доказывать кровью [7, т. 5, с. 483].

Выступив здесь в контрфорс Жироду как автору “Зигфрида”, Эренбург при этом резонирует с идейным пафосом его прославленной пьесы “Троянской войны не будет” — модернистской мифотрагедии о событиях, предшествующих тем, что отражены в “Илиаде”. Трагическая коллизия у Жироду строится на разломе между всеобщим нежеланием протагонистов, включая троянца Гектора, похитившего Елену Париса и главенствующего среди греков Улисса, развязывать войну между Троей и Элладой и роковой обреченностью на эту войну, ее неизбежностью по неумолимому императиву Судьбы, поскольку таков *метафизический цугцванг*.

Красноречива уже первая сцена пьесы, где счастливая будущая мать Андромаха ожидает возвращения своего мужа Гектора, исполненная лучезарных надежд. Но стоящая рядом Кассандра бросает обескураживающие пророчества, которые служат символической параболой всей пьесы, повествующей о том, как все сделано ради того, чтобы Троянской войны не было, но ей непреложно — *быть*:

Кассандра. Ах, Гектор возвратился в ореоле славы к своей обожанной жене... А паралитики, сидя на своих скамейках, воображают, что они бессмертны... Но вот рок открыл глаза... потягивается... Да, в такой день возможно, что на земле наступит мир... А рок плотоядно облизывается от удовольствия... Да, у Андромахи будет сын... И всадники наклоняются и ласкают котят на крепостной стене... Рок подходит.

Андромаха. Молчи!

Кассандра. Он тихо поднимается по лестнице дворца. Он мордой толкает дверь... Вот он... вот он... [15, с. 345].

В панораме французской жизни кануна войны у Эренбурга — та же тотальная обреченность всех этажей государства и общества на тотальное крушение, обвал — войну. И трагическая неизбежность войны как *следствие* конвульсивных попыток ее избежать. Франция была настолько надорвана и травмирована тяжестью победы в Первой мировой в недавнем прошлом, убаюкана благополучием в настоящем и исполнена страхами перед неопределенным будущим, что оказалась способной на любые самые непростительные компромиссы, пароксизмы гибельного соглашательства и искушения хмелем самоуспокоения, — на весь набор ингредиентов, посредством которого готовилось основное блюдо национальной исторической драмы: падение Парижа. В этом романе, создававшемся по прописям плохо освоенного соцреализма, Эренбург будто бьет себя по рукам, не позволяя перу вспоминать сакрально-апокалиптические регистры, щедро обкатанные в его раннем творчестве. Однако подспудный энергичный напор не удается сдержать идеологическими тисками. И сцены бегства сотен тысяч парижан из города, теряющего душу, наполняются пафосом описания почти библейского Исхода.

Тему эту Эренбург осваивает в широкой амплитуде художественно-эмоциональных переживаний. На одном краю колеблющегося маятника здесь — страстные филиппики и захлебывающаяся живописность картин бегства, хаоса, случайных смертей и паники насельников великого города. И это все ложится на страницы романа. Но есть и противоположный край маятника, где ступеньки ваются громогласие и публицистическая острота.

Иную тонику передачи трагической темы задает поэзия. В 1940 году параллельно с романом Эренбург пишет лирический цикл "Париж". Здесь приоткрывается сокрытая от читателей прозаической книги глубинная перспектива "крушения града" — столицы бурлящего модерна: его приобщенность к пограничью между мирами жизни и смерти (хронотоп метафизического сна), пронцаемость для мифа (оставшиеся в городе старухи — будто мойры, прядущие нити судьбы под образом погребальных пелен) и подспудная капитуляция перед иной и чужой великой ролью в духовно-символической топографии человечества — ролью Вечного города, подразумевающая преобразование покинутой французами Сены одновременно и в Стикс, и во вневременный Тибр:

...Старухи, вытянув паучьи спицы,
Прохладный саван бережно плели.
Коты кричали. Умирали птицы.
И памятники по дорогам шли.
Уснув в ту ночь, мы утром не проснулись.
<...>
Часы не били. Стали звезды ближе.
Пустынен, дик, уму непостижим,
В забытом всеми, брошенном Париже
Уж цепенел необозримый Рим.
[16, с. 476]

И тем не менее, в общем и целом падение Парижа в оптике Эренбурга, со всеми возможными оговорками, укладывается в одну из доминант восприятия этого события в западной культуре эпохи. Для нее сдача "столицы мира" в 1940-м, парад немецких войск у Триумфальной арки — это прежде всего конец большой культуры модернизма, эпохи модерна и — шире — теплой идиллии "вчерашнего" мира, того Запада в единстве свободы и вольного творчества, что был рожден "Декларацией прав человека и гражданина".

Последнее характерным образом отозвалось в книге Стефана Цвейга "Вчерашний мир. Воспоминания европейца". Обратим особое внимание на антитезу великих городов Европы в изводе немецкоязычного писателя еврейского происхождения с идентификацией, во многом параллельной автору "Падения Парижа":

Я отлично знаю, что этого Парижа — окрыленного и окрыляющего радостью, Парижа моей юности — больше нет; ему, быть может, никогда уже не вернуть чудесной беззаботности: самая жестокая на земле рука властно отметила его огненным тавром. Как раз когда я начинал писать эти строки, германские армии, германские танки серой массой термитов надвигались на него, чтобы вытравить из этого гармонического творения божественную игру красок, блаженную легкость, нетленное совершенство. <...>

Едва ли когда-нибудь личное горе так трогало меня, приводило в такое отчаяние, так потрясало, как падение этого города, наделенного, как никакой другой, даром приносить счастье любому, кто соприкоснулся с ним. Суждено ли ему еще когда-нибудь дать потомкам то же, что дал он нам: мудрейший урок, великолепнейший пример того, как сочетать свободу и творческий труд, быть щедрым ко всем, не скудея душой, а приумножая свои богатства.

<...> нигде нельзя было изведать простую и вместе с тем таинственно-мудрую беспечность бытия счастливой, чем в Париже, торжественно утверждавшем ее красотой своих силуэтов, мягким климатом, обилием традиций и дыханием старины <...>.

Ах, надо было знать Берлин, чтобы по-настоящему любить Париж⁵; нужно было отведать добровольного немецкого лакейства, с присущими Германии непреодолимыми социальными барьерами и болезненным сословным тщеславием <...> А у Парижа в крови еще

⁵ Курсив мой. — В.П.

бродили заветы революции, пролетарий считал себя таким же свободным и полноправным гражданином, как и его работодатель, официант в кафе запросто пожимал руку генералу в лампадах, добродетельные буржуазки не воротили нос от проститутки, живущей по соседству <...>

Париж не разбирал, где верх, где низ, противоречия мирно уживались в нем <...> и повсюду жилось равно весело и беспечно [17, с. 136–139].

С формульной ясностью сдача Парижа как конец эпохи большого модернизма с ее культурно-экуменической открытостью будет через несколько лет осмыслена в эссе Харольда Розенберга под тем же названием, что и роман Эренбурга — “The Fall of Paris”:

Лаборатория XX века была закрыта. <...> вплоть до дня оккупации Париж оставался Святым местом для нашей эпохи. Единственным. Не по причине своего самоутверждающегося единственного в своем роде гения, но, вероятно, как раз наоборот: из-за собственной пассивности, которая позволила ему стать достоянием тех, кто ищет, независимо от национальности. <...>

Гостеприимство этого культурного Клондайка можно объяснить напряженным балансом исторических сил, не позволяющим какому-либо одному классу навязывать городу свои собственные ограниченные формы и цели. Здесь жизнь, казалось, вечно стремилась к новому качеству. <...> Париж XX века был для интеллектуального первопроходца тем же, чем Америка века XIX — для первопроходца экономического. <...>

Так что Париж являлся единственным местом, где можно было приготовить и смешать необходимые коктейли, сбить в них такие “современные” ингредиенты, как венская психология, африканская скульптура, американские детективные романы, русская музыка, неокатолицизм, немецкая техника, итальянское отчаяние.

Париж представлял собой Интернационал культуры. <...>

У культурного Интернационала была столица — Париж. В 1920-е годы у политического Интернационала тоже была столица — Москва⁶.

⁶ Перевод мой. — В.П. Оригинал: “The laboratory of the twentieth century has been shut down. <...> up to the day of the occupation, Paris had been the Holy Place of our time. The only one. Not because of its affirmative genius alone, but perhaps, on the contrary, through its passivity, which allowed it to be possessed by the searchers of every nation. <...> The hospitality of this cultural Klondike might be explained as the result of a tense balance of historical forces, preventing any one class from imposing upon the city its own restricted forms and aims. Here life seemed to be forever straining towards a new quality. <...> Twentieth-century Paris was to the intellectual pioneer what nineteenth-century America had been to the economic one. <...> Thus Paris was the only spot where necessary blendings could be made and mellowed, where it was possible to shake up such ‘modern’ doses as Viennese psychology, African sculpture, American detective stories, Russian music, neo-Catholicism, German technique, Italian desperation. Paris represented the International of culture. <...> The cultural International had a capital: Paris. In the 1920s the political International, too, had a capital: Moscow” (Электронный ресурс: <https://theoria.art-zoo.com/the-fall-of-paris-harold-rosenberg/> (дата обращения: 28.04.2023)).

Подобный взгляд оказался весьма устойчивым. И он отразится во влиятельных тенденциях современной науки о литературе и культуре, которая зачастую будет обозначать верхнюю хронологическую границу эпохи модернизма именно падением Парижа в 1940-м. В русистике в наиболее последовательном виде этот подход заявлен, к примеру, в коллективной монографии под редакцией Кэтрион Келли “Utopias: Russian Modernist Texts, 1905–1940” [18] и — особенно — в недавней книге Леонида Ливака “In Search of Russian Modernism” [19], где последовательно проводится тезис о конце русского модернистского сообщества с его культурной инфраструктурой и типом мышления именно в результате оккупации французской столицы.

Подобные выводы современных филологов подтверждаются не только фундированными ретроспективными исследованиями. Они скликаются с непосредственными творческими интуициями и художественной сейсмографией героев времени. Среди них, конечно, не на последнем месте и сам автор “Падения Парижа”, и, скажем, посетившая его вскорости по возвращении в Москву Анна Ахматова. Вчерашнему парижанину она прочитала свое стихотворение, которое поразило Эренбурга, сразу переписавшего его в свою записную книжку, “прозрением” (см.: [7, т. 7, с. 767, 634]), поэтически точным запечатлением всей эпической темы *погребения эпохи* — конца исторического эона, сопряженного с крушением, гибелью столицы Запада:

То град твой, Юлиан!
Вяч. Иванов

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают, дело не ждет.
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже.
Как маятник, ходит луна.
Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

[20, т. 1, с. 481]

Стихотворению предпослан эпитафия из сонета Вяч. Иванова о Париже “Латинский квартал”, где начало и заключительное трехстишие выглядят так:

Кто знает край, где свой — всех стран школяр?
Где молодость стопой стремится спешной,
С огнем в очах, чела мечтой безгрешной
И криком уст, — а уличный фигляр

Толпу зевак собрал игрой потешной? —
<...>

Где ткёт любовь меж мраморных Диан
На солнце ткань, — и Рима казематы
Черны в луне?.. То — град твой, Юлиан!
[21, кн. 1, с. 193]

Как видим, и в этом сочинении из давнего — 1903 года — сборника Иванова "Прозрачность" ночная, лунная ипостась веселого, вольного и ткущего любовь школярского Парижа сопрягается с воплощенным присутствием в его пространстве тяжелых и давящих следов Вечного города. Лирическая пьеса Иванова, написанная на расцветном взлете "серебряного века", срифмуется по прошествии почти четырех десятилетий с текстами Эренбурга и Ахматовой о падении французской столицы как конце эпохи модернизма. Срифмуется именно в неслучайном образном воплощении — в теме "романизации" Парижа, просвечивания в его лике римских черт. И на взлете, и при падении модернизм лишь яснее прозревал Вечность и ее доминанту.

В этом — одна из Парижских тайн.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олар А. Культ Разума и культ Верховного существа во время Французской революции / Пер. с фр. Е.С. Коц и А.Н. Карасика. М.: Сеятель, 1925. 235 с.
2. Гоголь Н.В. Рим // Гоголь Н.В. Полн. собр. сочинений: В 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 215–259.
3. Meyer E. da Costa. Dividing Paris: urban renewal and social inequality, 1852–1870. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2022. 416 p.
4. Jordan D. P. Transforming Paris: the life and labors of Baron Haussmann. New York; London; Toronto [etc.]: Free press, 1995. XXII, 455 p.
5. Cariani G. Une France russophile? Découverte, réception, impact. La diffusion de la culture russe en France de 1881 à 1914. Thèse de Doctorat en Histoire. Strasbourg: Institut d'Histoire contemporaine UFR des Sciences Historiques, Université des Sciences Humaines de Strasbourg, 1998.
6. Gaillard M. Paris: les expositions universelles de 1855 à 1937. Paris: Les Presses Franciliennes, 2003. 184 p.
7. Эренбург И. Собр. сочинений: В 8 т. М.: Худож. лит., 1990–2000.
8. Берар Е. Бурная жизнь Ильи Эренбурга. М.: НЛО, 2009. 272 с.
9. Marcou L. Ilya Ehrenbourg: un homme dans son siècle. Paris: Plon, 1992. 378 p.
10. Полонский В.В. Основные векторы поэтико-идеологических трансформаций в русской литературе и публицистике эпохи Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 13–19.
11. Полонский В.В. "Уют на лобном месте": Первая мировая война в поэтико-идеологических отражениях литературы русского модернизма // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 703–712.
12. Эренбург И. Лик войны. Изд. 2-е. Берлин: Геликон, 1923. 186 с.
13. Hinterhäuser H. Fin de siècle: Gestalten und Mythen. München: W. Fink, 1977. 233 S.
14. Rodin A. Les Cathedrales de France. Paris: Librairie Armand Colin, 1914. CIX, 164 p.
15. Жироду Ж. Пьесы. М.: Искусство, 1981. 648 с.
16. Эренбург И. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. 816 с. (Новая б-ка поэта).
17. Цвейг С. Вчерашний мир. М.: Радуга, 1991. 544 с.
18. Utopias: Russian Modernist Texts, 1905–1940 / Ed. by Catriona Kelly. London: Penguin, 1999. XXX, 378 p.
19. Livak L. In Search of Russian Modernism. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. IX, 375 p.
20. Ахматова А. Собр. сочинений: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2002.
21. Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. СПб.: Академический проект, 1995. (Новая б-ка поэта).

REFERENCES

1. Olar, A. *Kult Razuma i kult Verkhynogo Suschestva vo vremya Frantsuzskoy revoliutsii* [The Cult of Reason and the Cult of the Supreme Being during the French Revolution]. Transl. by E.S. Kots and A.N. Karasik. Moscow, Seyatel Publ., 1925. 235 pp. (In Russ.)
2. Gogol, N.V. *Rim* [Rome]. Gogol, N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy v 14 t.* [Complete Works: In 14 Vols.]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938. S. 215–259. (In Russ.)
3. Meyer, E. da Costa. *Dividing Paris: urban renewal and social inequality, 1852–1870*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2022. 416 p.
4. Jordan, D.P. *Transforming Paris: the life and labors of Baron Haussmann*. New York, London, Toronto [etc.], Free press, 1995. XXII, 455 p.
5. Cariani, G. *Une France russophile? Découverte, réception, impact. La diffusion de la culture russe en France de 1881 à 1914. Thèse de Doctorat en Histoire*. Strasbourg, Institut d'Histoire contemporaine UFR

- des Sciences Historiques, Université des Sciences Humaines de Strasbourg, 1998. (In French)
6. Gaillard, M. Paris: les expositions universelles de 1855 à 1937. Paris, Les Presses Franciliennes, 2003. 184 p. (In French)
 7. Ehrenburg, I. *Sobraniye sochineniy v 8 t.* [Collected Works in 8 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990–2000. (In Russ.)
 8. Berar, Ye. *Burnaya zhizn Ilji Erenburga* [Stormy life of Ilya Ehrenburg.]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)
 9. Marcou, L. Ilya Ehrenbourg: un homme dans son siècle. Paris, Plon, 1992. 378 p. (In French)
 10. Polonskiy, V.V. *Osnovnyye vektory poetiko-ideologicheskikh transformatsiy v russkoy literature i publitsistike epokhi Pervoy mirovoy voyny* [General Ways of Poetical and Ideological Transformations in Russian Literature and Publicism of the First World War]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhniy Novgorod], 2014, No. 2 (2), pp. 13–19. (In Russ.)
 11. Polonskiy, V.V. “*Uyut na lobnom meste*”: *Pervaya mirovaya voyna v poetiko-ideologicheskikh otrazheniyakh literatury russkogo modernizma* [“A cosiness on Lobnoye Mesto”: World War I in Poetic and Ideological Reflections of Literature of the Russian Modernism]. *Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kulturnom kontekste Pervoy mirovoy voyny* [Politics and Poetics: Russian Literature in the Historical and Cultural Context of the First World War. Publications, Research and Materials]. Moscow, Institute of World Literature of RAS Publ., 2014, pp. 703–712. (In Russ.)
 12. Ehrenburg, I. *Lik voyny* [The Face of War]. Ed. 2nd. Berlin, Helikon Publ., 1923. 186 p. (In Russ.)
 13. Hinterhäuser, H. *Fin de siècle: Gestalten und Mythen*. München, W. Fink, 1977. 233 S. [In German]
 14. Rodin, A. *Les Cathedrales de France*. Paris, Librairie Armand Colin, 1914. CIX, 164 p. (In French)
 15. Zhirodu, Zh. *Pyesy* [Plays]. Moscow, Iskustvo Publ., 1981. 648 p. (In Russ.)
 16. Ehrenburg, I. *Stikhotvoreniya i poemu* [Verses and Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 2000. 816 p. (In Russ.)
 17. Zweig, S. *Vcherashniy mir* [Yesterday’s World]. Moscow, Raduga Publ., 1991. 544 p. (In Russ.)
 18. *Utopias: Russian Modernist Texts, 1905–1940*. Ed. by Catriona Kelly. London, Penguin, 1999. XXX, 378 p.
 19. Livak, L. *In Search of Russian Modernism*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2018. IX, 375 p.
 20. Akhmatova, A. *Sobraniye sochineniy v 6 t.* [Collected Works in 6 Vols.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1998–2002. (In Russ.)
 21. Ivanov, Vyacheslav. *Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya. V 2 kn.* [Verses. Poems. Tragedy. In 2 Books]. St. Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 1995. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 мая 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 июля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.

Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on May 25, 2023

Revised on July 20, 2023

Accepted on August 15, 2023

Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028323-1

О стихотворении Осипа Мандельштама “На влажный камень возведенный...” (1909)

© 2023 г. Д. В. Фролов

Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН,
профессор Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
dvfrolov@yandex.ru

Резюме. Стихотворение “На влажный камень возведенный...” было послано осенью 1909 года сначала М. Волошину, а затем Вяч. Иванову и входит в подборку “стихов в письмах”, которые были опубликованы только во второй половине XX века. Тема стихотворения — противостояние любви и смерти. Амур оказывается на надгробном камне (“зеленый мох и влажный камень”) и, удивленный тем, что ему открылось, пытается любовью (“сердца незаконный пламень”) отомстить смерти. Поэтика стихотворения представляет собой еще один шаг в развитии присущей Мандельштаму техники подтекстов и контекстов. “Упомянутыми клавишами” здесь выступают сочетания существительных с необычными для них прилагательными (“незаконный пламень”, “наивные долины” и др.), а также пары рифм (“нагой — ногой”, “камень — пламень”, “грубый — губы”). Подтексты стихотворения образуют два этажа, когда сквозь символистские ассоциации просвечивают мотивы классической поэзии, связывая воедино поэзию Золотого и Серебряного века. Ключевой для стихотворения образ Амура (единственный контекст в творчестве поэта) имеет, судя по всему, литературное происхождение.

Ключевые слова: М.А. Волошин, М.Л. Гаспаров, “стихи в письмах”, Амур, “упомянутая клавиатура”, Гейдельберг, Ф.И. Тютчев, П. Верлен.

Для цитирования: Фролов Д.В. О стихотворении Осипа Мандельштама “На влажный камень возведенный...” (1909) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 15–21. DOI: 10.31857/S160578800028323-1

Reflections on Osip Mandelstam’s Poem “Erected on a Wet Stone...” (1909)

© 2023 Dmitry V. Frolov

Doct. Sci. (Philol.),
Corresponding member of the RAS,
Professor at the Institute of Asian and African Countries
of the Lomonosov Moscow State University,
11 Bld. 1 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
dvfrolov@yandex.ru

Abstract. The poem “Erected on a wet stone...” was sent in the Autumn of 1909 first to Max Voloshin and then to Vyacheslav Ivanov and is part of “poems in letters” which were only published in the second half of 20th century. The central theme of the poem is the juxtaposition of love and death. Cupid finds himself standing on a tombstone (“green moss and wet stone”) and being surprised by what he discovers tries to avenge on death through love (“illegal flame of the heart”). The poetics of the poem represents another step in the development of Mandelstam’s inherent technique of subtexts and contexts. The “mentioning keys” here are combinations of nouns with uncommon adjectives (“illegal flame”, “naive valleys”, etc.), as well as pairs of

rhymes: “nagai – nogoi” (naked – foot), “kamen – plamen” (stone – flame), “grubiy – gubi” (rough – lips). The subtexts of the poem might be read on two levels, so that the motifs of classical poetry shine through the symbolist associations, linking together the poetry of the Russian Golden and Silver Ages. The key image of Cupid for the poem (the only context in the author's poetry) has, apparently, a literary origin.

Key words: Max Voloshin, Mikhail Gasparov, “poems in letters”, Cupid, “keyboard of subtexts”, Heidelberg, Fyodor Tyutchev, Paul Verlaine.

For citation: Frolov, D.V. *O stikhotvorenii Osipa Mandelshtama “Na vlazhnyi kamen vosvedenniy...” (1909)* [Reflections on Osip Mandelstam's Poem “Erected on a Wet Stone...” (1909)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 15–21. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028323-1

Стихотворение, о котором пойдет речь, было приложено к письму М.А. Волошину в конце сентября 1909 года, а затем повторно было послано в письме Вяч. Иванову от 22 октября (4 ноября) 1909 года. Вот это стихотворение:

На влажный камень возведенный
Амур, печальный и нагой,
Своей младенческой ногой
Переступает, удивленный
Тому, что в мире старость есть –
Зеленый мох и влажный камень.
И сердца незаконный пламень –
Его ребяческая месть.
И начинает ветер грубый
В наивные долины дуть:
Нельзя достаточно сомкнуть
Свои страдальческие губы¹.

Размер – 4-ст. ямб, рифма опоясывающая – абба вггв, со сложным чередованием женских и мужских рифм – ЖммЖ мЖЖм ЖммЖ.

Когда точно было написано это стихотворение, мы не знаем. Отослано оно было в сентябре из Гейдельберга, но могло быть сочинено и раньше, летом.

Содержание этого стихотворения выглядит довольно простым, и сюжет развивается линейно. М.Л. Гаспаров пишет: «Статуя Амура удивляется, “что в мире старость есть”, и только поэтому наполняет любовью то, что еще живет»². В другом месте он говорит, что статуя Амура – это “символ неразумной любви, протестующей против неразумной старости и смерти; их столкновение сулит страдания”³. Итак, Амур удивляется

(строфа 1), когда внезапно сталкивается со старостью и смертью, и любовь, которую он вселяет, это его ребяческая месть (строфа 2), и столкновение двух антагонистов несет страдания (строфа 3). Самой сложной оказывается интерпретация третьей строфы⁴.

Продолжим разбор стихотворения и начнем с нескольких замечаний о его поэтике, которая далеко не проста⁵. Отметим две черты.

Во-первых, в этом стихотворении много сочетаний существительных с необычными для них прилагательными: “незаконный пламень”, “ветер грубый”, “наивные долины”, “страдальческие губы”, причем все эти эпитеты для поэзии Мандельштама 1909–1910 гг. очень редкие, практически уникальные: “незаконный”⁶, “наивный”, “страдальческие” встречаются всего один раз, а “грубый” – два раза⁷. Часто именно так выглядит у Мандельштама “упоминательная клавиатура”, дающая ключ ко второму, ассоциативному плану конкретного стихотворения.

Во-вторых, в набор “упоминательных” клавиш в нем попадают не только слова или словосочетания, но сочетания рифм. В каждой строфе есть такая пара рифм: “нагой – ногой”, “камень – пламень”, “грубый – губы”⁸.

⁴ М.Л. Гаспаров говорит, что в третьей строфе связность текста слабеет, см. *там же*.

⁵ В работе над статьей большую помощь оказали Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) и Л.Г. Митюшин. Конкорданс к стихам Осипа Мандельштама: https://rvb.ru/20vek/mandelstam/m_o/concordance

⁶ Собственно “пламень” тоже упомянут в ранних стихах один раз. Всего же это слово зафиксировано в поэзии Мандельштама три раза, но два других – из совсем другого времени.

⁷ Второй раз – тоже из стихов в письмах. Это “На грубом золоте песка” из стихотворения “Я вижу каменное небо” (1910) в последнем августовском письме Вяч. Иванову.

⁸ Возникает ощущение, что поэт сознательно работает над расширением арсенала технических средств для создания подтекста или второго плана стихотворения.

¹ Впервые текст этого стихотворения был напечатан в публикации 1970 года: Из литературного наследия О. Мандельштама. Двадцать два неизданных стихотворения // Вестник русского студенческого христианского движения (ВРСХД), но не как самостоятельное произведение, а как продолжение стихотворения “Озарены луной ночевья...” (№ 8) [1, с. 110]. Уже как отдельное стихотворение текст был опубликован в 1973 году А.А. Морозовым [2, с. 266–267], и в таком виде оно входит во все последующие собрания сочинений поэта.

² [3, с. 610].

³ См.: [4, с. 19].

Строфа 1. Последуем за поэтом и начнем с Амура. Амур в поэзии Мандельштама появляется только один раз на всем протяжении его творчества. Откуда же пришел в стихотворение этот ключевой для него образ. Возможных путей два: либо под впечатлением чего-то увиденного, либо из литературных ассоциаций.

Высказывались предположения, что это размышления поэта при взгляде на статую Амура или воспоминании о ней, скорее всего, из какого-то фонтана или парка⁹.

Но в таком случае сказать, о каком именно фонтане идет речь, трудно. Предположение, что речь идет о каком-то месте в Гейдельберге, представляется сомнительным, поскольку, как указывает П. Нерлер, "поиски в городе реального фонтана... оказались тщетными"¹⁰. На первый взгляд, причем из нашего времени, подходит другой фонтан, только не в Гейдельберге, а в Петергофе. Это фонтан "Дубовый" в верхнем саду, в центре которого стоит скульптура "Амур, надевающий маску"¹¹. Там вроде бы есть все: и Амур, и влажный камень, и зеленый мох. Вот только статую Амура поставили в бассейне фонтана в 1929 году¹², а до этого она стояла в летнем императорском дворце на Елагинском острове. Наиболее известный Амур в Царском Селе — это реплика скульптуры "Грозный Амур" Фальконе, ставшей символом стиля рококо, но она стоит не в фонтане, а в Агатовых комнатах. Вопрос о том, мог ли Мандельштам видеть того или другого Амура, остается для нас открытым, но даже если и так, то это был не фонтан.

Литературное происхождение Амура представляется более вероятным. Именно этой точки зрения придерживается Омри Ронен в своем анализе подтекстов этого стихотворения, которое он называет избыточным "тютчевской лексикой и семантикой". Упоминаемый источник — стихотворение Тютчева "С.Е. Раичу (На камень жизни роковой)" (1827?), которое начинается так:

На камень жизни роковой
Природою заброшен
Младенец пылкий и живой
Играл — неосторожен.

⁹ Вот что пишет Анна Фэвр-Дюпэгр: "Поэт выводит на сцену скульптуру бога Амура на камне, поставленную на пьедестал для украшения некоего парка", см. [5, с. 19].

¹⁰ См.: [6, с. 47].

¹¹ Первоначально, в XVIII веке вид фонтана был совсем иным, с чем и связано закрепившееся за ним название "Дубовый".

¹² Нам удалось найти фото фонтана, относящееся к 1907–1908 гг. На нем видно, что в центре фонтана вообще ничего нет. Есть только дельфины по краям, которые оставались нетронутыми при всех перестройках.

И далее:

Еще другое божество
Он чтит в молодые лета —
Амур резвился вокруг него
И дани брал с поэта.

Приведем полностью слова, сказанные Роненом об этом подтексте: «Так "камень жизни роковой" и играющий на нем младенец уводит Мандельштама к известным аллегорическим изображениям, контаминированным, по связи с Амуром, резвящимся в тютчевском посвящении Раичу, с эмблематикой амуров-рыболовов, стоящих на камнях среди вод...»¹³. Трудно сказать, кого в этих словах больше — Мандельштама или Ронена, но упомянутый текст Тютчева, безусловно, входит в ассоциативный ряд стихотворения "На влажный камень возведенный..." как возможный источник образа Амура на камне, именно образа, поскольку по содержанию и тональности стихотворение Тютчева совсем иное. Отметим, что и у Ронена Амур на влажном камне представляется стоящим среди вод, хотя у Тютчева мотив воды отсутствует.

Кроме того, Ронен видит в этом стихотворении воплощение "главного принципа поэтики раннего Мандельштама" — сочетание Тютчева "с ребячеством Верлена". Он отмечает, что в нем "Амур на земле" Верлена и "Я помню время золотое..." Тютчева, говоря его словами, "сопоставлены в единый образ скрещиванием метафоры и метонимии"¹⁴.

Стихотворение Тютчева, похожее по настроению и тональности на разбираемое стихотворение Мандельштама, можно тоже отнести к его ассоциативному ряду, особенно выделенные строки¹⁵:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит.
Ногой младенческой касаясь
Обломков груди вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.
И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.
Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;

¹³ [7, с. 119].

¹⁴ Цит. соч., с. 120.

¹⁵ Во всяком случае, других употреблений сочетания "младенческой ногой" в стихах русских поэтов нам неизвестно.

День догорал; звучнее пела
 Река в померкших берегах.
 И ты с веселостью беспечной
 Счастливый провожала день;
 И сладко жизни быстротечной
 Над нами пролетала тень.

Верленовский “Амур на земле”, связанный со стихотворением Тютчева через тему разбитого Амура, которого сбросил с пьедестала “ветер тягостный и хмурый”, действительно чем-то напоминает текст Мандельштама и возможно входит в его ассоциативный ряд, но, пожалуй, без ремарки Ронена мы бы этого не заметили. Ассоциация есть, но не близкая. Приведем это стихотворение в переводе И. Эренбурга:

Сегодня ночью ветер тягостный и хмурый
 В аллее самой темной и пустой,
 Блуждая, сбросил с пьедестала хитрого Амура,
 Коварного Амура с тоненькой стрелой.

Вчера мы целый день о той стреле мечтали,
 А ветер сбросил статую. Едва-едва
 В тени дерев на опустевшем пьедестале
 Мы разбираем стертые почти слова.

О мысли грустные, одна другой грустнее...
 Себя я вижу одиноким и пустым,
 Как этот пьедестал в заброшенной аллее,
 Перед которым мы сейчас вдвоем стоим.

О, грустно это! Даже ты грустить готова,
 Почти растроганная... Но исподтишка
 Ты весело глядишь на ярко-золотого,
 Играющего над цветами мотылька...

Третий шаг в разборе Ронена — лексический. Он пишет: «Два поэтических словаря накладываются друг на друга по праву чисто типологического сходства, а не исторического родства: “ветер грубый”, верленовское “ses bises rudes” (En patinant), русскоязычному читателю не может не напомнить “бизу” Тютчева»¹⁶.

Однако откуда взялся антураж для Амура: “влажный камень” или более развернуто во второй строфе — “зеленый мох и влажный камень”, ведь ни у Тютчева, ни у Верлена этих образов нет. Эта клавиша, несомненно, отсылает нас к поэзии,

¹⁶ Цит. соч., с. 120. Как представляется, именно этот шаг в аргументации Ронена выглядит наименее убедительным. Во-первых, стихотворение En patinant, насколько нам известно, тогда еще не было переведено на русский язык, а Мандельштам, работая с подтекстами, предпочитал ассоциации с русскими переводами. Во-вторых, выражение *ses bises rudes* буквально значит “ее (осени) грубые (злые) поцелуи”, да и само стихотворение по своему смыслу и образности очень далеко от текста Мандельштама. В-третьих, стихотворение Тютчева “Утихла биза... Легче дышит // Лазурный сонм женевских вод — // И лодка вновь по ним плывет, // И снова лебедь их колышет” совсем не перекликается с мандельштамовским произведением, кроме разве что упоминания могилы в последней строке.

однако указывают она не туда. “Влажный камень” вызывает в памяти стихотворение Волошина “Мы заблудились в этом свете...”¹⁷, последняя строфа может считаться еще одним подтекстом для данного произведения Мандельштама¹⁸:

Мы заблудились в этом свете.
 Мы в подземельях темных. Мы
 Один к другому, точно дети,
 Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
 Орфей родную тень зовет.
 И кто-то нас друг к другу бросил,
 И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
 Рука горит еще в руке.
 И **влажный камень** вдалеке
 Лепечет имя Эвридики¹⁹.
 29 июня 1905, Париж

Кстати, сочетание рифм “нагой — ногой” в первой строфе выводит нас на стихотворение М. Кузмина “В тенистой роще безмятежно...” (1908):

В тенистой роще безмятежно
 Спал **отрок милый и нагой**;
 Он улыбался слишком нежно,
 О **камень опершись ногой**²⁰.

С некоторой осторожностью можно указать также на строки из стихотворения Вяч. Иванова “Когда бы отрок смуглый и нагой...” (1909):

Когда бы **отрок смуглый и нагой**,
 С крылами мощными, с тугим колчаном²¹.

¹⁷ Не исключено, что начальная строка этого стихотворения аукнулась в поэзии Мандельштама много позже, в марте 1937 года в двойчатке “Заблудился я в небе — что делать?”. Во всяком случае, глагол “заблудиться” встречается у поэта еще только раз, совсем в ином и вовсе не в символическом контексте.

¹⁸ Как ни удивительно, но сочетание “влажный камень” — очень редкое в русской поэзии. Собственно, Волошин и Мандельштам — это все или, возможно, почти все.

¹⁹ Через образ Эвридики текст Волошина связан со стихотворением Тютчева “На камень жизни роковой...”, где есть такие строки: “Ему на память стрелку дал, // И в сладкие досуги // Он ею повесть начертал // **Орфеевой супруги**”. Кстати, эта же заключительная строфа, возможно, дает нам подтекст для другого стихотворения из этой же подборки — “В холодных переливах лир”. Так что, может быть, не случайно, что оба стихотворения были приложены к письму Волошину.

²⁰ Скорее всего, это была чисто словесная ассоциация, ибо смысл стихотворения Кузмина совершенно иной.

²¹ Укажем, что нагой Амур упоминается не так часто в русских стихах, но мы нашли его в “Душеньке” И.Ф. Богдановича:

То был... но кто?.. **Амур** был сам;
 Сей бог, властитель всей натуры,
 Кому покорны все амурь.
 Он в крепком сне, почти **нагой**.

Получается, что первая строфа стихотворения помещена, помимо ассоциаций с Тютчевым, сознательно или нет, трудно сказать, в пространство символистской поэзии: Волошин, Кузмин, Иванов, да, собственно, и Верлен тоже. В ее подтексте намечены, так сказать, два пласта: классика и символизм, причем один просвечивает сквозь другой, что характерно для многих ранних стихов Мандельштама.

Строфа 2. "Зеленый мох" в русской поэзии, в отличие от "влажного камня", достаточно частотен, причем это другая поэзия, совсем не символистская. Это словосочетание прочно входит в образ могилы, смерти и смертного забвения, особенно в сочетании с камнем, как в данном стихотворении. Приведем некоторые достаточно известные контексты:

Н.М. Карамзин. Поэзия: "Едва был создан мир огромный, велелепный..." (1787):

Еще друзья твои в печали слезы льют —
Еще **зеленый мох** не виден на могиле,
Скрывающей твой прах!

М.Ю. Лермонтов. "Оставленная пустынь предо мной..." (1830):

Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь, — всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов.
Таков **старик**, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил²².

П.А. Плетнев. Гробница Державина: "Молчит угрюмый бор, одетый ночи мглой..." (1819):

Обломки мраморны покрыл **зеленый мох**,
И гордые упали мавзолеи²³;

Упомянутые подтексты: Лермонтов, Карамзин, Плетнев, а через него — Державин, варьируют те же темы любви и смерти. Любовь сопротивляется смерти, но не побеждает ее²⁴. В этом смысловом ряду "зеленый мох и влажный камень"²⁵ оказываются намеком не на фонтан, а на надгробие, могильную плиту. Амуров обычно на могилах не ставят, и в этой связи, обратим внимание, что не сказано, что Амур там стоит, а сказано, что он

туда "возведен". Становится понятным удивление Амура, привыкшего иметь дело с любовью, а не со смертью и старостью, который неожиданно попал в непривычную для себя обстановку. Подчеркнем, что образ могилы, надгробия, который углубляет основную мысль стихотворения, заостряет ее, возникает в подтексте, а не в тексте, причем подтекст этот — из поэзии XVIII—XIX веков.

Каким образом возникла эта связка Амура и надгробия, сказать трудно²⁶. Могло быть и так, что какой-то увиденный Амур стал источником вдохновения для поэта, а детали для него были домыслены поэтическим воображением. Впрочем, Амур мог прийти из тютчевского стихотворения, но мог — и из стихотворения Державина "Амур и Психея" как подтекст, так сказать, второго порядка, как подтекст подтекста, что для Мандельштама не редкость. Да это и не так важно. Важно, что образ возник, и от него пошло разворачиваться стихотворение.

Вторая строфа говорит об ответе Амура на неожиданно для него возникшую ситуацию. Он ребячески пытается ей противостоять и продолжает вселять в сердца людей любовь, несмотря на ожидающие их старость и смерть. Но отменить старость и смерть нельзя, и поэтому пламень любви назван "незаконным", как бы идущим вразрез с неустрашимыми законами жизни. Любовь оказывается всего лишь эфемерным призраком на фоне суровой действительности.

О других подтекстах второй строфы говорить трудно, поскольку в единственном необычном образе "незаконного пламени" первое слово до Мандельштама в русской поэзии не употреблялось, а второе слишком частотно, чтобы указывать на что-то конкретное. Возможно, что это отсылка к стихам Вяч. Иванова, у которого есть такие строки, относящиеся как раз к этому времени [Гимны к ночи, 5 (1909)]:

Мужайся Дух! К нетленной
Нам жизни жизнь порог,
И сердца пламень тленный
Грядущего залог²⁷.

²² Завершается это достаточно длинное стихотворение словами: "Не мысля, что в сем месте сгнили // **Сердца**, которые любили!". Получается, что в этом контексте есть все: смерть, старость, любившее когда-то сердце.

²³ Кстати, у Державина есть стихотворение "Амур и Психея" (в позднейших изданиях — Психея).

²⁴ Если посмотреть на другие стихотворения, приложенные к письму Волошину, любовная тема в контексте разлуки, расставания, неизбежной кончины оказывается смысловой доминантой подборки.

²⁵ А возможно и "влажный камень" в первой строфе.

²⁶ Можно лишь в этой связи вспомнить стихотворение Бодлера "Амур и череп": "Не то шутом, не то царем, // В забавно-важной роли, // Амур на черепе людском // Сидит, как на престоле".

²⁷ Можно увидеть здесь скрытую полемику у Мандельштама со стихами Вяч. Иванова. Сердца пламень для него — это не грядущего залог. Этот пламень незаконен в свете неизбежности грядущей смерти. Напомним похожую реплику Мандельштама "Никто тебя не позовет" в стихотворении "Ты улыбаешься кому...", приложенном к письму, посвященному разбору книги Вяч. Иванова "По звездам", см. [8]. В обоих случаях старший поэт говорит о возможности будущей жизни, о любви как пути в нее, а Мандельштам говорит совсем иное. Любовь лишь временное явление, а дальше смерть и все. Это созвучно отношению Мандельштама к религии, поскольку поворот, озаглавленный встречей с С.П. Каблуковым, был еще впереди.

Рифма “камень — пламень” в любом порядке составляющих — одна из самых употребимых в русской поэзии, можно даже сказать “затертых”. Ее употребление в стихах вызывает в памяти в первую очередь “Евгения Онегина” Пушкина:

Они сошлись. Волна и **камень**,
Стихи и проза, лед и **пламень**
Не столь различны меж собой.

А уж затем память приводит и другие стихи, у каждого свои. В любом случае эту пару рифм употребляли уже Тредиаковский, Кантемир и Сумароков (практически все, кроме Ломоносова), и в каждом поколении примеров было много. Очень популярна эта пара рифм была у символистов. Причем обычно, хотя и не всегда, она обозначала полярные понятия, как правило, любовь, страсть, жизнь, с одной стороны, а с другой — смерть, могилу, надгробие. Приведем некоторые примеры. Начнем с “Руслана и Людмилы” Пушкина:

Недвижим он, как **мертвый камень**;
Мрачится разум; **дикий пламень**
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.

Вот пример из Державина (“Признание”, 1807):

Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви колы **пламень**,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой **камень**,
Если ты не человек.

А вот у Батюшкова (“Тебе ль оплакивать утрату юных дней?..”, 1817–1818):

Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый **камень**;
И в осень дней твоих не погасает **пламень**,
Текущий с жизнью в крови.

Вот еще пара примеров, уже из стихов современников Мандельштама.

В.Ф. Ходасевич (“И я пришел к тебе, любовь...”, 1906–1907):

И снова ровен стук сердец;
Кивнув, исчез недолгий **пламень**,
И понял я, что я — мертвец,
А ты лишь мой надгробный **камень**.

Андрей Белый (“Матери”, 1907):

Я сел на могильный **камень**...
Куда мне теперь идти?
Куда свой потухший **пламень** —
Потухший пламень... — нести.

Функция пары “камень — пламень” у Мандельштама иная, чем у пары рифм в первой строфе.

Она указывает не на конкретный контекст, а помещает этот парный образ в русскую поэтическую традицию, в ее немолчный шум, из которого вырастает для поэта звук его собственной поэзии. Она связывает воедино поэзию Золотого и Серебряного века и одновременно служит еще одним указанием, что “зеленый мох и влажный камень” — это могила, а не фонтан.

Третья строфа образована из двустий, связь между которыми — синтаксическая и смысловая — неочевидна. Начнем с первого двустия. Это третий шаг в построении поэта. Первый шаг — Амур, оказавшийся на могиле, поражен тем, что есть старость и смерть. Второй шаг — это его месь; он вселяет в сердца любовный пламень, пусть и незаконный. Теперь третий шаг — что происходит потом, когда человек погрузился в любовь, отсюда глагол “начинает”. Итак, грубый ветер начинает дуть в наивные долины. Что же это за “наивные долины”? Наивные, разумеется, не долины, а те, кто в них находится. По контексту, это люди, пытающиеся любовью отгородиться от неотвратимой судьбы, создать свой маленький, уютный, хотя и непрочный мирок. Прежде, в других стихах суровости реального мира был противопоставлен игрушечный, детский мир искусства, где человек ощущает себя творцом “в сознании минутной силы, в забвении печальной смерти”. Здесь неотвратимости суровой судьбы в реальном мире противопоставлен мир любви, но и он такой же: его создает младенец Амур, он результат его ребяческой мести, а обитатели его долин — наивные.

“Ветер грубый”, значит, не легкий, не нежный, а сильный, почти ураган, — это суровая и неотвратимая реальность, которая врывается в мир, где человек пытается спрятаться от нее в любви²⁸. Вывод понятен: спрятаться, укрыться не дано, как не дано “остановить веретено”.

Остается последнее двустий. Почему губы “страдальческие” можно понять. Невесело жить в мире, помня о неизбежной смерти. Но почему их нельзя достаточно сомкнуть? И для чего достаточно? Один ответ кажется естественным. Наверное, многим помнится, что когда в лицо дует сильный ветер или льют струи дождя, человек инстинктивно сжимает губы, чтобы защититься, отгородиться²⁹. Значит, нельзя достаточно сомкнуть, чтобы защититься от ворвавшейся в мир

²⁸ Ср. похожий мотив в стихотворении “Если утро зимнее темно...” (1909, тоже из писем). Только в нем речь идет о мире искусства, а не мире любви. Там обитатели (как и предметы, впрочем): “Ото всех ветров защищены // Ото всяких бед защищены”.

²⁹ Кстати, человек часто делает то же самое, когда на него обрушивают шквал упреков или оскорблений. Он поджимает губы.

любви суровой реальности? Однако подтекст подсказывает нам и другой возможный, хотя и неожиданный ответ. Сочетание рифм "грубый — губы" выводит нас на стихотворение Брюсова "Трубите в траурные трубы..." (1907), которое Мандельштам, наверняка, знал:

Трубите в траурные **трубы**,
Закройте крепом зеркала,
Она лежит, сомкнувши губы,
И повторяет голос **грубый**:
Все совершилось! Умерла!

Тогда получается, что "сомкнуть губы" значит умереть. В обоих возможных интерпретациях концовка стихотворения пессимистична: нельзя защититься, отгородиться, спастись. Даже "умереть, уснуть", чтобы избавиться от мыслей о неизбежном конце, и то невозможно.

Мы начали разговор о стихотворении с того, что содержание его довольно просто, но в поэзии важно не только содержание и даже не столько содержание.

Разбор стихотворения (или вообще любого произведения искусства) никогда не может считаться законченным. Мы сделали, что могли. Дальше вопрос вкуса. Волошину это стихотворение (наряду с другими) не понравилось, а мне — да. Один — один.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из литературного наследия О. Мандельштама. Двадцать два неизданных стихотворения // Вестник русского студенческого христианского движения (ВРСХД). № 97 (1970). Выпуск III, Париж — Нью-Йорк. С. 107—117.
2. Морозов А.А. Письма О.Э. Мандельштама к В.И. Иванову // Записки Отдела рукописей. Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Вып. 34. М.: Книга, 1973. С. 258—274.
3. Мандельштам Осип. Стихотворения. Проза (Библиотека поэта) / Составление, вступительная статья и комментарии М.Л. Гаспарова. М., 2001.
4. Гаспаров М.Л. О нем. Для него. НЛО. Научное приложение CLXI. М., 2017.
5. Faivre-Dupaigre A. Genese d'un poète: Ossip Mandelstam au seuil du XXe siècle. Valenciennes, 1995.
6. Нерлер Павел. Осип Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994.
7. Ронен Омри. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.
8. Фролов Д.В. О стихотворении Осипа Мандельштама "Ты улыбаешься кому..." (1909) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 54—60.

REFERENCES

1. *Iz literaturnogo nasledija O. Mandelshtama. Dvadcat dva neizdannyh stihotvoreniya* [From the Literary Heritage of O. Mandelstam. Twenty-Two Unpublished Poems]. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya (VRSXD)* [Le Messenger. Bulletin du mouvement chrétien étudiant russe]. Tome 97 (1970), No. III, Paris — New York, pp. 107—117. (In Russ.)
2. Morozov, A.A. *Pisma O.E. Mandelshtama k V.I. Ivanovu* [Letters of O.E. Mandelstam to V.I. Ivanov]. *Zapiski Otdela rukopisej. Gos. b-ka SSSR im. V.I. Lenina. Vyp. 34.* [Notes of the Department of Manuscripts. State Library of the USSR named after V.I. Lenin. Issue 34]. Moscow, The Book Publ., 1973, pp. 258—274. (In Russ.)
3. Mandelshtam, Osip. *Stihotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, 2001. (In Russ.)
4. Gasparov, M.L. *O nem. Dlja nego* [About him. For him]. *NLO. Nauchnoe prilozhenie CLXI* [New Literary Review. Scientific Supplement]. Moscow, 2017. (In Russ.)
5. Faivre-Dupaigre, A. *Genese d'un poète: Ossip Mandelstam au seuil du XXe siècle.* Valenciennes, 1995. (In French)
6. Nerler, Pavel. *Osip Mandelshtam v Gejdelerde* [Osip Mandelstam in Heidelberg]. Moscow, 1994. (In Russ.)
7. Ronen, Omri. *Pojetika Osipa Mandelshtama* [Poetics of Osip Mandelstam]. St. Petersburg, 2002. (In Russ.)
8. Frolov, D.V. *O stihotvorenii Osipa Mandelshtama "Ty ulybaeshsja komu..." (1909)* [Reflections on Osip Mandelstam's Poem "Whom Do You Smile to..." (1909)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serijâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2015. Vol. 74. No. 1, pp. 54—60. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 мая 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 июня 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.
Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on May 24, 2023
Revised on June 6, 2023
Accepted on August 15, 2023
Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028324-2

Внутриязыковые страты в межъязыковом контакте (на материале русского языка диаспоры в Германии)

© 2023 г. В. В. Вардиц

Доктор филологических наук,
приват-доцент,
Кёльнский университет,
Германия, 50931, Кёльн, ул. Вайерталь, д. 137
vwarditz@uni-koeln.de

Резюме. В статье рассмотрена эволюция системы внутриязыковых страт русского языка в условиях неравноправного распределения контактирующих языков (*русский язык диаспоры vs немецкий язык официального общения*). Специфика данного случая состоит в том, что в контакт здесь вступают языки, изначально располагающие аналогичными социолингвистическими характеристиками, которые, однако, последовательно утрачиваются для (русского) языка без административного статуса, бытующего исключительно в личной сфере в качестве устного коммуникативного кода. Эта ситуация в свою очередь способствует лексическому, морфосинтаксическому и прагматическому трансферу из немецкого языка в русский язык диаспоры. Однако, как показывает анализ социолингвистических и лингвистических данных, межъязыковой контакт затрагивает также систему страт русского языка, при этом сужение его исходного набора страт и трансфер страт из немецкого языка, т.е. возникновение новой (смешанной) системы, объясняется изменением социолингвистических характеристик русского языка в контексте миграции. Индикатором новой полилингвальной вариативности, в том числе и стратификационной, является переключение межъязыкового кода на месте внутриязыкового, особенно характерное для второго поколения диаспоры.

Ключевые слова: языковой контакт, неравноправное многоязычие в условиях миграции, язык диаспоры, внутриязыковые страты, межпоколенческий языковой сдвиг, русский язык, немецкий язык.

Для цитирования: Вардиц В.В. Внутриязыковые страты в межъязыковом контакте (на материале русского языка диаспоры в Германии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 22–36. DOI: 10.31857/S160578800028324-2

Intralingual Varieties in Interlingual Contact (The Case of Migrant Russian in Germany)

© 2023 Vladislava Warditz

Dr. phil. habil.,
Associate Professor (Privatdozent),
University of Cologne,
137 Weyertal, Cologne 50931, Germany
vwarditz@uni-koeln.de

Abstract. The paper examines the evolution of the system of intralingual varieties of Russian in the context of migration-affected unbalanced multilingualism (*Russian as a heritage language vs German as a language of official communication*). In this specific case of multilingualism, two languages with similar sociolinguistic characteristics (status, polyfunctionality, codification) enter in contact, whereby Russian, as a language without administrative status and used only in the personal sphere, is *de facto* reduced to one (informal)

communicative code. This situation in turn contributes to the lexical, morphosyntactic and pragmatic transfer from German into Russian. However, as the analysis of sociolinguistic and linguistic data shows, interlingual contact also affects the system of Russian language varieties. The reduction of the original repertoire of intralingual varieties and the transfer of German interlingual varieties, i.e. the emergence of a new (mixed) system, is explained by the change in the sociolinguistic characteristics of the Russian language due to migration. An indicator of the emerging polylingual variation, including stratification, is the switching of the interlingual code instead of the intralingual code, a typical feature of the second generation in the diaspora.

Key words: languages in contact, migration-affected unbalanced multilingualism, migrant heritage languages, intralingual varieties, intergenerational language shift, Russian, German.

For citation: Warditz, Vladislava. *Vnutriyazykovyye straty v mezyazykovom kontakte (na materiale russkogo yazyka diaspory v Germanii)* [Intralingual Varieties in Interlingual Contact (The Case of Migrant Russian in Germany)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 22–36. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028324-2

1. Языки vs страты в контакте

В статье на примере русского языка диаспоры¹ в Германии показано взаимодействие систем внутриязыковых страт в условиях неравноправного многоязычия, частным случаем которого является многоязычие в контексте миграции. Эти условия могут быть охарактеризованы как функционально и социально неравноправное распределение языков, бытующих в определенном языковом сообществе, в нашем случае — русского и немецкого. В то время как язык диаспоры (русский, L1) функционирует в неофициальном (семейном и дружеском) общении, в официальной сфере (администрация, политика, экономика, образование) используется государственный язык (немецкий, L2), в том числе и самими представителями диаспоры. Таким образом, в контексте эмиграции для русского языка возникает принципиально новая социолингвистическая ситуация, к основным характеристикам которой могут быть отнесены:

- (1) Утрата официального статуса государственного языка;
- (2) Смена (преимущественно) монолингвального окружения на би- или полилингвальное;
- (3) Функционирование в условиях неравноправного двуязычия, вследствие которого стандартный (кодифицированный) язык и его функциональные разновидности оказываются невостребованными;

¹ Понятие *язык диаспоры* обозначает язык эмигрантов и их потомков, т.е. используется как общий термин для обозначения базового языка сообщества с миграционным фоном в первом и последующих поколениях. Термин *унаследованный язык* обычно используется в отношении второго и последующих поколений мигрантов, реже — в противопоставлении языку собственно эмиграции, т.е. первого поколения [1].

- (4) Утрата коммуникативного престижа вследствие утраты статуса государственного языка и обретения негласного статуса языка маргинальной языковой и социальной группы;
- (5) Сужение сферы функционирования и изменение коммуникативного ранга, вследствие чего полифункциональность языка сменяется использованием его некодифицированных (как правило, устных) разновидностей.

Специфика нашего случая в общей типологии ситуаций неравноправного многоязычия состоит в том, что в ситуации контакта здесь находятся два языка (русский и немецкий), изначально располагающие аналогичными социолингвистическими характеристиками (административный статус, степень кодифицированности, полифункциональность), которые для русского языка в условиях эмиграции последовательно утрачиваются².

Очерченная социолингвистическая ситуация приводит, в свою очередь, к определенным лингвистическим последствиям, а именно к материальному и нематериальному трансферу из немецкого языка L2 в русский L1. Проявления языкового контакта на отдельно взятых уровнях языка описаны для языков диаспор достаточно подробно³, однако взаимодействие внутриязыковых страт контактирующих языков во внимание не принималось. L1 и L2 рассматривались как внутренне не стратифицированные языковые системы, и в качестве эталона при диагностировании статуса особенностей как разговорной речи, так и потенциально возможной официальной

² Указанная специфика может относиться и к языкам других диаспор, пребывающим в ситуации неравноправного контакта с языком, располагающего теми же социолингвистическими характеристиками, что и базовый эквивалент языка диаспоры.

³ См., например, [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [1]; [10].

русской коммуникации диаспоры [11] выступал стандартный язык метрополии. Репертуар страт языка диаспоры, проецирующий и освоение официального и неофициального языка билингвами, и ситуативно обусловленный выбор ими регистра-языка в условиях функционального двуязычия [12], оставался вне поля зрения лингвистики.

Исходя из представленной социолингвистической ситуации, можно предположить, что межъязыковой трансфер затрагивает не только уровень языка, но и систему страт, эволюция которой в условиях многоязычия может протекать как минимум по двум гипотетическим сценариям:

- (1) Трансфер исконной системы страт языка метрополии и её консервация (в условиях относительной изоляции языка диаспоры);
- (2) Сужение набора страт исконного языка и трансфер страт из L2 в L1, т.е. возникновение новой (смешанной) системы страт.

В качестве нулевой гипотезы следует принять первый из предложенных сценариев.

Любой из двух потенциально возможных сценариев связан, в свою очередь, с вопросом об отношении системы страт языка диаспоры к языку метрополии: является ли первая (модифицированной) проекцией второй или же — будучи сжатой до одного функционально ограниченного коммуникативного кода — только одним из вариантов языка метрополии? Таким образом, взаимодействие систем страт контактирующих языков в контексте миграции значимо для решения вопроса о лингвистическом статусе языка диаспоры, а также для описания языков других диаспор, обладающих аналогичными социолингвистическими характеристиками, и для типологии ситуаций неравноправного многоязычия.

Взаимодействие страт русского и немецкого языков в условиях неравноправного многоязычия рассматривается в статье на материале социолингвистических и лингвистических данных.

2. История, демография и витальность языка диаспоры

Русские диаспоры начинают активно формироваться на рубеже XIX и XX веков как следствие конфессиональной (старообрядцы, духоборы, молokane) и политической эмиграции из Российской империи [13]⁴. После Октябрьской революции русская диаспора складывается и в Германии, однако

⁴ Формирование русских диаспор и массовую иммиграцию русофонных носителей следует рассматривать как частное явление в рамках массовой иммиграции рубежа веков [12, с. 40].

её лингвистическая судьба практически не прослежена⁵, в отличие, в частности, от Франции⁶. Вторая, послевоенная волна эмиграции из СССР (перемещённые лица, бывшие узники концлагерей, коллаборационисты, этнические немцы, политические эмигранты)⁷ осталась в лингвистических работах практически не замеченной⁸. Третья волна (1970-е годы) заявила о себе на культурном, политическом и академическом поприще, оказав заметное влияние и на геополитическую ситуацию в предперестроечном СССР.

После 1991 года русскоязычная диаспора значительно увеличивается за счет четвёртой волны эмиграции: так называемых еврейских беженцев, этнических немцев-репатриантов, образовательной, рабочей и семейной эмиграции, т.е. эмиграции, организованной принимающей страной, и эмиграции индивидуальной. В отличие от первой и второй волн, имевших стихийный беженский или невозвращенческий характер, третья и четвёртая волны явились результатом организованной и поддержанной принимающей стороной иммиграции. Волны эмиграции практически не смешивались между собой, в связи с чем они не обнаруживают языковой преемственности: так, потомки первой волны нередко сохраняют реликтовые особенности дореволюционной речи [15]; [3], например, *ходить на службу* вместо узального в (пост)советском русском языке *ходить на работу*, *получать жалованье* вместо *получать зарплату*. В свою очередь, потомки третьей волны используют в речи разнообразные советизмы, практически вышедшие из обихода постперестроечных поколений в метрополии, например, *информант* для обозначения доносчика или *сексот* для обозначения сотрудника КГБ⁹.

В статье рассматривается язык четвёртой волны эмиграции, т.е. русофонов, покинувших СССР после 1991 года, и их потомков, проживающих в ФРГ, — одной из трёх стран, принявшей,

⁵ Ср. ряд речевых портретов в [14] и [3].

⁶ См., в частности, [8] о судьбе языка четырёх поколений русской эмиграции во Франции.

⁷ Периодизация волн эмиграции последовательно из Российской империи, Советской России, СССР и России обоснована в [13].

⁸ Немногочисленные языковые данные второй волны эмиграции проанализированы в [4].

⁹ Лингвистическая археология русского языка зарубежья заслуживает отдельного исследования в рамках истории русского языка XX века, в частности, с точки зрения консервации определённых орфоэпических, лексических и морфосинтаксических особенностей в условиях относительной изоляции и определённых языковых установок.

наряду с США и Израилем, максимальное число выходцев из бывшего СССР [16].

Оценки общего числа русскоговорящих в ФРГ заметно колеблются, поскольку официальная статистика страны [17] не учитывает владение исконным (унаследованным) языком у лиц с миграционным фоном и их потомков. Яннис Панагиотидис в своём социологическом исследовании оценивает общее количество русофонов в ФРГ в два с половиной миллиона, включая в это число только носителей русского языка как родного, т.е. первое поколение эмигрантов, и исключая последующие [18]. Кроме того, в своих подсчётах он, как и официальная статистика, не принимает во внимание тот факт, что русский язык нередко является родным (первым) языком и для выходцев из Прибалтики, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси или с Украины. Таким образом, общее число русофонов в ФРГ во всех поколениях может существенно превышать названные им цифры.

На витальность русского языка в ФРГ указывают не только высокие демографические показатели и компактное проживание эмигрантов в определенных районах городов (так, в Берлине для первой волны это был Шарлоттенбург, прозванный Шарлоттенградом, а для четвертой — Марцан)¹⁰. О витальности языка косвенно свидетельствует и наличие развитой русскоязычной инфраструктуры (магазинов, парикмахерских, туристических агентств, автосалонов), культурных сообществ, русскоязычных изданий, интернет-форумов и социальных сетей в интернете. Социолингвистическое исследование Йорга Ахтерберга [20] подтверждает наибольшую витальность русского языка по сравнению с языками других славянских диаспор в ФРГ, а также наибольшую антиассимилятивность русской диаспоры; Людмила Исурин, сравнивая показатели витальности русского языка диаспор в трёх странах — ФРГ, Израиле и США, — отводит Германии второе после Израиля место [16].

3. Правовой и лингвистический статус языка диаспоры

Однако, несмотря на высокие демографические показатели и витальность, русский язык диаспоры, как и языки других диаспор, не имеет в ФРГ правового статуса. Статус языков меньшинств, обеспечивающий правовой поддержкой и государственными субсидиями, присвоен в ФРГ датскому, фризскому, нижненемецкому, цыганскому

(романи) и верхне- и нижнелужицкому языкам, т.е. языкам этнических меньшинств, исконно проживающих на её современной территории, и региональному варианту немецкого языка (нижненемецкий). Таким образом, понятие *язык диаспоры* не тождественно правовому термину *язык (этнического или регионального) меньшинства*¹¹, которое указывает на законодательно закреплённый административный статус.

В ситуации отсутствия правового статуса вопрос о лингвистическом статусе языка русской диаспоры в ФРГ остаётся открытым. Очевидно, здесь играет роль ряд экстралингвистических обстоятельств, связанных с его изучением. Язык русского зарубежья, отмеченный влиянием доминирующих языков окружения, впервые был зафиксирован в работах послереволюционных эмигрантов-лингвистов [22]¹². Заметного резонанса эти работы не получили, и язык эмиграции долгое время оставался вне поля зрения как советской, так и зарубежной лингвистики. Активное изучение языка диаспор, в том числе и русской, началось только в середине 1990-х годов прежде всего в рамках парадигмы *унаследованных языков* в США (*migrant heritage languages*, [23]), ср. также исследования российских авторов, посвящённые лингвистической экологии русских конфессиональных [24]; [25] и политических диаспор [26]; [15]; [3].

Включение языков диаспор в лингвистическую парадигму повлекло за собой вопрос об их лингвистическом статусе, сопряжённый с рядом трудностей. Во-первых, лингвистический статус языка напрямую проистекает из его административно-политического статуса, который регламентирует и степень его кодификации, и сферы и функции его бытования, определяющие, в свою очередь, степень его функциональной специализации, а также закрепляет его территориальный и социальный статус (престижность) [27, с. 378]. Во-вторых, описание русского языка вне привычной сферы бытования и определение его стратификационного статуса затрудняются представлением об обязательности литературной нормы и для внелитературных страт, а также неприятием самой возможности существования *региональных норм* [28, с. 95]; [29, с. 38]. Подобные представления также препятствуют признанию того факта, что социально-стилистические параметры

¹¹ Ср. в этой связи определение языка диаспоры как языка меньшинства в [21, с. 1].

¹² Очевидно, названную работу Сергея Карцевского следует признать первой в истории изучения языка русской эмиграции.

¹⁰ Ср. компактное проживание сообществ мигрантов как один из ведущих факторов, способствующих витальности языков диаспор и сохранению исконной идентичности в [19, с. 236].

языкового варьирования в диаспоре и в метрополии, т.е. стратификация русского языка, могут существенно различаться¹³.

В итоге, несмотря на то, что именно стандартный язык метрополии рассматривается как *эталон для диагностирования* особенностей языка диаспоры, лингвистический статус языка русских диаспор по отношению к языку метрополии и системе его стратов либо не определяется [3]; [33], либо определяется и как вариант русского языка [2, с. 205], и как особая форма его существования (наряду с диалектами и литературно-письменным языком) [34, с. 5], и как особая сфера литературного языка [35, с. 447], и как пиджин [36, с. 78]. Приведённые определения фиксируют место языка диаспоры по отношению к языку метрополии, не уточняя при этом его внутриязыковую стратификацию, т.е. рассматривают его как некий гомогенный в плане стратификации регистр, который может быть подключён как одна из *подсистем* к общей системе этноязыка.

Именно таким образом поступила польская социолингвистика, включив язык зарубежья в социолингвистическую модель польского языка наряду с его региональными вариантами в Беларуси, на Украине, в Литве и Латвии [37]; [38]. Такое решение вызвано и историческими, и геополитическими мотивами: по разным оценкам, от четверти до трети всех говорящих на польском языке проживает за пределами современной Польши [39]; [40]. Польский язык вне Польши получил, таким образом, статус нестратифицированного регионального варианта наряду с историческими пограничными диалектами [41].

Признание русского языка диаспоры особым вариантом русского этноязыка, как, например, признание испанского языка в странах Южной и Латинской Америки особыми вариантами испанского, повлекло бы за собой и признание *особой нормы* русского языка за рубежом, что в свою очередь соответствовало бы идее о наличии особой нормы в билингвальных сообществах, ср. обоснования выделения полилингвальной нормы в [42]; [43].

Описанное положение дел проецируется и на исследования языка диаспоры, которые рассматривают язык эмиграции, с одной стороны, преимущественно как гетерогенное множество индивидуальных *речевых* практик, специфика которых выявляется в сопоставлении с *кодифицированным*

языком метрополии, а с другой стороны, как заведомо гомогенное явление, т.е. без учёта его социальной и функциональной дифференциации, внутриязыковой полиглоссности говорящих, а также без учёта контакта страт.

4. Контакт страт: социолингвистика и лингвистика

4.1. Корпус исследования

В статье использованы данные корпуса, созданного в рамках немецко-израильского исследовательского проекта “Multilingual families’ response to COVID-19: New Opportunities and Challenges”¹⁴. В основу корпуса легли полуструктурированные интервью продолжительностью от сорока до шестидесяти минут с представителями первого и второго поколений русскоязычной диаспоры в Германии (N=80, n=40 для каждого поколения)¹⁵.

Первое поколение — это собственно поколение эмигрантов с родным (L1) языком русским, которые родились и закончили среднюю школу в России. На момент интервью возраст этой группы респондентов составлял от 37 до 50 лет (средний возраст — 44,5 года).

Второе поколение составили те, кто родился в Германии в семье эмигрантов или был привезён в Германию в возрасте до пяти лет. Эта группа опрошенных освоила русский язык, который соответственно является для них *унаследованным языком*, в семье и получила среднее образование в Германии на немецком языке. Возраст этой группы респондентов составлял на момент интервью от 20 до 28 лет (средний возраст — 24 года).

Интервью представляют собой нарративы, посвящённые языковой биографии опрошенных и их семей, а также их языковой и культурной интеграции в Германии, прежде всего, освоению официальных (институциональных) сфер жизни в новой стране проживания (социализация в детском саду и школе, система обучения и образования, профессиональная деятельность, административно-бюрократические аспекты организации жизни семьи). Выбор тематического фокуса стимулированных нарративов связан с идеей перестройки внутриязыковых страт языка

¹⁴ Проект был поддержан научным фондом *German-Israeli Foundation for Scientific Research and Development (GIF)* и осуществлён на базе Потсдамского университета совместно с Университетом Бар-Илан с января по декабрь 2022 года, номер гранта 1520.

¹⁵ Интервью представлены в статье в виде орфографических транскриптов с сохранением особенностей речи респондентов.

¹³ О необходимости различения нормы монолингвального и билингвального сообщества см. работы [30, с. 3]; [31, с. 156]; [32, с. 38].

диаспоры в условиях функционального двуязычия, индикатором которой является, в частности, переключение межъязыкового кода вместо переключения внутриязыкового функционального регистра [12, с. 47]. При этом если в рамках официальной коммуникации подобное переключение с русского на немецкий язык обусловлено *ситуативно* (коммуникация в официальной сфере осуществляется на государственном языке), то в рамках (стимулированного) нарратива на русском языке — *тематически*, сигнализируя о модификации системы внутриязыковых страт языка диаспоры¹⁶.

Подобное переключение кода рассматривается нами как одна из языковых практик *транслингвизма* [47], который мы понимаем как использование полилингвальным говорящим ресурсов всех находящихся в его распоряжении языков как элементов одной системы [1]; [48]. Билингв или полилингв оперирует при этом элементами и регистрами нескольких языковых систем в зависимости от коммуникативной ситуации; полилингвальная вариативность замещает таким образом вариативность монолингвальную, при которой говорящий оперирует элементами и регистрами одной языковой системы [49].

Рассматривая переключение внутри- и межъязыковых регистров в речевой практике билингва в условиях неравноправного многоязычия как индикатор изменения системы страт [12], обратимся к аргументации Л.П. Крысина в пользу того, что “существует принципиальное сходство владения, с одной стороны, разными языками и, с другой, разными подсистемами одного языка. Как в первом, так и во втором случае мы можем наблюдать: (а) вкрапления иносистемных элементов в речь (кодую интерференцию); (б) заимствование иносистемных элементов; (в) переключение с одной коммуникативной системы на другую в ходе общения [...]. Каждое из этих трех проявлений взаимодействия языков или языковых подсистем предполагает определённый уровень владения вторым средством общения: от некоторого знакомства с ним (на этом уровне возможны вкрапления, в меньшей степени — заимствования и невозможно кодовое переключение) до более или менее свободного владения им, когда наблюдаются все три процесса” [50, с. 4].

В нашем случае рассмотрено более сложное взаимодействие *подсистем разных языков* в речевом

поведении билингва. В ситуации контакта здесь оказываются не два функционально-прагматически эквивалентных регистра (например, диалект А и диалект В) и не два функционально-прагматически *неэквивалентных* регистра (например, стандартный язык А и диалект В), а два полифункциональных языка с эквивалентной системой страт. Однако в силу неравноправного распределения обоих языков в условиях миграционного трансфера одного из них в сферу гегемонии другого представляется обоснованным говорить о более нюансированном динамическом контакте определённых страт этих языков.

4.2. Результаты контакта страт

Как было показано выше, ввиду отсутствия административного статуса в Германии, а также конституционно закреплённой гегемонии немецкого языка, русский язык диаспоры бытует преимущественно в устной форме в сферах неофициального общения; в качестве официального языка представители диаспоры используют язык новой страны пребывания, т.е. немецкий. В результате функционально неравноправного двуязычия доминантный немецкий язык — второй язык (L2) для первого поколения диаспоры — становится первым языком (L1) для второго (и последующих) поколений, будучи для них изначально единственно возможным языком социализации и образования, а русский язык — первый (L1) язык для первого поколения диаспоры — становится для второго поколения унаследованным (*heritage language*, HL) или даже вторым языком (L2)¹⁷, ср. *схему 1*.

Схема 1. Межпоколенческие изменения статуса языков в контакте

Статус языка в стране пребывания	1-е поколение эмигрантов	2-е поколение эмигрантов
Доминантный язык окружения / Язык официального общения (<i>societal language</i>)	Немецкий (L2)	Немецкий (L1)
(Язык диаспоры) / Язык неофициального общения (<i>migrant heritage language</i>)	Русский (L1)	Русский (HL / L2)

¹⁶ Тематически мотивированному переключению кода посвящена обширная литература, см., например, [44]; [45]; [46], однако с точки зрения стратификационного сдвига исходной языковой системы в условиях функционального двуязычия это явление не рассматривалось.

¹⁷ Как справедливо указывают авторы работы [51, с. 130], “heritage speaker is an early bilingual who grew up hearing and speaking the heritage language (L1) and the majority language (L2) either simultaneously or sequentially in early childhood, but whose L2 became their primary language at some point during childhood (typically after the onset of schooling)”. Первый язык, освоенный билингвом в кругу семьи в качестве унаследованного языка, в процессе социализации нередко становится для него вторым языком.

Примечания к схеме 1.

- 1) Понятие *язык диаспоры* заключено в скобки, поскольку обозначенное явление не имеет ни официального, закреплённого в конституции, ни лингвистического статуса.
- 2) Язык диаспоры является только одним из возможных языков неофициального общения, к которым относится немецкий, а также потенциально и ряд других языков.
- 3) Введённая градация (HL / L2) указывает на широкий спектр варьирования в уровне владения унаследованным языком. Теоретически здесь возможно и владение на уровне L1, в частности, у тех, кто получил высшее образование в России. Однако в проанализированном корпусе подобные случаи зафиксированы не были.

Таким образом, новая социолингвистическая ситуация приводит к межпоколенческому изменению статуса функционально дистрибуированных языков, который, начиная со второго поколения диаспоры, совпадает с их социально-функциональным распределением в новой стране пребывания.

Несбалансированное функциональное распределение языков приводит, в свою очередь, к перестройке исконного репертуара страт в языке диаспоры. Начиная опять же со второго поколения, стандартный русский язык замещается в исходной системе страт унаследованного языка стандартным немецким, а (подверженный интерференции) унаследованный русский бытует в качестве (второго) обиходного языка наряду с (освоенным на уровне L1) немецким, см. *схему 2*. С точки зрения внутренней (социально-функциональной) стратификации языка русский язык диаспоры превращается в особый коммуникативный код в новой многоязычной системе страт, где место стандартного языка (языка социализации, образования и официальной коммуникации, освоенного и в устной, и в письменной форме) занимает немецкий, а место разговорного языка (или одного из разговорных языков представителя диаспоры) — русский, освоенный, как правило, исключительно в устной форме¹⁸.

Схема 2. Межпоколенческая перестройка системы страт в языке диаспоры

Функциональный регистр	1-е поколение эмигрантов	2-е поколение эмигрантов
Стандартный язык	Немецкий +/- (Русский +)	Немецкий + (Русский -)
Обиходно-бытовой язык	Немецкий +/- Русский +	Немецкий + Русский +/-

¹⁸ Об угасании письменной формы в языке диаспоры см., например, [33].

Примечания к схеме 2 и условные обозначения.

- 1) Термин *стандартный русский язык* заключен в скобки, поскольку в прототипической модели коммуникации диаспоры, в которой немецкий язык обслуживает официальную, а русский — неофициальную сферу, стандартный полифункциональный русский язык не используется.
- 2) Знаки +, - и +/- обозначают степень владения языком или языковым регистром.
- 3) Схема представляет несколько упрощённую типизацию конкретного использования языков билингвами. Очевидно, что в действительности степень владения стандартным русским языком варьируется и у первого поколения. Однако, поскольку мы относим к нему эмигрантов, которые получили среднее образование в России, есть основания полагать, что базовое владение стандартным языком является одной из социолингвистических характеристик этой группы. Это замечание относится также к уровню владения стандартным немецким языком для второго поколения диаспоры.

Таким образом, перенесённый в новые социолингвистические условия, русский язык эмиграции как изначально полифункциональный язык сокращает и модифицирует свою систему страт в ситуации неравноправного контакта с другим полифункциональным языком, см. *схему 3*.

Схема 3. Модифицированная система страт в унаследованном языке диаспоры

Стандартный язык	Немецкий
Обиходно-бытовой язык	Немецкий / русский

Модификация системы страт обуславливает и направления межъязыкового трансфера в условиях многоязычия, который также оказывается специфическим для первого и второго поколений. Так, для первого поколения отмечен трансфер как из русского языка в немецкий, т.е. из L1 в L2, так и из немецкого языка в русский, т.е. из L2 в L1. Для второго (и последующих) поколения обычно наблюдается односторонний трансфер, из немецкого языка в русский, т.е. из первого языка L1 в унаследованный или второй (HL или L2)¹⁹, см. *схему 4*.

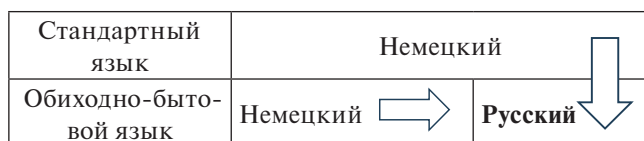
Схема 4. Межъязыковой трансфер в языке диаспоры в межпоколенческом сравнении

1-е поколение эмигрантов	2-е поколение эмигрантов
Немецкий (L2) ↓	Немецкий (L1) ↓
Русский (L1) ↑	Русский (HL / L2) ↓

¹⁹ Различия в направлении межъязыкового трансфера в области морфологии у двух поколений диаспоры показаны, в частности, в [1].

Применительно к модифицированной системе страт языка диаспоры, отмеченного полилингвальной вариативностью, которую следует признать его дистинктивной лингвистической характеристикой, нужно подчеркнуть, что русский язык, занимающий в стратификационной модели унаследованного языка диаспоры место одного из обиходно-бытовых языков или регистров (см. схему 3), подвержен межъязыковому трансферу как со стороны стандартного немецкого языка, так и со стороны обиходно-бытового немецкого, испытывая, таким образом, двойное иноязычное влияние, см. схему 5.

Схема 5. Межъязыковой трансфер в стратификационной модели унаследованного языка диаспоры

В результате русский язык диаспоры превращается в особый коммуникативный код, который используется как один из регистров в многоязычной системе страт. При этом для него характерна интерференция как минимум двух типов. Помимо внешней интерференции из доминирующего языка (лексика, морфология, синтаксис, семантика, прагматика, см. примеры в *таблице 1*), этот код отмечен и интерференцией внутренней, т.е. смешением (или неразличением) социально и функционально обусловленных регистров исходной системы страт, см. примеры в *таблице 2*.

Таблица 1. Межъязыковая интерференция в языке диаспоры (примеры)

Уровень языка	Примеры употребления	Перевод и комментарий
Лексика	кранкенфер- зихерунг	нем. <i>Krankenversicherung</i> 'медицинское страхование'
	арбайтсамт	нем. <i>Arbeitsamt</i> 'биржа труда'
	банхоф	нем. <i>Bahnhof</i> 'железнодорожный вокзал'

Морфология	Я <i>кундиговала</i> договор... Мама дай мне пожалуйста <i>габельку</i>... У меня нет какого-то <i>фербиндунга</i> эмоционального к языку...	морфологическая адаптация нем. <i>kündigen</i> 'расторгнуть договор' диминутив от нем. <i>Gabel</i> 'вилка' морфологическая адаптация нем. <i>Verbindung</i> 'связь'
Синтаксис	вот эти курсы были ... <i>в первом году</i> обучения Но читать мне всегда немножко тяжелее было <i>как</i> на немецком И потом когда я потом <i>стала</i> ... <i>семь лет</i>	трансфер нем. именной сочетаемости <i>im ersten Jahr</i> трансфер нем. синтаксического коннектора <i>als</i> здесь в зн. 'чем' трансфер нем. коллокации <i>стать X лет</i> в зн. (дат.п. субъекта) 'исполнилось X лет'
Семантика	А младшая она сейчас <i>делает</i> тоже <i>магистратуру</i> ... <i>получили</i> весенний <i>загар</i> <i>инвестировать</i> время в русский не могу	экспансия нем. глагола <i>machen</i> 'делать' с более широким спектром сочетаемости, чем в русском экспансия нем. глагола <i>bekommen</i> 'получать' с более широким спектром сочетаемости, чем в русском расширение семантики глагола под влиянием семантики нем. эквивалента <i>investieren</i>

Прагматика	Извини <i>пожалуйста</i> ты можешь <i>пожалуйста</i> мне помочь	трансфер нем. формул вежливости, их конвенциональности и частотности
------------	---	--

Помимо межъязыковой интерференции, для которой характерен трансфер из немецкого языка в русский, русский коммуникативный код диаспоры отмечен и внутриязыковой интерференцией – из некодифицированных страт, используемых в семейном обиходе, в нормативные, например, использованием сниженных элементов в академическом общении, см. примеры в *таблице 2*.

Таблица 2. Внутриязыковая интерференция (примеры из [52])

Пример	Комментарий
Чичикова в городе не <i>за-любили</i> (выступление на семинаре)	Возможно, диалектное или региональное влияние, сохранившееся в языке семьи
В библиотеке нет <i>словарёв</i> (выступление на семинаре)	Явление аналогического выравнивания словоизменительной парадигмы, свойственное просторечию
<i>Ихние</i> дети всегда шумят (выступление на семинаре, рассказ о записи интервью)	Явление аналогического выравнивания местоименной парадигмы по парадигме притяжательных прилагательных

Отмеченные явления межъязыкового трансфера представляют собой результаты языкового контакта; явления внутриязыкового трансфера – результаты относительной изоляции языка диаспоры и традирования устной семейной нормы как нормы русского языка.

В ситуации вынужденного двуязычия описанный интерферируемый код становится главным коммуникативным кодом в русском общении диаспоры, соединяя в себе не только отдельные элементы, но и регистры контактирующих языков, а также смешивая внутриязыковые элементы различных подсистем и сами подсистемы (регистры) базового языка. Подобная перестройка системы речевых кодов в унаследованном языке особенно характерна для второго

и последующих поколений; о ней сигнализируют примеры тематически мотивированного переключения межъязыкового кода. Сравним выдержки из интервью с представителями первого (1) и второго (2 и 3) поколений:

(1) Потом я пошла **делать абитур** [нем. *Abitur machen* ‘сдавать выпускные экзамены в гимназии’] в вечерней гимназии / **Abendgymnasium** [нем. *вечерняя гимназия*] / в Кёльне // Там был специальный курс для тех девушек / у кого есть дети // То есть это специально было **от Stadt-а Кёльна** [от города Кёльна] // Я **закончила Abitur** [контаминация русс. *закончить школу* и нем. *Abitur absolvieren* ‘сдать выпускные экзамены в гимназии’] // ... Потом поступила в университет / начала учиться // Первая у меня была профессия это **Romanstudien** [искаженное от *Romanistik* ‘романистика’] и **Sozialwissenschaft** [социология] // Но / в принципе / на данный момент я поменяла студию [окациональное образование ед.ч. от нем. *Studien*, зд. в зн. ‘направление в университетском обучении’] / своё направление / и сейчас я **штудирую** [нем. *studieren* в зн. ‘изучать’, ср. также имеющее другое значение русское *штудировать*] славистику и историю искусств на данный момент...

(2) У меня вообще все друзья / они работают... И они все очень хорошо по-немецки говорят / потому что они работать должны на немецком языке / и там мы обязаны очень хорошо говорить // Мы очень пишем **много Texte / Papiere und so weiter** // **Wir müssen gute Sprachkenntnisse haben / vor allem schriftlich** [русс. ‘пишем много текстов, отчётов и так далее... У нас должны быть хорошие знания языка, прежде всего письменного’] // И мы тоже часто... Вот я часто тоже ещё меня приглашают на... На такие **митинги** [нем. англицизм *meeting* ‘собрание, рабочая встреча’] / и я объясняю и рассказываю / и **презентирую** [*präsentieren* ‘представлять, показывать’] что-либо

(3) Что она считает / что там **dieser pädagogische Ansatz** [‘этот педагогический подход’] / [...] Она сказала / **ich zitiere: wir fragen uns / ob das richtig war / so viele Opfer zu bringen / nur damit sie die Sprache lernen** // **Ja** // **Da herrscht ein strenger Geist / so ein bisschen der Geist der Sowjetunion** // **Kann man so sagen** // **Ich hab sogar gelernt / es gibt ein Wort für diesen Geist der Sowjetunion** – ‘совок’ [‘я цитирую: мы задаёмся вопросом, правильно ли это: принести столько жертв только для того, чтобы вы выучили язык. Да. Там царит такой строгий дух, много (как бы) дух Советского Союза, можно так сказать. Я даже выучила, есть такое слово для (обозначения) этого духа Советского Союза’]

Представители и первого, и второго поколений переключают языковой код в рассказе об учёбе, работе или обучении детей языкам в детском саду, т.е. о тех сферах жизни в Германии, в которых в качестве средства коммуникации используется исключительно немецкий язык. При этом если представитель первого поколения тяготеет к смешению кода и образованию гибридных элементов и контаминаций, то представители второго поколения склонны к полному переходу на немецкий язык, что свидетельствует и о сокращении

стратификационной вариативности в их русском языке. Показательна в этой связи рефлексия других представителей второго поколения о внутренних (4) и внешних (5) факторах переключения межъязыкового кода:

(4) Потом мне очень трудно / трудно переключить / **zum Beispiel / wenn ich mit Ihnen spreche / dann verwende ich das Wort "Word" / dann habe ich Schwierigkeiten** / ['например, когда я с Вами говорю, я использую слово "Word", потом у меня возникают трудности']

(5) И я часто сталкивалась с тем / что мне говорили **Sie sollen auch Deutsch sprechen und so weiter** ['Вы должны говорить и по-немецки и так далее']

При этом, как было показано выше, русский коммуникативный код диаспоры подвергается воздействию не только немецкого стандартного языка, но и немецкой разговорной речи. Особенно второе поколение активно использует, в частности, немецкие дискурсивные маркеры (1–3) и сокращения (усечения) (4–6):

(1) Ну вроде уже детский сад не закрывали там ничего / особо не.. **doch** / ['наоборот, как раз, именно']

(2) Потом родители читают детям / потом /... да **genau** ['именно']

(3) **Also** ['так, таким образом'] родители по-русски говорили

(4) Это зависит от того / что твой **Prof** [усечение от нем. *Professor* 'профессор'] тебе говорит

(5) Я не любила **Mathe** [усечение от нем. *Mathematik* 'математика']

(6) Пили **O-Saft** [усечение от *Orangensaft* 'апельсиновый сок']

Таким образом, в языке диаспоры внутриязыковое переключение регистров заменяется межъязыковым; русский и немецкий языки используются как функционально дистрибуированные регистры коммуникации, что, в свою очередь, указывает на сложение новой системы страт. Поливалентность немецкого языка в условиях его социальной и функциональной гегемонии и функциональная ограниченность русского делают последний особенно проницаемым для трансфера. Язык диаспоры становится одной из периферийных страт в двуязычной стратификационной системе.

Использование билингвами двух языковых систем как одного коммуникативного репертуара приводит к формированию новой полилингвальной системы, в которой монолингвальная вариативность базового языка постепенно сокращается и замещается полилингвальной как на уровне переключения функциональных регистров, так и на уровне использования отдельных элементов.

5. Заключение

В статье на материале социолингвистических и лингвистических данных рассмотрены результаты контакта стратификационных систем двух полифункциональных языков, русского и немецкого, в ситуации неравноправного двуязычия (русский язык как язык диаспоры / немецкий язык как язык официального общения).

Гипотеза о трансфере исконной системы страт языка метрополии и её консервации²⁰ не нашла подтверждения в проанализированном корпусе. Уже первое поколение диаспоры демонстрирует постепенную утрату стандартного русского языка и предпочтение немецких эквивалентов в нарративах, описывающих официальные сферы жизни билингва, в которых используется исключительно доминантный язык (немецкий). Зафиксированный сценарий — сужение исходного набора страт базового русского языка и трансфер страт из немецкого языка, т.е. возникновение новой (смешанной) системы страт — объясняется, прежде всего, изменением социолингвистических характеристик русского языка в контексте миграции. Индикатором новой полилингвальной вариативности, в том числе и стратификационной, является переключение межъязыкового кода вместо внутриязыкового.

По отношению к языку метрополии система страт языка диаспоры может рассматриваться как особый модифицированный вариант, в котором русский коммуникативный код занимает место разговорного регистра (или одного из разговорных регистров) в новой двуязычной системе. Будучи крайне динамическим явлением, напрямую связанным с языковой компетенцией билингвов, русский разговорный регистр может быть полностью замещён прагматически эквивалентным немецким регистром в последующих поколениях, но может быть использован и как базовый ресурс для овладения стандартным русским языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Warditz V. Structural Variations in Heritage Russian Speakers in Germany: Language Usage or Language Change? // Franks, S., Timberlake, A., Wietecha, A.

²⁰ Подобный сценарий может быть отчасти прослежен в судьбе языка первой волны русской эмиграции [3]. Консервации языка в данном случае способствовали относительная изоляция и осознанно герметичный характер диаспоры, а также сознательные усилия, направленные на сохранение русского языка в последующих поколениях. Характерны в этой связи и попытки первой волны сохранить старую орфографию, и её активное сопротивление лексическим советизмам [14].

- (eds.) Selected Proceedings of Slavic Linguistic Society (SLS) 14, in Honor of Peter Kosta. Berlin et al.: Peter Lang, 2021, pp. 305–322.
2. Протасова Е.Ю. Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии // Русистика сегодня. 1998. № 3-4. С. 202–206.
 3. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Земская Е.А. (ред.): Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.—Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 25–277.
 4. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Земская Е.А. (ред.): Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.—Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 341–492.
 5. Жданова В., Трубчанинов Д. Некоторые особенности речевого поведения русскоязычной диаспоры в Германии // Böttger K. et al. (Hrsg.) Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 4. München: Otto Sagner, 2001. С. 274–285.
 6. Жданова В. Язык русской диаспоры: к проблеме типологии морфологических и синтаксических характеристик // Апресян Ю.Д. и др. (ред.) Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 682–695.
 7. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века: Тексты и комментарии (3-е изд.). М.: URSS, 2017.
 8. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии (2-е изд.). М.: Ленанд, 2019.
 9. Warditz V. Slavische Migrationssprachen in Deutschland: Zur Erklärungskraft von Sprachwandelfaktoren in Kontaktsituationen // Ptashnyk S. et al. (eds.) Gegenwärtige Sprachkontakte im Kontext der Migration. Heidelberg: Winterverlag, 2016, pp. 99–118.
 10. Meir N., Polinsky M. Restructuring in heritage grammars: Adjective-noun and numeral-noun expressions in Israeli Russian // Linguistic Approaches to Bilingualism. 11(2), 2019, pp. 222–258.
 11. Wiese H. Language Situations: A method for capturing variation within speakers' repertoires // Asahi Yoshiyuki (ed.) Methods in Dialectology XVI. Berlin et al.: Peter Lang, 2020, pp. 105–117.
 12. Stehl Th. Sprachen und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen Kommunikative Aspekte der Migrationslinguistik // Stehl Th. (ed.) Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. (= Mobilisierte Kulturen 2), Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2011, pp. 39–56.
 13. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покинул Россию // Полян П., Глезер О. (ред.) Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.
 14. Бобрик М.А. Приложение. Очерк языка семьи // Земская Е.А. (ред.) Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.—Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 278–338.
 15. Голубева-Монаткина Н.И. О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи дальнего зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. № 1-2. С. 88–96.
 16. Isurin L. Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change. New York: De Gruyter Mouton, 2011.
 17. Statistisches Bundesamt (Destatis) 2023. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html [Обращение 19 июня 2023 г.]
 18. Panagiotidis J. Postsowjetische Migration in Deutschland: eine Einführung. Weinheim: Beltz Juventa, 2021.
 19. Spolsky B., Shohamy E. The Languages of Israel. Policy, Ideology and Practice (= Bilingual Education and Bilingualism 17). Clevedon et al.: Multilingual Matters LTD, 1999.
 20. Achterberg J. Zur Vitalität slavischer Idiome in Deutschland. Eine empirische Studie zum Sprachverhalten slavophoner Immigranten. München: Otto Sagner, 2005.
 21. Montrul S., Polinsky M. (eds.) Introduction: Heritage Languages, Heritage Speakers, Heritage Linguistics // Montrul S., Polinsky M. (eds.) The Cambridge handbook of heritage languages and linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 1–10.
 22. Карцевский С.И. Язык, война, революция. Берлин: Русское университетское издательство, 1923.
 23. Fishman J. 300-plus years of heritage language education in the United States // Kreeft Peyton J. (ed.) Heritage Languages in America: Preserving a National Resource. Washington: DC: Center for Applied Linguistics — Delta Systems, 2001, pp. 81–89.
 24. Никитина С.Е. Языковое самосознание молокан и старообрядцев США: судьбы русского языка // Русистика сегодня. 1998. № 1-2. С. 62–71.
 25. Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф., Никитина С.Е. Русский язык оregonских старообрядцев: языковые портреты // Крысин Л.П. (ред.) Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: URSS, 2000. С. 134–152.
 26. Грановская Л.М. Русский язык в “рассеянии”. Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995.
 27. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001.

28. Гельгардт Р.Р. О литературном языке в географической проекции // Вопросы языкознания. 1959. № 3. С. 95–101.
29. Крысин Л.П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Крысин Л.П. (ред.) Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 33–77.
30. Bechert J., Wildgen W. Einführung in die Sprachkontaktforschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.
31. Pütz M. Sprachökologie und Sprachwechsel: die deutsch-australische Sprechgemeinschaft in Canberra. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1994.
32. Földes C. Zur Begrifflichkeit von “Sprachenkontakt” und “Sprachenmischung” // Lasatowics M.K., Joachimsthaler J. (eds.) Assimilation – Abgrenzung – Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1999, pp. 33–54.
33. Земская Е.А. Умирает ли язык русского зарубежья? // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 14–30.
34. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5–16.
35. Языки мира. Славянские языки. Москва: Academia, 2005.
36. Polinsky M.S. American Russian: A new Pidgin // Московский лингвистический журнал. 1998, № 4, pp. 78–138.
37. Dubisz S. (red.) Język polski poza granicami kraju. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1997.
38. Dubisz S. Język polski poza granicami kraju – próba charakterystyki kontrastowej // Dubisz S. (red.) Język polski poza granicami kraju. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1997, pp. 324–376.
39. Walczak B. Język polski na Zachodzie // Bartmiński J. (red.) Współczesny język polski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001, pp. 563–574.
40. Gajda S. (red.) Język polski. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2001.
41. Dubisz S. Język polski poza granicami kraju // Gajda S. (red.) Język polski. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2001, pp. 492–514.
42. Cruz-Ferreira M. (ed.) Multilingual Norms. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2010.
43. Li W. Translanguaging as a Practical Theory of Language // Applied Linguistics. 2018, No. 39 (1), pp. 9–30.
44. Keller M.L. Code-Switching: unifying contemporary and historical perspectives. Berlin: Springer, 2020.
45. Myers-Scotton C. Code-switching // Coulmas, F. (ed.) The handbook of sociolinguistics. Oxford: Blackwell, 2017, pp. 217–237.
46. Bullock B.E., Toribio A.J. (eds.) The Cambridge handbook of linguistic code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
47. García O., Li W. Translanguaging, Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave MacMillan, 2014.
48. Warditz V. Zum Status syntaktischer Variationen in Sprachkontaktsituationen: Eine Fallstudie zum Polnischen in Deutschland // Zeitschrift für Slawistik. 2014, No. 59 (1), pp. 1–20.
49. Franceschini R. Varianz innerhalb zweier Sprachsysteme: eine Handlungswahl? // Henn-Memmesheimer B. (Hrsg.) Sprachvarianz als Ergebnis von Handlungswahl. Tübingen: Niemeyer, 1998, pp. 11–26.
50. Крысин Л.П. Речевое общение в лингвистически и социально неоднородной среде // Крысин Л.П. (ред.) Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: URSS, 2000. С. 3–12.
51. Elabbas B., Montrul S., Polinsky M. Heritage Languages and Their Speakers: Opportunities and Challenges for Linguistics // Theoretical Linguistics. 2013, No. 3-4 (39), pp. 129–181.
52. Жданова В. К вопросу о лингвистическом статусе языка диаспоры // Жданова, В. (ред.) Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии (= Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники. Band 38). München: Otto Sagner, 2009. С. 89–101.

REFERENCES

1. Warditz, V. Structural Variations in Heritage Russian Speakers in Germany: Language Usage or Language Change? Franks, S., Timberlake, A., Wietecha, A. (eds.) Selected Proceedings of Slavic Linguistic Society (SLS) 14, in Honor of Peter Kosta. Berlin et al., Peter Lang Publ., 2021, pp. 305–322.
2. Protasova, E.Yu. *Osobennosti russkogo (pervogo) yazyka u zhivushchikh v Finlyandii* [Specifics of Russian as a First Language in Russian Speakers in Finland]. *Rusistika segodnya* [Russistics today]. 1998, No. 3-4, pp. 202–206. (In Russ.)
3. Zemskaya, E.A. *Obshchiye yazykovyye protsessy i individualnyye rechevyie portrety* [General Language Processes and Characteristics of Individual Speakers]. Zemskaya, E.A. (ed.) *Yazyk russkogo zarubezhya: Obshchiye protsessy i rechevyie portrety* [Language of Russia Abroad: General Language Processes and Characteristics of Speakers]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2001, pp. 25–277. (In Russ.)
4. Glovinskaya, M.Ya. *Obshchiye i spetsificheskiye protsessy v yazyke metropolii i emigratsii* [General and Specific Processes in Baseline and Heritage Language]. Zemskaya, E.A. (ed.) *Yazyk russkogo zarubezhya: Obshchiye protsessy i rechevyie portrety*. [Language of Russia Abroad: General Language Processes

- and Characteristics of Speakers]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2001, pp. 341–492. (In Russ.)
5. Zhdanova, V., Trubchaninov, D. *Nekotoryye osobennosti rechevogo povedeniya russkoyazychnoy diaspory v Germanii* [Specifics of Oral Behavior in Russian Heritage Speakers in Germany]. Böttger, K. et al. (Hrsg.) Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 4. München, Otto Sagner, 2001, pp. 274–285. (In Russ.)
 6. Zhdanova, V. *Yazyk russkoy diaspory: k probleme tipologii morfologicheskikh i sintaksicheskikh kharakteristik* [Language of the Russian Diaspora: on the Problem of the Typology of its Morphological and Syntactical Characteristics]. Apresyan, Yu.D. et al. (eds.) *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchiye syuzhety. Sbornik statey v chest 80-letiya Igorya Aleksandrovicha Melchuka* [Meaning, Texts and other Exciting Things. A Festschrift to Commemorate the 80th Anniversary of Professor Igor A. Melchuk]. Moscow Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2012, pp. 682–695. (In Russ.)
 7. Golubeva-Monatkina, N.I. *Russkaya emigrantskaya rech v Kanade kontsa XX veka: Teksty i kommentarii (3-e izd.)* [Russian Émigré Speech in Canada at the End of the 20th Century. Texts and Comments. The 3^d Ed.], Moscow, URSS Publ., 2017. (In Russ.)
 8. Golubeva-Monatkina, N.I. *Russkaya emigrantskaya rech vo Frantsii kontsa XX veka. Teksty i kommentarii (2-e izd.)* [Russian Émigré Speech in France at the End of the 20th Century. Texts and Comments. The 2nd Ed.], Moscow, Lenand Publ., 2019. (In Russ.)
 9. Warditz, V. Slavische Migrationssprachen in Deutschland: Zur Erklärungskraft von Sprachwandelfaktoren in Kontaktsituationen. Ptashnyk, S. et al. (eds.) Gegenwärtige Sprachkontakte im Kontext der Migration. Heidelberg, Winterverlag Publ., 2016, pp. 99–118. (In German)
 10. Meir, N., Polinsky, M. Restructuring in heritage grammars: Adjective-noun and numeral-noun expressions in Israeli Russian. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2019, No. 11 (2), pp. 222–258.
 11. Wiese, H. Language Situations: A method for capturing variation within speakers' repertoires. Asahi, Yoshiyuki (ed.) *Methods in Dialectology XVI*. Berlin et al., Peter Lang Publ., 2020, pp. 105–117.
 12. Stehl, Th. Sprachen und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen Kommunikative Aspekte der Migrationslinguistik. Stehl, Th. (ed.) *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. (= Mobilisierte Kulturen 2)*. Potsdam, Universitätsverlag Potsdam Publ., 2011, pp. 39–56. (In German)
 13. Polyan, P. *Emigratsiya: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiyu* [Emigration: Who in the 20th Century Left Russia and When]. Polyan, P., Glezer, O. (eds.) *Rossiya i eye regiony v XX veke: territoriya – rasseleniye – migratsii* [Russia and Its Regions in the 20th Century: Territory – Distribution – Migrations]. Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 493–519. (In Russ.)
 14. Bobrik, M.A. *Prilozheniye. Ocherk yazyka semji* [Annex. Sketch of a Family Language]. Zemskaya, E.A. (ed.) *Yazyk russkogo zarubezhya: Obshchiye protsessy i rechevyye portrety* [Language of Russia Abroad: General Language Processes and Characteristics of Speakers]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2001, pp. 278–338. (In Russ.)
 15. Golubeva-Monatkina, N.I. *O staroemigrantskoy rechi (k tipologii sovremennoy russkoy rechi dalnego zarubezhya)* [About the Oral Communication of the Old Emigration (Towards a Typology of Oral Speech in Russia Abroad)]. *Rusistika segodnya* [Russistics today]. 1998, No. 1-2, pp. 88–96. (In Russ.)
 16. Isurin, L. *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change*. New York, De Gruyter Mouton Publ., 2011.
 17. Statistisches Bundesamt (Destatis) 2023. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html [accessed on 19 June 2023].
 18. Panagiotidis, J. *Postsowjetische Migration in Deutschland: eine Einführung*. Weinheim, Beltz Juventa Publ., 2021. (In German)
 19. Spolsky, B., Shohamy, E. *The Languages of Israel. Policy, Ideology and Practice (= Bilingual Education and Bilingualism 17)*. Clevedon et al., Multilingual Matters LTD Publ., 1999.
 20. Achterberg, J. *Zur Vitalität slavischer Idiome in Deutschland. Eine empirische Studie zum Sprachverhalten slavophoner Immigranten*. München, Otto Sagner Publ., 2005. (In German)
 21. Montrul, S., Polinsky, M. (eds.) *Introduction: Heritage Languages, Heritage Speakers, Heritage Linguistics*. Montrul, S., Polinsky, M. (eds.) *The Cambridge handbook of heritage languages and linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2021, pp. 1–10.
 22. Kartsevskiy, S.I. *Yazyk, voyna, revolyutsiya*. [Language, War, Revolution]. Berlin, Russkoye universitetskoye izdatelstvo Publ., 1923. (In Russ.)
 23. Fishman, J. 300-plus years of heritage language education in the United States. Kreeft Peyton J. (ed.) *Heritage Languages in America: Preserving a National Resource*. Washington, DC, Center for Applied Linguistics – Delta Systems Publ., 2001, pp. 81–89.
 24. Nikitina, S.E. *Yazykovoye samosoznaniye molokan i staroobryadtsev SShA: sudby russkogo yazyka* [Language Identity of Molokans and Dukhobors in the USA: The Fate of Russian Language]. *Rusistika segodnya* [Russistics today]. 1998, No. 1-2, pp. 62–71. (In Russ.)
 25. Kasatkin, L.L., Kasatkina, R.F., Nikitina, S.E. *Russkiy yazyk oregonskikh staroobryadtsev: yazykovyye*

- portrety* [The Russian Language of Old-Believers in Oregon: Linguistic Portraits]. Krysin, L.P. (ed.): *Rechevoye obshcheniye v usloviyakh yazykovoy neodnorodnosti* [Oral Communication in Situations of Language Heterogeneity]. Moscow, URSS Publ., 2000, pp. 134–152. (In Russ.)
26. Granovskaya, L.M. *Russkiy yazyk v "rasseyanii"*. *Ocherki po yazyku russkoy emigratsii pervoy volny*. [Russian Language in Diaspora: Sketches about the Language of the Russian Emigration of the First Wave]. Moscow, IRYaZ Publ., 1995. (In Russ.)
27. Belikov, V.I., Krysin, L.P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, RGGU Publ., 2001. (In Russ.)
28. Gelgardt, R.R. *O literaturnom yazyke v geograficheskoy proyektzii* [About Standard Language in a Geographical Projection]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1959, No. 3, pp. 95–101. (In Russ.)
29. Krysin, L.P. *Formy sushchestvovaniya (podsystemy) russkogo natsionalnogo yazyka* [Varieties (Subsystems) of the Russian National Language]. Krysin, L.P. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk: sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya* [Contemporary Russian: Social and Functional Differentiation]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003, pp. 33–77. (In Russ.)
30. Bechert, J., Wildgen, W. Einführung in die Sprachkontaktforschung. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Publ., 1991. (In German)
31. Pütz, M. Sprachökologie und Sprachwechsel: die deutsch-australische Sprechgemeinschaft in Canberra. Frankfurt a.M.: Peter Lang Publ., 1994. (In German)
32. Földes, C. Zur Begrifflichkeit von "Sprachenkontakt" und "Sprachenmischung". Lasatowics, M.K., Joachimsthaler, J. (eds.) *Assimilation – Abgrenzung – Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur*. Frankfurt a.M.: Peter Lang Publ., 1999, pp. 33–54. (In German)
33. Zemskaya, E.A. *Umirayet li yazyk russkogo zarubezhya?* [Is Russian Language Abroad Dying?]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 2001, No. 1, pp. 14–30. (In Russ.)
34. Karaulov, Yu.N. *O russkom yazyke zarubezhya* [About the Russian Language of Russia Abroad]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1992, No. 6, pp. 5–16. (In Russ.)
35. *Yazyki mira. Slavyanskiye yazyki* [Languages of the World. Slavic Languages]. Moscow, Academia Publ., 2005. (In Russ.)
36. Polinsky, M. S. American Russian: A new Pidgin. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Moscow Linguistic Journal]. 1998, No. 4, pp. 78–138.
37. Dubisz, S. (red.) *Język polski poza granicami kraju* [Polish Language Outside the Country]. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego Publ., 1997. (In Polish)
38. Dubisz, S. *Język polski poza granicami kraju – próba charakterystyki kontrastowej* [Polish Language Outside the Country – A Test of Contrast Characteristics]. Dubisz, S. (red.) *Język polski poza granicami kraju* [Polish Language Outside the Country]. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego Publ., 1997, pp. 324–376. (In Polish)
39. Walczak, B. *Język polski na Zachodzie* [Polish Language in the West]. Bartmiński, J. (ed.) *Współczesny język polski* [Contemporary Polish]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2001, pp. 563–574. (In Polish)
40. Gajda, S. (ed.) *Język polski* [Polish Language]. Opole, Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej Publ., 2001. (In Polish)
41. Dubisz, S. *Język polski poza granicami kraju* [Polish Language Outside the Country]. Gajda, S. (ed.): *Język polski* [Polish Language]. Opole, Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej Publ., 2001, pp. 492–514. (In Polish)
42. Cruz-Ferreira, M. (ed.) *Multilingual Norms*. Frankfurt a.M.: Peter Lang Publ., 2010.
43. Li, W. Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics*. 2018, No. 39 (1), pp. 9–30.
44. Keller, M.L. *Code-Switching: unifying contemporary and historical perspectives*. Berlin, Springer Publ., 2020.
45. Myers-Scotton, C. *Code-switching*. Coulmas, F. (ed.) *The handbook of sociolinguistics*. Oxford, Blackwell Publ., 2017, pp. 217–237.
46. Bullock, B.E., Toribio, A.J. (eds.) *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009.
47. García, O., Li, W. *Translanguaging, Language, Bilingualism and Education*. New York, Palgrave MacMillan Publ., 2014.
48. Warditz, V. Zum Status syntaktischer Variationen in Sprachkontaktsituationen: Eine Fallstudie zum Polnischen in Deutschland *Zeitschrift für Slawistik*. 2014, No. 59 (1), pp. 1–20. (In German)
49. Franceschini, R. Varianz innerhalb zweier Sprachsysteme: eine Handlungswahl? Henn-Memmeheimer, B. (Hrsg.) *Sprachvarianz als Ergebnis von Handlungswahl*. Tübingen, Niemeyer Publ., 1998, pp. 11–26. (In German)
50. Krysin L.P. *Rechevoye obshcheniye v lingvisticheski i sotsialno neodnorodnoy srede* [Oral Communication in a Linguistically and Socially Heterogenic Environment]. Krysin, L.P. (ed.) *Rechevoye obshcheniye v usloviyakh yazykovoy neodnorodnosti* [Oral Communication in Situations of Language Heterogeneity]. Moscow, URSS Publ., 2000, pp. 3–12. (In Russ.)

51. Elabbas, B., Montrul, S., Polinsky, M. Heritage Languages and Their Speakers: Opportunities and Challenges for Linguistics. *Theoretical Linguistics*. 2013, No. 3-4 (39), pp. 129–181.
52. Zhdanova, V. *K voprosu o lingvisticheskom statuse yazyka diaspory* [On the Linguistic Status of the Heritage Language]. Zhdanova, V. (red.): *Russkiy yazyk v usloviyakh kulturnoy i yazykovoy polifonii* (= *Die Welt der Slaven. Sammelbände / Sborniki. Band 38*) [Russian Language in Situations of Cultural and Linguistic Polyphony]. München, Otto Sagner Publ., 2009. pp. 89–101. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 1 июля 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 июля 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.
Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on July 1, 2023
Revised on July 10, 2023
Accepted on August 15, 2023
Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028325-3

О теоретических и эмпирических терминах

© 2023 г. С. Д. Шелов

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
volehs@mail.ru

Резюме. Задача настоящей работы — рассмотреть противопоставление “теоретические термины — эмпирические термины” с лингвистической точки зрения, выявляя признаки теоретического и эмпирического в терминологии. Предлагается руководствоваться следующими принципами. Теоретичность — свойство градуированное (шкалированное): термин может быть более или менее теоретичным, причем даже минимальная степень теоретичности термина (обеспеченная, например, наличием дефиниции, понимание которой не требует специальных знаний) означает его не-эмпиричность. Эмпиричность — свойство восприятия и усвоения термина посредством любого внесловесного (невербального) его усвоения и объяснения. Высказанные соображения применяются к специальной лексике совершенно различных наук и областей знания, включая гуманитарные науки.

Ключевые слова: терминология, теоретические термины, эмпирические термины, понимание термина, терминологическое определение.

Для цитирования: Шелов С.Д. О теоретических и эмпирических терминах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 37–48. DOI: 10.31857/S160578800028325-3

On Theoretical and Empirical Terms

© 2023 Serguey D. Shelov

Doct. Sci. (Philol.),
Chief Researcher at the V.V. Vinogradov Institute
for Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str., Moscow, 119019, Russia
volehs@mail.ru

Abstract. The goal of this work is to look at the opposition of empirical terms — theoretical terms from a linguistic point of view, identifying attributes of the theoretical and empirical in terminology. It is proposed to be guided by the following principles.

Theoricity is a graded (scaled) property. The term can be more or less theoretical, and even the minimum degree of its theoricity (provided, for example, by its definition, the understanding of which does not require special knowledge) means it is not entirely empirical. Empiricism of the term implies its perception and assimilation through any non-verbal (verbal) assimilation and explanation of it.

These provisions cover terminology of various sciences and fields of knowledge, including humanities.

Key words: terminology, theoretical terms, empirical terms, understanding of the term, term definition.

For citation: Shelov, S.D. *O teoreticheskikh i empiricheskikh terminakh* [On Theoretical and Empirical Terms]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 37–48. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028325-3

1. Из истории постановки и решения вопроса

1.1. Заголовок настоящей статьи тесно связан с логико-философской проблематикой языка науки. В более широком смысле его содержание представляет собой часть проблемы теоретического и эмпирического познания, основных методов научного познания, роли фактического и теоретического в науке, общих логико-философских вопросов понятия и типов научных понятий, методов научного обоснования и доказательства и многих других.

Оставаясь в рамках лингвистики и терминоведения, противопоставление теоретического и эмпирического обращается к сравнительно небольшой и хорошо очерченной части традиционного комплекса философских проблем языка науки. Сам по себе термин — факт и результат номинации, и как таковой напрямую он не связан с вопросами объяснения или прогнозирования поведения объекта, с предсказанием новых закономерностей и явлений, с обоснованием тех или иных положений различных наук и дисциплин, с гипотезой как формой новых прогнозов в развитии тех или иных событий и т.п. Все эти вопросы составляют область логико-философского рассмотрения языка науки, однако базой для их постановки и решения являются утверждения, суждения, те или иные пропозициональные формы, а не сами по себе участвующие в них имена объектов. Это обстоятельство не снимает вопрос о теоретичности — эмпиричности термина как такового, но придает ему некоторую автономность и самостоятельность.

Поднятым вопросам языка науки посвящена обширная логико-философская литература [1]–[12]. Относительно исследований по этой теме необходимо сделать два замечания: 1) материалом обсуждения эмпирического и теоретического в научных понятиях и терминах служат преимущественно данные естественных наук и в первую очередь — физики, материал общественных и гуманитарных наук очень незначителен; 2) к обсуждению почти не привлекается какой-либо лингвистический или терминоведческий инструментарий; 3) в философии чаще говорят о противопоставлении теоретических и эмпирических понятий, а в терминоведении — о противопоставлении теоретических и эмпирических терминов, но связь этих тем прямая и очевидная: коль скоро понятие должно быть как-то репрезентировано, названо, теоретические понятия связаны с теоретическими терминами, а эмпирические

понятия — с эмпирическими терминами¹. Таким образом, логико-философские и лингвотерминологические аспекты проблемы, которая очевидным образом лежит на пересечении философии и лингвистики, парадоксальным образом практически не пересекаются.

1.2. Заметим, что в лингвистической и терминологической литературе разграничение теоретических и эмпирических терминов проводится достаточно редко, при этом далеко не простое противопоставление наблюдаемого и ненаблюдаемого либо весьма не похоже на какую-либо логико-философскую интерпретацию этого противопоставления, либо оно проводится вообще без учета длительной логико-философской традиции и характерных для нее тем обсуждения (даже если эти темы упоминаются). Так, В.М. Лейчик утверждает: “Одной из классификаций терминов (по денотату) является широко используемое в философии деление на термины наблюдения и теоретические термины <...>, например, *синие водоросли* термин наблюдения, *синева* — теоретический термин. Это деление утверждает, что за терминами наблюдения стоят классы реальных объектов, а за теоретическими терминами — абстрактные понятия, зависящие от определенной теории, концепции” [13, с. 91]. Аналогична трактовка этого разграничения у С.В. Гринева-Гриневиича: “По степени абстракции называемых термином понятий выделяются теоретические термины, значение которых отличается более отвлеченно-умозрительным характером, и эмпирические термины (термины наблюдения), значение которых имеет более конкретно-предметный характер” [14, с. 63].

Обратим внимание на то, что в первом случае противопоставление эмпирическое — теоретическое сводится к странному противопоставлению реальности — абстрактности, “зависящей от теории, концепции”. В такой трактовке все же трудно понять, почему *синие водоросли* — это термин наблюдения (и в каком именно смысле его следует здесь рассматривать), а *синева* — это

¹ В связи с бурным развитием в лингвистике (и в семантике как ее разделе) с 70-х годов XX века понятия концепта и проведением различий между понятием и концептом [15]; [16] было бы актуально поставить вопрос о разграничении теоретических и эмпирических концептов и о соотношении этого разграничения с разграничением соответствующих понятий. Однако словосочетания “теоретический концепт”, “эмпирический концепт” почти не представлены ни в логико-философской, ни в лингвотерминоведческой литературе, поэтому далее мы будем обсуждать тему теоретического и эмпирического, используя традиционное обозначение — “понятие”.

теоретический термин и почему *синие водоросли* реальность, а *синева* — абстрактность? Неясно также, какие именно области знания представляют эти примеры и как можно было бы воспользоваться подобным разграничением в других случаях. Во втором случае примеры не приводятся вовсе, а противопоставление теоретическое — эмпирическое сводится к совсем другой оппозиции “отвлеченно-умозрительности — конкретно-предметности”, которая оставляет те же вопросы.

Значительно глубже и на более широком логико-философском фоне, с учетом различных точек зрения, рассматривается соотношение теоретического и эмпирического в монографии С.Е. Никитиной [17]. В работе применительно к языку лингвистики преломляются такие классические темы логико-философской традиции, как наблюдаемое — ненаблюдаемое, соизмеримость — несоизмеримость научных теорий, возможность — невозможность редукции теоретических терминов к эмпирическим и, наоборот, собственно соотношение эмпирического и теоретического [17, особенно раздел первой главы “Проблема теоретического и эмпирического и язык лингвистики”, с. 12–24]. Хотя автор отмечает, что “для современной философии науки характерно стремление к расподоблению пар теоретическое — эмпирическое и наблюдаемое — ненаблюдаемое”, что “неясность позитивистского критерия разделения на наблюдаемое и ненаблюдаемое стала мишенью для критических высказываний многих философов” [17, с. 15], все же наибольшее внимание автора уделяется именно фактору наблюдаемости (как признака эмпирического объекта) или ненаблюдаемости (как признака теоретического объекта). Несколько положений в позиции автора здесь нам представляются наиболее существенными. Так, относительно фактора наблюдаемости в лингвистике автор говорит, что “в сущности, на уровне непосредственного физического наблюдения нам дан только нерасчлененный звуковой поток” и что «все лингвистические термины теоретически нагружены, и даже классический пример разделения теории и эмпирии — фонологии и фонетики — вовсе не является убедительным: фонетическая классификация звуков сознательно или бессознательно строилась на допущении смысловых различительных функций, т.е. всегда имела в себе фонологическую “примесь”». По всей вероятности, исходя из тезиса о теоретической нагруженности всех терминов лингвистики, автор не приводит — даже в качестве примера — ни одного эмпирического лингвистического термина, но делает важное замечание о теоретических лингвистических

терминах, относя к ним инварианты, значения и лингвистические нули как ненаблюдаемые объекты. В целом же автор приходит к выводу о том, что “в лингвистике разграничение эмпирического и теоретического уровня и, соответственно, эмпирического и теоретического языка в настоящее время вряд ли целесообразно. Скорее надо говорить об исходных данных и последующих теоретических построениях, о разграничении уровней объекта исследования и создания правил соответствий между элементами разных уровней” [17, с. 21–23].

Задача настоящей работы — рассмотреть указанное противопоставление с лингвистической точки зрения, выявляя признаки теоретического и эмпирического в терминологии, и применить его к специальной лексике совершенно различных наук, оставляя возможности его использования к более широкому языковому материалу. Отметим, что автор настоящей статьи отдает себе отчет в том, что высказанные положения далеки от законченных формулировок, предполагающих окончательное решение этой важнейшей задачи, относящейся и к лингвистической проблематике языка науки, и к вопросам логики и методологии языка науки. Автор был бы вполне удовлетворен, если бы ему удалось привлечь внимание к этой весьма сложной проблемной области, явным образом лежащей на пересечении этих двух разделов научного знания.

1.3. Понятие непосредственно эмпирического восприятия, которое легло в основу понимания эмпирических терминов и было сформулировано еще Р. Карнапом [18, р. 455]; [19, р. 226], сводится к двум условиям. Прямое восприятие означает, во-первых, восприятие без помощи технических инструментов и, во-вторых, что это восприятие не использует никакие умозаключения (логические выводы). В качестве классических примеров эмпирических терминов вслед за Р. Карнапом часто приводятся лексические единицы *синий*, *твердый*, *холоднее (чем)* и т.п. Интересно, что сам Р. Карнап допускал, что критерии, с помощью которых разграничиваются термины наблюдения и теоретические термины, не являются достаточно четкими и что эти критерии допускают градацию, шкалу эмпиричности и теоретичности. Так, критерий наблюдаемости — ненаблюдаемости далеко не очевиден, и очень многое, в частности, зависит от того, что считать техническими средствами наблюдения. Так, например, такие параметры, как температура и давление, измеряются с помощью технических устройств, и в этом смысле в философии соответствующие термины не являются

терминами наблюдения: для философа при измерении этих величин непосредственно наблюдаются только пространственные положения жидкости (например, ртутного столба в термометре) и стрелки указателя (например, в барометре). Использование приборов нарушает чистоту критерия наблюдаемости в силу того, что приборы не являются органами чувств, во-первых, и, во-вторых, в их создание могут быть заложены теоретические принципы, что противоречит идее эмпиричности ненаблюдаемого объекта. В еще большей степени мы не в состоянии наблюдать электроны, молекулы, гравитационные силы и гены при таком узком понимании слова “наблюдать”. Следовательно, выражения, относящиеся к таким сущностям, квалифицируются как теоретические. Однако для физика, который может ежедневно видеть соответствующие объекты посредством простых или сложных технических средств и приборов (и в этом смысле наблюдать их), они являются объектами наблюдения, а называющие их термины — терминами наблюдения.

Другой недостаток принципа ненаблюдаемости как основного или даже единственного критерия теоретичности состоит в отсутствии связи с какой-либо теорией. Тогда и чисто отрицательное определение теоретического термина оказывается не сущностным: теоретический термин при таком рассуждении определяется просто как не эмпирический. В связи с этим теоретический термин иногда толкуется иначе: термин является теоретическим тогда и только тогда, когда его значение определяется с помощью аксиом какой-либо научной теории, и (поскольку совокупность аксиом — это тоже некоторый текст) тогда говорят о контекстуальной теории значения [20]. Так, например, считается, что значение термина *сила* определяется законами движения И. Ньютона и другими законами о силах, такими как закон тяготения². Однако контекстуальный (и в частном случае аксиоматический) подход к значению теоретического термина ставит свои новые вопросы, которые пока не имеют ответа или хотя бы общепризнанного решения. Так, часто интуитивно в текстах представлены термины, но сами тексты представляют теории, которые не поддаются аксиоматизации.

1.4. В российской литературе логико-философской тематики заслуживают внимания

² Изначально идеи контекстуального и аксиоматического метода фиксации значения слов связывают с работами французского физика П.М. Дюэма (P.M. Duham, 1861–1916) и французского математика, физика и философа Ж.А. Пуанкаре (1854–1912).

положения относительно оппозиции теоретические термины — эмпирические термины, высказанные В.Н. Карповичем [1, с. 53–81]. По В.Н. Карповичу, эмпирические термины определяются (скорее — предъявляются!) остенсивно, а теоретические термины нуждаются в словесной (вербальной) дефиниции. Так, автор пишет: “Термины наблюдения — это такие термины, значения которых заданы остенсивно, без обращения к вербальным определениям; теоретическими же являются предикаты, определяемые вербально, с использованием логических знаков”³ [1, с. 68]. Однако интересен в этой связи яркий пример редких в лингвистике остенсивных определений, который противоречит такой интерпретации эмпирических (а следовательно, и теоретических) терминов. Речь идет о широко известной конструкции Колмогорова–Успенского, формализующей понятие падежа в русском языке, см. ясное и детальное описание этой конструкции, например, в работе [21, с. 36–55]. Сама конструкция представляет собой некую таблицу, в клетки строк которой вписаны имена русского языка в определенной форме. Когда такая таблица построена, естественно “остенсивно определить”, понятие того или иного падежа (точнее — его падежной формы), предъявляя строчку построенной таблицы с заполненными клетками указанием типа: “Именительный падеж — это вот такая строчка построенной таблицы”, “Родительный падеж — это вот такая строчка построенной таблицы”, “Второй родительный падеж — это вот такая строчка построенной таблицы”, “Дательный падеж — это вот такая строчка построенной таблицы” и т.п. Возможность такой наглядной демонстрации множества слов в одной строчке таблицы наводит на мысль об эмпирическом характере терминов *именительный падеж, родительный падеж, второй родительный падеж, дательный падеж* и т.д. Однако согласиться с этим практически невозможно, поскольку сама процедура построения таблицы исходит из определенных научных представлений и, безусловно, является теоретическим объектом, порождая, соответственно, совокупность теоретических терминов, обозначающих категориальные падежные формы русского языка (в связи с чем чрезвычайно важным оказывается не только остенсивность определяемого, но и то, что и как предъявляется остенсивно).

³ Следует отметить, что это разграничение в данной работе на самом деле несколько сложнее и связано с понятиями разрешимости множества и базисного и производного языка наблюдения (и, следовательно, базисного и производного термина наблюдения). Здесь мы не можем вдаваться в эти подробности.

Имеются также и другие подходы к различению теоретического и эмпирического и как частный случай теоретических и эмпирических терминов, на которых мы не будем останавливаться (подробно эта тема раскрывается в работах [3, с. 156–208]; [5]).

1.5. В трактовке соотношения эмпирического и теоретического обращает на себя внимание чрезвычайно узкое понимание эмпирического как чего-то, что может быть воспринято только посредством органов чувств — тактильных органов, слуха, обоняния, вкусовых рецепторов. Неудивительно, что при такой трактовке эмпирического восприятия целые области знания (в частности, языкознание) оказываются вообще без эмпирических терминов; об отсутствии чисто эмпирических терминов писали некоторые логики и, в частности, такая авторитетная фигура, как П.К. Фейерабенд [20]. Но ведь отсутствие эмпирических терминов в какой-либо тематической области, если с ним соглашаться, вообще снимает проблему соотношения теоретического и эмпирического, по крайней мере, в этой области, что плохо соотносится с интуитивным представлением о теоретическом и эмпирическом.

1.5.1. В связи со сказанным приведем две важные для наших целей цитаты из работы [22]. Так, авторы пишут: «Примерами словесных знаков русского языка, не имеющих, по крайней мере до настоящего времени, ни собственного, ни приданного смысла, могут служить такие фундаментальные термины теорий, как “множество” (для теории множеств), “предложение” (в лингвистике), “болезнь”, “игра” и др. Ученым-медикам до сих пор не удастся найти такую совокупность характеристик болезни, которая бы отличала болезнь от тех или иных анатомических или функциональных отклонений организма человека от нормы, которые врачи не склонны называть болезнью. Не удастся также пока найти ответ на вопрос, что такое игра (то есть не удастся определить этот термин). Не имеют определенного смысла так называемые неопределимые понятия теорий — “точка”, “прямая”, “плоскость” в геометрии. И, конечно, едва ли мы можем ответить на вопрос, что мы имеем в виду, когда упоминаем о своих ощущениях и впечатлениях — “кислое”, “сладкое”, “вкусный”, “приятный” и т.п.». В другом месте той же работы авторы отмечают: “В подобных случаях связь знака с объектом возникает стихийным образом в процессе формирования языка при общении людей, и прежде всего в совместной трудовой деятельности. Здесь играют роль, очевидно, зрительные и иные чувственные

представления о предметах, а также рефлексy, возникающие в тех или иных ситуациях. Учитывая сказанное, способ установления связи знака с обозначаемым объектом без посредствующих звеньев, каковым является смысл, можно было бы назвать чувственно-рефлекторным, в отличие от упоминавшегося выше способа связи через посредство смысла, который назовем логическим” [22, с. 150].

Естественно было бы добавить, что способ установления связи знака с объектом, способ, о котором говорят авторы и который они называют чувственно-рефлекторным, возникает при общении людей не только “в совместной трудовой деятельности”, но и при многих других видах общения — игровом, бытовом и др. Более чем вероятно, что понимание того, что такое *болезнь*, *игра* или *множество*, для детей и подростков не опирается ни на какие дефиниции, как и понимание слов *кислый*, *сладкий*, *вкусный*, *приятный*. Причины понимания и правильного усвоения этих слов-знаков, усвоения, проявляющегося в социально-правильном их употреблении и оперировании ими, могут быть разными — в невербальной (“довербальной”) умственной деятельности, в зрительном восприятии и зрительной памяти, во вкусовых, слуховых или тактильных ощущениях. Важно, однако, что во всех случаях эти процессы происходят в эмпирии человеческого существования, до словесного обучения и разъяснений таких знаков, характерных для формирования более или менее определенных понятий. Соответствующие слова и стоящие за ними означаемые тогда естественно считать **эмпирическими**. Все вопросы конкретности — абстрактности, реальности — нереальности существования итоговых образований, разумеется, остаются; более того, касаясь понятий эмпирического и теоретического в термине, они в целом неплохо соотносятся с ними: конкретность как характеристика эмпирического, абстрактность — как характеристика теоретического. Однако наиболее существенным оказываются способы их введения и усвоения; именно понимание терминов, обеспеченное общественной практикой их использования, без специального словесного обучения, подразумевает их эмпирический характер.

1.5.2. Учитывая сказанное выше, важно подчеркнуть существование двух разных значений слова “эмпирия” (греч. *ἐμπειρία* — опыт): 1. Человеческий опыт вообще, восприятие посредством органов чувств. 2. Наблюдение в естественных условиях, в противоп. эксперименту [23]; [24]. Но если вкладывать в понятие эмпирии гораздо

более широкое содержание “человеческого опыта вообще и наблюдения в естественных условиях”, то и вся картина соотношения эмпирического и теоретического существенно изменится. Опыт человеческого существования, разумеется, включает в себя чувственные его проявления, но он далеко не ограничивается ими, а охватывает и многие познавательные-когнитивные процессы, в том числе бессознательно происходящие в ходе человеческого развития. В частности, в него входят и все процессы усвоения языка и его лексики, социально принятые способы их правильного употребления без какого-либо специального вербального обучения (в частности, в школе). Всё, что вырабатывается в ходе индивидуального развития личности вне сознательно внешнего речевого воздействия, включая реализацию принципа “делай как я!” — без пошагового речевого пояснения, что и как именно делать, — всё это также эмпирия человеческого существования и развития. В ее сфере находятся и процедуры каждодневных бытовых действий и приобретения речевых навыков: умение ходить, надевать на себя одежду, пользоваться посудой, столовыми приборами для питья, принятия пищи, понимать простейшие фразы, сказанные другими, и приносить их самому обычно не сопровождаются подробными речевыми инструкциями со стороны, но составляют основу личной эмпирии.

Если эмпирическое, согласно изложенному выше, оказывается своеобразным “антиподом” вербального, то теоретическое, напротив, закономерно связывается со словесным (вербальным) способом существования **теоретического**. Оценка степени теоретичности термина сама по себе возможна только тогда, когда имеется некоторый текст, толкующий или любым другим способом словесно объясняющий этот термин, из чего следует, что он перестает быть эмпирическим. Более того, применительно к терминологии естественно говорить о том, что **чем больше требуется сведений, чем больше необходимо словесной информации** для фиксации понятийного содержания термина, тем он **более теоретичен**. Однако измерение количества текстовой информации — задача невероятно сложная; поэтому для упрощения постановки и решения этой задачи можно говорить только о необходимой для фиксации понятийного содержания термина **специальных сведений, специальной информации** соответствующей области знания. Теоретичность знака при такой ее трактовке оказывается близкой понятию терминологичности, поскольку специальные, необщезыковые сведения и информация тесно связаны опять-таки с терминологией. Поэтому можно еще более

упростить задачу: сильно огрубляя высказанные положения (но сохраняя их общую идею), можно считать показателем теоретичности термина **его понятийный уровень в системе терминологических дефиниций**, включающей данный термин. Тогда степенью теоретичности термина оказывается, образно говоря, его глубина в иерархии понятий, заданной адекватной системой терминологических дефиниций, где иерархия задается отношением “термин определяется (дефинируется) через термин” (более подробно о понятийном уровне термина см. в работе [25])⁴.

2. Теоретическое VS эмпирическое с лингвистической точки зрения

Изложенные выше положения обуславливают трактовку теоретической и эмпирической терминологии не вполне традиционным образом; в сжатом виде ее суть может быть сформулирована следующим образом.

Теоретичность — свойство градуированное (шкалированное): термин может быть более или менее теоретичным, причем даже минимальная степень теоретичности термина (обеспеченная, например, наличием дефиниции, понимание которой не требует специальных знаний) означает его неэмпиричность.

Эмпиричность — свойство восприятия и усвоения термина посредством любого внесловесного (вербального) его усвоения и объяснения. Эмпирический термин ни в коей мере не является теоретическим, а любой текст, претендующий служить его толкованием или дефиницией, переводит этот термин из числа эмпирических в теоретические.

3. Теоретическое vs эмпирическое в разных областях знания

Обратимся теперь к некоторому языковому материалу разных областей знания и дисциплин и попытаемся в свете сказанного оценить его эмпиричность или теоретичность.

3.1. При таком понимании эмпирических и теоретических терминов вопрос об их количественном соотношении в различных науках и областях знаний решается, по всей вероятности, очень по-разному, что соответствует и интуитивному восприятию различных наук и их терминологического аппарата. Так, в математике, особенно в вариантах ее формализованного построения и

⁴ При одинаковой глубине двух разных терминов естественно считать более теоретичным тот, для понятийной фиксации которого в системе дефиниций используется больше различных терминов.

изложения, количество эмпирических терминов сводится к минимуму (ср., например, термин *множество*), а остальные термины так или иначе теоретически нагружены, что отнюдь не исключает разную степень их теоретичности. При аксиоматизации геометрии, когда значение и употребление ее базовых терминов (*точка, прямая, плоскость, расположение между* и др.) задается аксиоматически, теоретически нагруженными оказываются все термины; не будет преувеличением утверждение о том, что в геометрии, построенной таким образом, вообще нет эмпирических терминов (что, впрочем, также не исключает очень разной степени теоретичности оставшейся части терминов геометрии).

3.2. Терминология, которая вводится путем однократного или максимум двукратного уточнения общезыковой лексики, обладает малой степенью теоретичности и близка к “чисто эмпирической” терминологии; абсолютно преобладающим смысловым компонентом такой лексики является общезыковая семантика соответствующего слова. Характерный пример здесь — тематическая область “Правила дорожного движения” и ее специальная лексика, предъявляемая и объясняемая в “Правилах дорожного движения”, ср.:

Велосипед (транспортное средство, кроме инвалидных колясок, имеющее два колеса и более и приводимое в движение мускульной силой людей...);

Водитель (лицо, управляющее транспортным средством, обучающий вождению, а также погонщик...);

Дорога (обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств, полоса земли...);

Населенный пункт (застроенная территория, въезды на которую и выезды с которой обозначены знаками 5.22–2.25);

Транспортное средство (устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем) и т.д.

3.3. Обратимся снова к лингвистической терминологии, пытаясь иллюстрировать примерами ее эмпирическую и теоретическую части. Как ни странно, эмпирических терминов языкознания совсем немного. Представляется, независимо от тех или иных образовательных процессов в школе, колледже или вузе и, самое главное, **до этих процессов**, носитель русского языка усваивает термины *звук, интонация, пауза, слово* (разумеется, в значении отдельной словоформы, а не в значении лексемы как совокупности всех

словоизменительных форм одного и того же слова), термины, представляющие артикуляционный раздел лингвистической фонетики — *губы, зубы, челюсть, язык* и другие⁵.

3.3.1. Не менее интересен и встречающийся вопрос: имеются ли и каковы теоретические термины лингвистики? С.Е. Никитина, исходя из критерия ненаблюдаемости теоретических объектов, в упомянутой выше работе приводит три типа таковых — инварианты, значения и лингвистические нули [17, с. 22–23]. В интерпретации теоретических терминов, которая предлагается в данной работе, всю аллоэмическую терминологию справедливо следует отнести к теоретической, и в ее составе окажутся, в частности, такие, например, термины, как *лексема, морфема, фонема* и, соответственно, *аллолекс, алломорф(а), аллофон*⁶. Следует обратить внимание, что объяснение многих других лингвистических терминов также весьма не тривиально и требует других терминов, иногда превращая толкование первых в целые микротеории, ср. специальные номинации *агглютинация, аккомодация, аффикс, грамматическая категория, грамматическое значение, дополнение, корень, нейтрализация, примыкание, склонение, спряжение*,

⁵ Возможны разнообразные варианты подачи и обучения лингвистической терминологии и, в частности, такие, при которых приведенные единицы приобретают своеобразные толкования, например: “Звук это минимальная, далее не членимая единица звукового потока речи, представляющая собой часть слога, произнесённая за одну артикуляцию”. Разумеется, если исходить из подобных толкований, приведенные выше утверждения оказываются полностью неверными, а термин *звук* предстает как весьма и весьма теоретически нагруженный. Другой вопрос — насколько закономерны и продуктивны такое построение и подача терминологии, при которых *звук* определяется через термины *звуковой поток, речь, слог, артикуляция*. Сказанное относится и к другим упомянутым терминологическим единицам. В то же время, в составе фонетической терминологии, разумеется, присутствуют и теоретические термины. Интересно, что в учебнике по логике одна из важнейших единиц общего языкознания *предложение* также подается как “не имеющая ни собственного, ни приданного смысла” [22, с. 150], что не позволяет характеризовать ее как теоретическую, но требует относить также к эмпирическим.

⁶ Более спорно, с нашей точки зрения, отнесение к теоретическим терминам единицы *значение*, что в нашем понимании зависит от того, как и когда усваивается слово *значение* в таких сочетаниях, как *значение слова* или *значение предложения*. Если, например, еще до приобщения к школьным знаниям ребенок знает, что такое *значение слова, значение предложения*, то единица *значение*, скорее всего, — эмпирический термин, хотя непосредственно ‘значение’ предъявить невозможно. В то же время, разумеется, допустимы теоретические построения, при которых *значение* становится в высшей степени теоретическим термином (например, при дешифровочных методах исследования языка или в дескриптивной лингвистике).

флексия, часть речи, чередование и другие. Заметим, что огромная часть терминов-словосочетаний языковедения использует общезыковую лексику для обозначения категориальных форм или согласовательных классов, ср. в неоднократно переиздававшемся словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой *будущее время* (“категориальная форма времени...”), *настоящее время* (“категориальная форма времени...”), *прошедшее время* (“категориальная форма времени...”) [26]. Аналогично с этой точки зрения устроены термины *единственное число, двойственное число, множественное число; женский род, мужской род, средний род* и т.п. В других случаях общезыковая лексика в составе терминов-словосочетаний добавляется к именам языковых категорий или частей речи — именам, которые (в данном значении) не используются вне научно-лингвистического контекста. В этом случае такая лексика, в конечном счете, также уточняет семантику тех или иных языковых выражений, ср. *запретительное наклонение, повелительное наклонение, разрешительное наклонение, условное наклонение* или *второе лицо, первое лицо, третье лицо* и т.п. Наконец, огромное число теоретических терминов представлено терминологическими словосочетаниями, синтаксические компоненты которых сами по себе представляют единицы лингвистической теории, ср., *гиперболическая метафора, грамматическое чередование, лексическая метонимия, наречное местоимение, наречное определение, несогласованное определение, отглагольное существительное, разносклоняемое существительное, приглагольный дательный, сильноуправляемый дательный, синтаксический синкретизм, союзное местоимение, фонологическая нейтрализация* и т.д. Точно так же, как отмечалось выше, по замечанию С.Е. Никитиной, теоретически нагруженными предстают и номинации лингвистических нулей и, в частности, терминов *нулевая фонема, нулевой аффикс, нулевой корень, нулевая морфема*. Таким образом, в силу сказанного количество чисто эмпирических терминов в лингвистике, по-видимому, весьма ограничено, в то время как число в той или иной мере теоретических терминов практически не ограничено.

3.4. Рассмотрим теперь с точки зрения соотношения эмпирического и теоретического несколько исторических терминов, как они представлены в упомянутом выше издании [24]:

Дань 1. Ист. Подать с населения в древней Руси и некоторых других странах, взимавшаяся князем, военачальником или победителем с побежденного племени, народа;

Кабала 1. Ист. Долговое обязательство в древней и Московской Руси (с 16 в. в письменной форме), ставившее заемщика в личную зависимость от займодавца,

2. *Ист.* Особый вид рабства на Руси в 14–16 вв. — пожизненная зависимость, основанная на долговом обязательстве;

Когорта 1. Ист. Отряд войска в древнем Риме, составлявший десятую часть легиона;

Кормление 2. Ист. На Руси в 13–16 вв. система вознаграждения бояр, осуществлявших судебно-административные функции, путем предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности;

Префект 1. Ист. В древнем Риме: наименование ряда административных и военных должностей, а также лиц, занимавших эти должности;

Стрелецкий приказ. Ист. Учреждение в Русском государстве 16–17 вв., ведавшее стрельцами, их землями и дворами, выдачей им денег и хлебного жалованья и т.д.;

Фронда 1. Ист. Социально-политическое движение против абсолютизма во Франции в 1648–1653 гг.;

Шляхта. Ист. В ряде стран Центральной Европы (Польше, Литве и др.) название основной части господствующего феодального класса, состоявшего из дворянства.

Являются ли приведенные термины эмпирическими или теоретическими и почему?

Исходя из представленных выше соображений, считать их эмпирическими не приходится, так как понимание их содержания лишь в практической деятельности носителя русского языка явно не происходит; эти термины, безусловно, требуют раскрытия своего содержания посредством некоторого текста, поясняющего их содержание, что в силу принятых допущений также исключает их из числа эмпирических⁷. В то же время, подобные термины трудно признать в сколь-нибудь существенной степени теоретическими. Эти единицы характеризуются слабой связью с другими терминами той же области знания, ср., например, *когорта — легион; шляхта — феодальный класс, дворянство; фронда — абсолютизм*. В других случаях такие связи вообще отсутствуют, что обеспечивало возможность их понимания без привлечения

⁷ Заметим, что в подобных случаях вряд ли можно говорить о наблюдаемости или о возможности непосредственно предъявить поименованные объекты или воспроизвести названные события (хотя бы в силу их историчности).

специальных знаний, ср. *кормление, префект*. Еще более существенно, что в толковании каждого из приведенных терминов содержится хотя бы одно имя собственное, ср. *древняя Русь* (в первом примере), *Московская Русь* и *Русь* (во втором примере, для разных значений слова *кабала*, а также в четвертом примере), *древний Рим* (в третьем и пятом примерах) и, соответственно, для последующих примеров *Русское государство, Франция, Центральная Европа*. Наличие имени собственного в толковании определяемого термина резко меняет его понятийное содержание в направлении его сужения и индивидуализации, фиксируя смысловую привязанность обозначаемого к определенному времени и месту, что также плохо согласуется с теоретическим характером термина.

3.4.1. Представленные примеры мы квалифицируем как **индивидуализирующие термины небольшой степени теоретичности**, столь важные для общественных и гуманитарных наук и, особенно, для наук исторического цикла. Этот тип терминов может использовать и уточнять лексические единицы разных понятийно-семантических категорий — вещей (предметов), свойств, событий, процессов, отношений и др., ср. [22, с. 160]; [27, с. 38]. Однако общим их свойством является невовлеченность в теоретические построения ни в качестве исходных языковых единиц данной области знания, ни, напротив, в качестве единиц, производных от каких-либо других ее единиц или, по крайней мере, очень слабо производных от них; соответствующие терминологические образования не образуют сколь-нибудь протяженных знаковых рядов a_1, a_2, a_3 и т.д., где a_2 непосредственно определяется через a_1 , a_3 непосредственно определяется через a_2 и т.д. Образуя, говоря, понятийное содержание каждого индивидуализирующего термина может стать центром некоторой тематической сферы, но сами эти тематические сферы самостоятельны и почти не имеют общих точек, в связи с чем они не обладают понятийной глубиной и не образуют какой-либо одной цельной иерархии, что отличает такую организацию специальной лексики от глубокой родовидовой иерархии терминологии научных дисциплин, активно использующих родовидовые дефиниции [28, с. 25–67].

3.4.1.1. Сказанное ставит ряд закономерных вопросов.

Так, первый вопрос, вызванный материалом исторической терминологии, заключается в следующем: существуют ли в ее составе термины большей степени теоретичности, чем приведенные выше? Полагаем, что можно дать

положительный ответ на этот вопрос, если обратиться к примерам важнейшей лексики марксистской философии и, в частности, исторического материализма, а также ее толкования в упомянутом выше издании [24], ср.:

Базис.

Экономическая структура общества, совокупность производственных отношений данного общества, которым соответствуют определенные надстроечные отношения (политические, правовые, нравственные и т.д.);

Классы.

Относительно большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают (Ленин В.И.);

Надстройка.

Совокупность общественных идей и взглядов (политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных, философских), соответствующих им учреждений и идеологических общественных отношений, определяемых экономическим базисом данного общества;

Общественно-политическая формация.

Определенная стадия исторического развития общества, а также структура общества, присущая данной стадии развития и определяемая способом производства.

3.4.1.2. Второй вопрос, продиктованный материалом исторической терминологии, звучит так: а существует ли в ее составе вообще эмпирическая терминология? В настоящее время мы можем лишь осторожно предположить, что сюда входит вся общественно-политическая лексика, которая усваивается ребенком или подростком до начала изучения истории в школе и в той не ангажированной специальным историческим знанием мере, в какой она им усваивается в этот период, ср. *бедность, бог, богатство, борьба, век, вера, война, время, государство, мир, общество, право, противник, религия, страна, союз, церковь* и др. Подобная лексика очень далека от одиозных примеров обозначения наблюдаемых и чувственно воспринимаемых качеств типа *теплота, жесткость, температура*, которые и приводятся как примеры классической эмпирической терминологии. На базе этого понимания в дальнейшем в ходе индивидуального или социального обучения вся

эта лексика может становиться более или менее теоретической, когда каждая единица погружается на глубину своего лексико-терминологического поля, а в совокупности все эти поля и составляют единую науку или область знания, в нашем случае — Историю. Преобладание теоретического или эмпирического в специальной лексике различных наук ожидаемо интуитивно и подтверждается логико-философскими исследованиями: так, в работе [29, выводы из 2-й главы] подчеркивается: “Естественные, общественные, технические, логико-математические, философские науки различаются по словарю и грамматическому строю, по преобладанию в них эмпирических или же теоретических терминов...”.

4. Некоторые итоговые положения

На основе рассмотренного материала выскажем теперь три положения, как нам представляется, лингвистически соотносящиеся (коррелирующие) со свойствами эмпиричности и теоретичности терминологии.

4.1. Можно предположить, что в целом имеет место следующая закономерность: **чем более термин теоретичен, тем более он связан с другими терминами той же области знания; эмпирический термин либо не связан с другими терминами, либо связан с ними в минимальной степени.** Это положение хорошо согласуется с природой понимания и усвоения термина: усвоение эмпирического термина в основном вообще не связано с вербальными пояснениями того, что этот термин обозначает. В случае необходимости построения теории эмпирические термины могут быть необходимы в качестве исходных элементов теории, что и обуславливает их связи с другими терминами, приобретающими свойство теоретичности.

4.2. Вторая закономерность связывает проблематику эмпиричности — теоретичности термина с именами собственными и может быть изложена таким образом: **наличие в адекватном толковании термина имени собственного не согласуется с теоретическим характером терминологии.**

4.3. Наконец, третья закономерность касается связи освоения заимствованной лексики в родном языке и степенью ее эмпиричности. Положение, выражающее эту закономерность, можно сформулировать следующим образом: **чем менее заимствованное слово освоено родным языком, тем меньше у него шансов быть эмпирическим термином.** Теоретически нагруженный термин вполне может быть как заимствованным, так и своеязычным словом, но обладать статусом эмпиричности,

по-видимому, могут только своеязычные лексические единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпович В.Н. Термины в структуре теорий: Логический анализ / Отв. ред. В.А. Смирнов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 128 с.
2. Петров В.В. Семантика научных терминов. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. 127 с.
3. Стёпин В.С. Философия науки: Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
4. Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В. Логика и язык научной теории / Отв. ред. В.В. Петров. Новосибирск: Наука, 1982. 190 с.
5. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. 382 с.
6. Achinstein P. The Problem of Theoretical Terms // *American Philosophical Quarterly*. 2(3). 1965. P. 93—203.
7. Balzer W. Theoretical Terms: Recent Developments // *Structuralist Theory of Science: Focal Issues, New Results* (Vol. 6: Perspectives in Analytic Philosophy) / W. Balzer and C. U. Moulines (eds.). Berlin: de Gruyter, 1996. P. 139—166.
8. Carnap R. The Methodological Character of Theoretical Concepts // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. I. / H. Feigl and M. Scriven (eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. P. 38—76.
9. Hempel C.G. The Meaning of Theoretical Terms: A Critique of the Standard Empiricist Construal // *Logic, Methodology and Philosophy of Science IV* / P. Suppe, L. Henkin, A. Joja and G. C. Moisil (eds.). Amsterdam, 1973. P. 367—378.
10. Putnam H. What Theories are Not? // *Logic, Methodology, and Philosophy of Science* / E. Nagel, P. Suppes and A. Tarski (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1962. P. 240—251.
11. Schurz G. *Philosophy of Science: A Unified Approach*. New York: Routledge. 2013. 480 p.
12. Tuomela R. *Theoretical Concepts*. Wien: Springer, 1973. 254 p.
13. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2012. 261 с.
14. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 302 с.
15. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // *Вопросы филологии*. № 1. 2001. С. 35—47.

16. Демьянков В.З. “Концепт” в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: Сб. научных трудов / Под ред. Е.С. Кукляковой. М., 2007. С. 26–33.
17. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. М.: Наука, 1987. 144 с.
18. Carnap R. Testability and Meaning // *Philosophy of Science*. 3(4). 1936/37. P. 419–471.
19. Carnap R. *Philosophical Foundations of Physics: An Introduction to the Philosophy of Science*. New York: Basic Books, 1966. 300 p.
20. Feyerabend P.K. Explanation, Reduction, and Empiricism // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science III* / H. Feigl and G. Maxwell (eds.), Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. P. 28–97 (Перевод в: Фейерабенд П.К. Избранные труды по методологии науки: Переводы с англ. и нем. М.: Прогресс, 1986. С. 29–108).
21. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
22. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 528 с.
23. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 41 089 словарных статей. М.: Азъ, 1992.
24. Словарь русского языка. Т. 1 – Т. 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
25. Шелов С.Д. Концептуальный уровень термина: Опыт формализации и компьютерного вычисления // *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovje*. Vol. 46. No. 2. 2020. С. 1–9.
26. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книга по требованию, 2013. 608 с.
27. Кандалаки Т.Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники: Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970. С. 3–39.
28. Иванова Е.П. Семантизация имени существительного во французских толковых и энциклопедических словарях XVII–XXI вв. (эволюция определений наименований гидрометеоров). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 250 с.
29. Чепкасова Е.В. Язык науки как предмет философского анализа: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. СПб., 2006. 25 с.
- Analysis]. Ed. V.A. Smirnov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. 128 p. (In Russ.)
2. Petrov, V.V. *Semantika nauchnyh terminov* [Semantics of Scientific Terms]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 127 p. (In Russ.)
3. Styopin, V.S. *Filosofiya nauki: Obshchie problemy* [Philosophy of Science: General Problems]. Moscow, Gardariki Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)
4. Tselishchev, V.V., Karpovich, V.N., Polyakov, I.V. *Logika i yazyk nauchnoj teorii* [Logic and Language of Scientific Theory]. Ed. V.V. Petrov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 190 p. (In Russ.)
5. Shvyrev, V.S. *Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii* [Theoretical and Empirical in Scientific Cognition]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 382 p. (In Russ.)
6. Achinstein, P. The Problem of Theoretical Terms. *American Philosophical Quarterly*. No. 2 (3), 1965, pp. 93–203.
7. Balzer, W. Theoretical Terms: Recent Developments. *Structuralist Theory of Science: Focal Issues, New Results (Vol. 6: Perspectives in Analytic Philosophy)*. W. Balzer and C.U. Moulines (eds.). Berlin, de Gruyter Publ., 1996, pp. 139–166.
8. Carnap, R. The Methodological Character of Theoretical Concepts. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. I. H. Feigl and M. Scriven (eds.). Minneapolis, University of Minnesota Press, 1956, pp. 38–76.
9. Hempel, C.G. The Meaning of Theoretical Terms: A Critique of the Standard Empiricist Construal. *Logic, Methodology and Philosophy of Science IV*. P. Suppe, L. Henkin, A. Joja and G.C. Moisil (eds.). Amsterdam, 1973, pp. 367–378.
10. Putnam, H. What Theories are Not? *Logic, Methodology, and Philosophy of Science*. E. Nagel, P. Suppes and A. Tarski (eds.). Stanford, Stanford University Press, 1962, pp. 240–251.
11. Schurz, G. *Philosophy of Science: A Unified Approach*. New York, Routledge Publ., 2013. 480 p.
12. Tuomela, R. *Theoretical Concepts*. Wien, Springer Publ., 1973. 254 p.
13. Lejchik, V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology Science: Subject, Methods, Structure]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 261 p. (In Russ.)
14. Grinev-Grinevich, S.V. *Terminovedenie: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij* [Terminology Science: Textbook for University Students]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 302 p. (In Russ.)
15. Demyankov, V.Z. *Ponyatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom yazyke* [Notion and Concept in Fiction and Scientific Language]. *Voprosy filologii* [Problems of Philology]. 2001, No. 1, pp. 35–47. (In Russ.)

REFERENCES

1. Karpovich, V.N. *Terminy v strukture teorii: Logicheskij analiz* [Terms in the Structure of Theories: Logical

16. Demyankov, V.Z. “*Koncept*” v filosofii yazyka i v kognitivnoj lingvistike [“Concept” in the Philosophy of Language and Cognitive Linguistics]. *Konceptualnyj analiz yazyka: Sovremennye napravleniya issledovaniya. Sb. Nauchnyh trudov pod red. E.S. Kubryakovej* [Conceptual Analysis of Language: Modern Trends in Research: Collection of Scientific Papers. Collection of Scientific Papers. Edited by E.S. Kubryakova]. Moscow, 2007, pp. 26–33. (In Russ.)
17. Nikitina, S.E. *Semanticheskij analiz yazyka nauki. Na materiale lingvistiki* [Semantic Analysis of the Language of Science. On the Evidence of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 144 p. (In Russ.)
18. Carnap, R. Testability and Meaning. *Philosophy of Science*. No. 3 (4), 1936/37, pp. 419–471.
19. Carnap, R. *Philosophical Foundations of Physics: An Introduction to the Philosophy of Science*. New York, Basic Books Publ., 1966. 300 p.
20. Feyerabend, P.K. Explanation, Reduction, and Empiricism. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science III*. H. Feigl and G. Maxwell (eds.). Minneapolis, University of Minnesota Press, 1962, pp. 28–97. (Translated in: Feyerabend, P.K. *Izbrannye trudy po metodologii nauki: Perevody s angl. i nem.* [Selected Works on the Methodology of Science: Translations from English and German]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 29–108. (In Russ.)).
21. Zaliznyak, A.A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Nominal Inflection in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 370 p. (In Russ.)
22. Voyshvillo, E.K., Degtyarev, M.G. *Logika: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij*. [Logic: Textbook for Universities]. Moscow, Izd-vo VLADOS-PRESS Publ., 2001. 528 p. (In Russ.)
23. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 41 089 slovarnyh statej*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 41,089 Dictionary Entries]. Moscow, Az Publ., 1992. (In Russ.)
24. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Ed. A.P. Evgenyeva. Moscow, Rus. yaz., Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 1–4. (In Russ.)
25. Shelov, S.D. *Konceptualnyj uroven termina: Opyt formalizacii i kompyuternogo vychisleniya* [Conceptual Level of the Term: An attempt of Formalization and Computer Calculations]. *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovje*. Vol. 46, No. 2, 2020, pp. 1–9. (In Russ.)
26. Ahmanova, O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2013. 608 p. (In Russ.)
27. Kandelaki, T.L. *Znacheniya terminov i sistemy znachenij nauchno-tehnicheskikh terminologij* [Meanings of Terms and Systems of Meanings of Scientific and Technical Terminologies]. *Problemy yazyka nauki i tekhniki: Logicheskie, lingvisticheskie i istoriko-nauchnye aspekty terminologii*. [Problems of Science and Technology Language: Logical, Linguistic and Historical-Scientific Aspects of Terminologies]. Moscow, 1970, pp. 3–39. (In Russ.)
28. Ivanova, E.P. *Semantizaciya imeni sushchestvitelnogo vo francuzskih tolkovykh i enciklopedicheskikh slovaryah XVII–XXI vv. (evolyuciya opredelenij naimenovanij gidrometeorov)* [Semantization of Nouns in the Explanatory and Encyclopedic French Dictionaries of the 17th–21st Centuries (Evolution of Nomination Definitions of Hydrometeors)]. St. Petersburg, Izd-vo St.-Peterb. un-ta Publ., 2008. 250 p. (In Russ.)
29. Chepkasova, E.V. *Yazyk nauki kak predmet filosofskogo analiza. Avtoref. ... dis. kand. filos. nauk* [The Language of Science as a Subject of Philosophical Analysis. Abstract of the Disser. Submitted for the Degree of Cand. of Philol. Sciences]. St. Petersburg, 2006. 25 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 4 мая 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 19 июля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.

Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on May 4, 2023

Revised on July 19, 2023

Accepted on August 15, 2023

Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028326-4

Д. С. Мережковский. Какая будет радость [1916]
Публ., вступ. заметка, подг. текста и примеч. Е. А. Андрущенко

© 2023 г. Е. А. Андрущенко

Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
andrushenko2013@gmail.com

Резюме. Публикуется архивная находка — беловая рукопись статьи Д.С. Мережковского. История ее создания реконструируется по письмам Мережковского, Вл.И. Немировича-Данченко и А.А. Стаховича. Поводом для статьи было посещение Мережковскими постановки пьесы “Будет радость” в МХТ в мае 1916 г. Дополнительные аргументы Мережковскому подсказали многочисленные газетные рецензии с упреками в подражании произведениям А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского. Статья писалась для газеты “Русское слово”, но после знакомства с ней Немировича-Данченко, возражавшего против публикации, отложила в архиве режиссера.

Ключевые слова: Мережковский, Вл.И. Немирович-Данченко, Художественный театр, “новое религиозное сознание”, беловая рукопись.

Для цитирования: Андрущенко Е.А. (Публ., вступ. заметка, подг. текста и примеч.) Д.С. Мережковский. Какая будет радость [1916] // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 49–57. DOI: 10.31857/S160578800028326-4

D. S. Merezhkovsky. What Joy Will Come [1916]
Foreword and Comments by Elena A. Andrushchenko

© 2023 Elena A. Andrushchenko

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Leading researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS),
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
andrushenko2013@gmail.com

Abstract. The article presents a find from the archives — a clean copy of D.S. Merezhkovsky's article. Its origins are reconstructed from the letters of Merezhkovsky, V.I. Nemirovich-Danchenko and A.A. Stakhovich. The article was inspired by the Merezhkovskys' visit to the MAT in May 1916, where they attended a performance of the play “Joy will come”. Merezhkovsky drew further points from numerous newspaper reviews, which criticized him for imitating A.P. Chekhov's and F.M. Dostoevsky's works. The article had been initially written for the “Russkoye slovo” newspaper, but once Nemirovich-Danchenko reviewed it and objected to its publication it remained in the director's archive.

Key words: Merezhkovsky, V.I. Nemirovich-Danchenko, Art Theatre, “new religious consciousness”, clean copy.

For citation: Andrushchenko, E. A. D. S. Merezhkovskij. Kakaja budet radost [1916]. Publ., vstup. zametka, podg. teksta i primech. E. A. Andrushchenko [D. S. Merezhkovsky. What Joy Will Come [1916] Foreword and Comments by Elena A. Andrushchenko]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 49–57. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028326-4

**Неизвестная статья Д. С. Мережковского
Е. А. Андрущенко**

Статья “Какая будет радость” никогда не попадала в поле зрения исследователей и представляет огромный интерес в связи с подготовкой в ИМЛИ имени А.М. Горького РАН и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Собрания сочинений Д.С. Мережковского в 20 т. Беловая рукопись статьи отложилась в архиве Вл.И. Немировича-Данченко и отражает позицию Мережковского в полемике с Московским Художественным театром о пьесе “Будет радость”. История создания статьи не документирована и может быть реконструирована по неопубликованным письмам Мережковского и А.А. Стаховича к Немировичу-Данченко.

Мережковский завершил работу над пьесой “Будет радость” весной 1916 г. Ю.К. Герасимов писал, что Мережковский и З.Н. Гиппиус задумывались над созданием “современных проблемных драм для МХТ” [1, с. 273], но «пока Мережковский трудился над пьесами для МХТ (вторая из них — “Романтики” о молодом М. Бакунине), <...> инсценировка “Бесов” и ее оценка самим театром, ее общественно-этический смысл создавали условия, в которых взаимоотношение Мережковского-драматурга с труппой театра, а затем и со зрителями, перерастали из потенциально противоречивых в принципиально конфликтные» [1, с. 273]. По мнению Герасимова, пьеса “Будет радость” вписывается в споры о “преодолении” Достоевского, инспирированные М. Горьким: одна из статей ученого так и называется «Союзники по “преодолению Достоевского”: М. Горький и Д. Мережковский» [2, с. 27–43]. В.В. Полонский рассматривал “Будет радость” в связи с усвоением символистами опыта А.П. Чехова [3, с. 147–162]. Он справедливо отмечал, что «“чеховское присутствие” подспудно дискредитировало монолитную идеологическую конструкцию пьесы Мережковского, невольно ее подточило и отбросило тень на оптимистическую утопию финала» [3, с. 162]. Эта тема, связанная с местом Чехова в творческом мире Мережковского, уже получила глубокое осмысление [4, с. 50–67]; [5, с. 226–271]. Между тем, причинами противоречий между Мережковским и Немировичем-Данченко были не только чеховский “след”, подчеркнутый в постановке, и заимствованный у Достоевского сюжет. Они были обусловлены разницей между замыслом автора и концепцией режиссера-постановщика.

Когда весной 1914 г. Немирович-Данченко прочел текст пьесы “Будет радость”, он, по-видимому, адресовал Мережковскому несколько вопросов,

на которые тот отвечал в письме от 21 июня 1914 г. “Да, все зависит от Кати, и Катя опасна, но не безнадежна. <...> Она могла бы определиться только в своем главном жизненном действии — в *революции*, ибо в этом ее реализм, но мне пришлось из-за цензурных соображений эту реальную Катину сторону затушевать. <...> Намек дан, что Катя и Краснокутский идут (если хотите, возвращаются) в революцию, хотя и не в старую, а в какую-то новую, — под знаком религии. Такие душевные переживания я встречал среди русских революционеров. И вообще, для Кати у меня было два живых образа (один из них — покойная невеста Егора Созонова, убийцы Плёве; ее переписка на революционные и религиозные темы скоро будет опубликована). Вот если эту сторону актриса сумеет подчеркнуть, то Катя реализуется и определится вся”¹. Мережковские были знакомы с М. Прокофьевой, невестой Е. Созонова, а его воспоминания о террористе И. Каляеве из нелегальной публикации Мережковский привел в статье “Балаган и трагедия” (1910). Оправдание террора было важной темой размышлений Мережковских [6]. Глухой намек на подобный генезис образа Кати содержится и в черновом автографе пьесы, где Краснокутский просит Федора относиться к ней бережнее: “Они ведь все такие. Ну да и ведь больная, измучилась, изранилась — в двадцать лет столько пережила — подумать страшно. — Она была у вас в партии? — Да. В партии. Потом бежала, вернулась, попала в тюрьму. Брат почти на глазах ее отравился — всегда носил с собой облатки, аспирин”². До сих пор этот аспект проблематики пьесы “Будет радость” оставался исследователям неизвестным.

Не принял его во внимание и Немирович-Данченко. Он прочел “Будет радость” по-другому. В его изложении акцент сделан на фигуре бывшего народника Краснокутского, который переживает личную трагедию, а в религиозности Кати обретает надежду на возвращение к общественному служению. Немировичем-Данченко концепция постановки была сформулирована так: «Будет радость: когда личные интересы сольются с общественными и будут проникнуты истинной верой в Бога... Иван Сергеевич занимается в уезде земской статистикой, любит свою родину, человек большой правды, хотя и считает себя атеистом. Прежних своих товарищей по идее он покинул, так как он сберегал душу свою, не понимал, что значит “потерять душу — спасти ее”. <...>

¹ Музей МХАТ. Ф. 4. Архив В.И. Немировича-Данченко. Н.-Д.- 4928/2.

² ИРЛИ. № 24212. 3 экз. Л. 17 об.

У Ивана Сергеевича два сына от первого брака из купеческой семьи. Старший, Федор, будущий психиатр, запутался, заблудился в самом себе. <...> Присутствие Кати озаряет светом заблудившуюся душу Федора, пробуждает в ней совесть и мучительную раздвоенность. Происходит катастрофа, обнаруживается его связь с мачехой, он кончает самоубийством, но перед концом просит Катю перекрестить его и, погибая сам, верит в то, что “будет радость”. Катастрофа в личной жизни потрясает и Ивана Сергеевича и возвращает его к прежним товарищам, но он уже обновленный, он уже отказавшийся от личной жизни. И все они такие, как он, уже не одни, а с ними та верующая молодежь, к которой принадлежит Катя»³. Такое прочтение открывало возможности для разработки темы “отцов” и “детей”, а вовсе не оправдания революционного террора.

В начале мая 1916 г. по дороге в Кисловодск Мережковские побывали в Москве и посетили двадцать третье представление пьесы “Будет радость” в Художественном театре. Как писал А.А. Стахович отсутствовавшему тогда Немировичу-Данченко, спектакль произвел на автора и сопровождавших его З.Н. Гиппиус и Д.В. Filosofova огромное впечатление. В антрактах они благодарили артистов, однако ночью их восторг сменился сомнениями в том, можно ли поставить религиозно-философскую пьесу и передать “чудо религии”. На обсуждении постановки Filosofov выступил с резкой критикой театра: «<...> вы (т.е. Театр) понятия не имеете о философии, ровно ничего в ней не понимаете... не знаете молодежи современной... если бы знали, то не так загромировали Берсенева... “Гриша” не дурак, а умница, умнее Старца, видит все его (старца) недостатки, но решается на подвиг для спасения России и т.д. ... вы (театр) философских пьес играть не можете... думаю даже, что никто их не может играть... играйте быт офицеров и артиллеристов... котор<ый> вам объяснил Чехов, разогревал, а вы проглотили, но не трогайте молодежи и высокую философию религии...»⁴. Попытки Мережковского смягчить впечатление от этого выступления успехом не увенчались.

Предлагая Немировичу-Данченко в письме от 17 мая 1916 г. встретиться в Кисловодске, Мережковский сообщил, что планирует написать о постановке “Будет радость” в газету “Русское

слово”⁵. Рукопись он привез с собой и в присутствии Гиппиус и Filosofova прочел статью Немировичу-Данченко. О том, как прошла их встреча, свидетельствует письмо Немировича-Данченко к жене от 20 июля 1916 г. Описывая свое впечатление, он использовал выражение “даже обидела”. Статья получилась, по его мнению, “<...> во 1^х, глубоко несправедливая по отношению к театру (в самых высших моих стремлениях), во 2^х, без знания нашего театра и с какой-то не ему, Мережковскому, принадлежащей подоплекой, неприятным привкусом <...> он сказал, что от меня зависит, печатать ее или нет. Разумеется, нет —”⁶.

Статья “Какая будет радость” очевидно распадается на две неравные части. В первой автор высказывает свое восхищение спектаклем, дает лестную характеристику К.С. Станиславскому, высоко оценивает игру артистов и сценические эффекты. Во второй, адресованной, по существу, Немировичу-Данченко, пишет о концепции постановки, не соответствующей внутренним задачам драматурга. В тексте ошутима попытка Мережковского ответить газетной критике, упрекавшей его в усвоении приемов чеховской драматургии и в использовании сюжета “Братьев Карамазовых”. Отвечая на первый упрек, он подверг театр резкой критике за следование чеховской эстетике, понимаемой как позитивизм, безрелигиозность, равнодушие к освободительному движению. Говоря о своем отношении к Ф.М. Достоевскому, Мережковский утверждал, что не подражает ему, а вместе с жизнью преодолевает его.

Вяч. Иванов в статье “Мимо жизни” (1916) писал об этом намерении Мережковского переосмыслить опыт Достоевского: «Старец, сменивший в пьесе Зосиму, приказывает ученику красть чужие письма, а ученик старца, Гриша, отличный от Алеши уже тем, что не из монастыря уходит в мир, а из мира в монастырь, — жалкий и мрачный идиот. <...> Впрочем, дух Алеши в миру творит свое дело втайне; когда он раскроется, — неложная “будет радость”. А про пугала пьесы скажем: страшен сон, да милостив Бог» [7, с. 5]. Но в творческом сознании Мережковского никаких противоречий не было. После статьи “Меч” (1908), в которой сформулировано его представление о любви, почти дословно повторенное в статье “Какая будет радость”, после “Пророка русской революции (К юбилею Достоевского)” (1906), где писатель

³ Музей МХАТ. Ф. 4. Архив В.И. Немировича-Данченко. Н.-Д.-33.

⁴ Там же. Н.-Д.-5782.

⁵ Там же. Н.-Д.-4930/4.

⁶ Там же. Н.-Д.-2419.

объявлен бессознательным пророком религиозной революции, не сознававшим подлинного смысла своих пророчеств, после статьи “Горький и Достоевский” (1913), где борьба М. Горького с инсценировками романов Достоевского в МХТ объясняется сопротивлением религиозному движению, и после статьи “Суворин и Чехов” (1914), где брошен призыв преодолеть “чеховщину, сувориновщину, обывательщину” [8, с. 2], его претензии к Немировичу-Данченко выглядят обоснованными. Мережковский полагал, что театр оказался глух к его попытке утверждения “нового религиозного сознания” и не стал ставить современную мистерию. Эстетическая безукоризненность постановки только подчеркнула верность законам реалистического театра.

Статья “Какая будет радость”, по существу, завершает чеховскую тему в творчестве Мережковского на неприязненной ноте. Большой путь, который он прошел от личного знакомства и попыток сблизиться, завершившихся расхождением, через осмысление творчества в статьях, написанных после смерти Чехова, закончился досадой на то, что не только не был преодолен “низовой культ” [5, с. 271] Чехова, но его поэтика оказала такое ошутимое влияние на театральную культуру.

Рукопись статьи “Какая будет радость” помещена на правой стороне листов разлинованной тетради. На первом листе стоит заглавие, на последнем — подпись “Д. Мережковский”. Текст написан аккуратным разборчивым почерком, правка незначительна. Все подчеркивания принадлежат Мережковскому и переданы курсивом. Между некоторыми абзацами статьи сделаны отступы, свидетельствующие о переходе автора к изложению следующей мысли. На рукописи сохранились маргиналии Немировича-Данченко, которые в данной публикации не воспроизводятся.

Текст публикуется по рукописи, хранящейся в Музее МХАТ (Ф. 4. Архив В.И. Немировича-Данченко. Н.-Д.-34. 24 л.), с его любезного разрешения.

Пользуюсь возможностью поблагодарить главного хранителя Музея МХАТ Е.А. Конюхова за его помощь в подготовке публикации.

* * *

Д.С. Мережковский. Какая будет радость [1916]

— Ну, что, как? — спросил меня К.С. Станиславский после двадцать третьего, а для меня первого представления “Будет радость”⁷.

⁷ Премьера пьесы “Будет радость” состоялась 3 февраля 1916 г. Мережковские посетили постановку 4 мая 1916 г.

— Постановка выше пьесы, театр выше автора, — ответил я.

— Ложная скромность? — улыбнулся мой собеседник своими детски-простыми — не умными, а мудрыми глазами “доброего гения”⁸.

Но я ответил искренне. Да, театр выше автора, в смысле художественном, — это первое впечатление мое неизменно.

Когда актер плачет на сцене не театральными, “сухими”, а настоящими, “мокрыми” слезами, как плакал Массалитинов⁹ в последнем действии, — это что-нибудь да значит.

Германова¹⁰-Катя в конце второго действия произносит слово “люблю”, самое древнее, затверженное из слов человеческих, так, как оно никогда еще не было и никогда уже не будет произнесено. Лилина¹¹-Татьяна играет с силой, достойной древней трагедии. Умнейшая, тончайшая игра Качалова¹² создает незабываемый образ Федора, героя Достоевского, перерожденный в жизнь.

И второстепенные роли, по мастерству отделки, соперничают с главными: Пелагея послушница (Гиацинтова¹³) и Домна Родионовна (Муратова¹⁴) у автора — бледные тени, а в постановке — живые лица, точно из комедии Островского.

Декорации Добужинского очаровательны, особенно во втором действии. Облака, знойные, грозные, белые, над дремучими липами старого сада — чудо искусства. “Золотой дождь” нельзя видеть без слез умиления¹⁵.

— Каждый раз, как я вижу его, хочется плакать, — признался мне кто-то.

Да, пьеса могла быть лучше написана, но не могла быть лучше сыграна.

⁸ Немировича-Данченко задел этот фрагмент статьи. Он писал жене: «Разумеется, он страшно расхваливает все, так расхваливает, что, пожалуй, можно бы и менее. [Ты бы просто и не разговаривала, потому что в первых строках “Станиславский с мудрыми глазами гения”, а моего имени в помине нет, — но дело для меня, конечно, не в этом]» (Музей МХАТ. Ф. 4. Архив В.И. Немировича-Данченко. Н.-Д.-2419). Квадратная скобка в цитате принадлежит автору.

⁹ Массалитинов Николай Осипович (1880—1961), артист МХТ в 1907—1922 гг., исполнитель роли Ивана Сергеевича Краснотутского.

¹⁰ Германова Мария Николаевна (1884—1940), артистка МХТ в 1902—1919 гг.

¹¹ Лилина Мария Петровна (1866—1943), артистка МХТ с 1898 г.

¹² Качалов Василий Иванович (1875—1948), артист МХТ с 1900 г., исполнитель роли Федора.

¹³ Гиацинтова Софья Владимировна (1895—1982), артистка МХТ в 1910—1924 гг.

¹⁴ Муратова Елена Павловна (1874—1921), артистка МХТ в 1901—1921 гг.

¹⁵ Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957), график, живописец, театральный художник, автор декораций к постановке “Будет радость”. Коль-коль [Н. Эфрос] писал, что «Добужинский написал свои картины, отлично переведенные в декорации, для “тургеневской” пьесы, для тихой и мирной помещицкой деревни, а не для России, революционно бродящей» [9].

Все это — в смысле художественном. Но совпадает ли художественный смысл постановки с жизненным смыслом пьесы? (Ибо всякий автор имеет право надеяться, что в писаниях его есть и жизненный смысл.)

Частный вопрос этот связан с общим: имеет ли искусство для постановки “Будет радость” и для Художественного театра вообще смысл только эстетический, т.е., в последнем счете, только созерцательный, или также действенный, жизненный и отражает ли только искусство или также преобразует, меняет жизнь?

Мы знаем, как на этот вопрос отвечает русская литература, из всех современных литератур наиболее жизненная, действенная, пророческая — не творимая жизнью, а творящая жизнь. Какова литература — таков и театр. Искусство слова есть жизнь в слове, искусство театра — жизнь на сцене. Нет ничего в искусстве, чего нет в жизни, и наоборот. Душа искусства — душа самой жизни. И движения, падения, подъемы этой единой души в обеих сферах едины. Жизнь искусство меняется; но и обратно, искусством меняется, преобразуется жизнь.

Художественный Театр связан с искусством слова, как ни один из театров современных, а может быть, и прошлых (кроме древнегреческого). Величие этого Театра — величие русской литературы; единственная литература — единственный театр. Одна душа у них, одна судьба.

Что же сейчас происходит в этой единой душе?

Недаром белая птица, Чеховская “чайка” реет на занавесе Художественного Театра, как вещий знак. Вещий и верный для прошлого. И для будущего тоже? Расцвет Чехова — расцвет Художественного Театра. Расцвели вместе — вместе увянут? Да, если мера обоих одна, если этот Театр не только от начала, но и до конца — весь Чеховский и только Чеховский.

Что такое Чехов для русской литературы и для русской жизни? “Позитивизм”, но не грубый, плоский, пошлый, торжествующий, а углубленный, изнеженный, облагороженный, опечаленный. Позитивизм — нежелание религии, “некасание к мирам иным”¹⁶. Есть то, что есть — и больше ничего не надо; есть этот мир — и других не надо.

В позитивизме, вопреки его сознательной безрелигиозности, таится религиозная правда бессознательная — *любовь к земле*. Но бессознательная, неполная правда, когда переходит в сознание, становится ложью. Чтобы полюбить землю, разлюбить небо; чтобы утвердить человека, отвергнуть Бога; чтобы исполнить свое назначение во времени, забыть о вечности, — такова религиозная ложь позитивизма. Великая ложь — великая “мировая скорбь” (Weltschmerz)¹⁷. Ибо — человек без Бога, земля без неба, время без вечности — этого душа человеческая не может принять, не может этим утолиться, не унизившись, не опошлившись, не отрекшись от того, что человеку дороже, чем он сам, и

вся земля, и все счастье, на земле возможное. “Через двести-триста лет, какая будет жизнь на земле!”¹⁸ Какая бы жизнь ни была, не будет радости, потому что будет смерть, будет скорбь. Вот почему “благая весть” об этой будущей жизни звучит так безблагодно, безрадостно, как стон умирающего. Стонет “чайка”, белая птица морей, над степью безводною, никуда не летящая — падающая, подстреленная — какой стрелой, она сама не ведает...

В “позитивизме” Чехова воплотилось русское интеллигентское сознание в его пределе художественном. Но именно здесь, в своей безрелигиозности, Чехов противоположен всей великой русской литературе от Лермонтова и Гоголя до Л. Толстого и Достоевского, поскольку отражается в ней русская стихия народная, вся насквозь религиозная, вся в “касаниях к мирам иным”. Соединить землю с небом, человека с Богом, время с вечностью — таков завет русской народной религии по преимуществу.

Два начала — в русской литературе, потому что в самой России — “две души” (по вещему слову Горького¹⁹). И эти две души борются.

Чтобы войти в жизнь, надо войти в борьбу, надо стать на чью-нибудь сторону, надо *сделать выбор*. А быть ни на чьей стороне, не делать выбора — значит уйти от русской жизни, умереть для России.

Какой же выбор делает Художественный Театр? Все ли еще утверждает, или уже преодолевает Чехова? Все ли еще падает подстреленною чайкою, или взлетает новым буреви́стником?

Нам нет возврата к Чехову: между ним и нами — огненная, молниенная грань — 1905 год. Вернуться к Чеховским “Сумеркам”²⁰, к двусмысленному часу “между волком и собакою”²¹ — Михайловским и Сувориным²²; вернуться к Чеховской безрелигиозности и безобщественности (их неразрывная связь никем еще не понята, как следует) — значит вернуться к мертвому прошлому. Горе нам, если “Три сестры”²³ все еще

¹⁸ Соединение цитат из пьесы А.П. Чехова “Три сестры” (Д. I) (1901) [11, с. 163].

¹⁹ Парафраз заглавия статьи М. Горького “Две души” (1915). Горький, однако, противопоставлял “два различных мироощущения, два навыка мысли, две души” Запада и Востока [12, с. 125].

²⁰ Имеется в виду сборник: Антон П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы [13]. Мережковский писал о нем в статье «Старый вопрос по поводу нового таланта (“В сумерках” и “Рассказы” Чехова)» [14, с. 77–99].

²¹ Реминисценция из “Евгения Онегина” А.С. Пушкина (Гл. 4. XLVII) [15, с. 92]. “Пора меж волка и собаки” — Французское выражение (“entre chien et loup”), означающее сумерки.

²² Речь идет о том, что, по мнению Мережковского, творчество Чехова не получило адекватной оценки и находилось между двумя крайностями: статьями Н.К. Михайловского, возражавшего против безыдейности его произведений, и деятельностью А.С. Суворина, всячески поддерживавшего писателя, но так и не понявшего подлинной ценности его творчества.

²³ Премьера пьесы “Три сестры” состоялась в МХТ 31 января 1901 г.

¹⁶ Парафраз выражения “соприкасание мирам иным” из Записной тетради Ф.М. Достоевского за 1880–1881 гг. [10, с. 85].

¹⁷ Понятие, введенное Ж. Полем в романе “Зелина, или Бессмертие души” (1827) для обозначения пессимистического умонастроения; важнейшая тема литературы конца XVIII — первой трети XIX в.

тоскуют и не могут утешиться; если “Вишневый сад”²⁴ все еще облетает и не может облететь; если раненая “Чайка”²⁵ все еще стонет и не может умереть. Горе нам, если выбор не сделан.

Именно этот вопрос о выборе между “двумя душами” России, старою, “позитивною”, и новою, религиозною, ставится в моей пьесе, слабо, глухо, невнятно, но ведь Художественный Театр достаточно чуток, чтобы услышать и самый невнятный вопрос. Почему же не услышал? Кто виноват?

Беру всю вину на себя, а все-таки знаю, что вопрос надо услышать, выбор надо сделать.

Одно из двух: или искусство — религия, или искусство для религии. В первом случае — эстетическая всеядность, безразличность, безответственность. Художник — жрец всех богов, всех бесов. Ни Бога, ни беса; ни добра, ни зла; ни истины, ни лжи — одна “красота” или одна “эстетика”, потому что сама красота в смысле религиозном не безразлична, не безответственна.

Каким же из этих двух искусств хочет быть Художественный Театр? Хочет ли остаться тем, чем был — только “художественным”, эстетическим, созерцательным, творимым жизнью, или хочет сделаться творящим жизнь, действенным, пророческим, как вся русская литература, как одна из двух борющихся душ России — душа религиозная? И здесь опять тот же вопрос о выборе.

Как ни слаба моя пьеса, в ней сделан выбор, а в постановке не сделан. В пьесе сказано “да” и “нет”, а в постановке не сказано. Пьеса борется с Чеховым, а постановка не борется.

Значит, плохо? Нет, хороша, слишком хороша. Как это ни странно, я бы сказал: лучше бы не так хорошо; лучше бы похуже. Великое эстетическое совершенство постановки умаляет и без того уже малую жизненность, действенность пьесы. Если есть у нее жало, то оно притуплено; если есть у нее боевое значение, то оно потеряно. Сохранена и приумножена художественная статика; жизненная динамика утрачена.

Пленительны стройные линии, но еще пленительнее ломать старый строй для нового. Красота божественна, но еще божественнее нарушать красоту ведомую во имя неведомой. Эстетика хорошая вещь, но во всяком творчестве наступает минута, когда не только для жизни, но и для самого искусства, для красоты надо отправить к черту эстетику. Может быть, для моей пьесы это делать не стоило, но я не почувствовал, что для какой бы то ни было пьесы в Художественном Театре это могло быть сделано.

В мое бескровное тело влилась кровь, но не моя, а чужая — как бы кровь мужчины в тело женщины, или взрослого в тело ребенка. У постановки и у пьесы — разные воли, разные “энтелехии”, как сказал бы

Аристотель и Гёте²⁶, разные “сквозные действия”²⁷, как сказал бы Станиславский.

Но в чем же собственно дело, — могут мне возразить, — разве не противоположны Л. Толстой и Достоевский, не только в порядке эстетическом, но и действенном, и разве нельзя играть обоих? Конечно, можно. Но именно для того, чтобы хорошо сыграть, надо понять до конца эту противоположность обоих, надо принять ответственность за кого-нибудь, надо быть с кем-нибудь — надо сделать выбор. Ибо жизнь есть воля, а воля есть выбор. Нет искусства без жизни, без воли, без выбора.

Чтобы показать нагляднее разность воли в постановке и в пьесе, возьму для примера общее место критиков — мое “подражание” Достоевскому.

Думал ли я об Алеше и Иване Карамазовых, когда писал Гришу и Федора? Разумеется, думал. Но не литературно, не эстетически, как это сказало в постановке, а жизненно, действенно.

Нельзя войти в современную русскую жизнь, минуя Достоевского: он для нас уже не литература, а жизнь, куски нашей собственной жизни. Мы все в той или иной мере — действующие лица из Достоевского.

Нельзя подражать себе, но можно изображать себя. Я не подражаю Достоевскому, а изображаю то, что Достоевский сделал с жизнью, или то, что с Достоевским сделала жизнь.

Федор и Гриша, если и соответственны Ивану и Алеше, то искажающим соответствием. У Достоевского Алеша и Иван — правда и ложь; у меня Гриша и Федор — две правды или две лжи. Алеша — со старцем Зосимом, Иван — с Великим Инквизитором. Федор — ни с тем, ни с другим, а Гриша — с обоими, потому что *оба в жизни вместе*. Это чудовищное искажение или исправление Достоевского, но не я, а жизнь так искажила его или так исправила. Жизнь не подражает, а возражает Достоевскому, и я это делаю или пытаюсь сделать вместе с жизнью. И пусть моя попытка — только “покушение с негодными средствами”²⁸, — надо было или совсем отвергнуть пьесу, или принять ее с этим покушением.

А вот еще пример. Если есть вообще в пьесе что-нибудь мое, то это не трагическое действие, не воля, не страсть, а то, что за ними, — метафизика, отвлеченная мысль в страсти, в воле, в действии.

Чем отвлеченнее, тем холоднее, бесстрастнее? Но бывает и наоборот: самое отвлеченное — самое огненное,

²⁶ Источником этого высказывания является примечание Д.В. Аверкиева к “Разговорам Гёте, собранным Эккерманом” (запись от 11 марта 1828 г.): “Энтелехия слово греческое от ἐντέλης, совершенный, и ἔχω, держать, — термин, заимствованный Гёте у Аристотеля. Он означает нечто самостоятельное, довлеющее самому себе, действительно существующее, неразрушимое и вечное. Им Гёте обозначал бессмертную часть нашей нравственной природы” [16, с. 64–65].

²⁷ Под сквозным действием Станиславский подразумевал “то главное действие, для осуществления которого актер выполняет все остальные действия” [17, с. 228].

²⁸ Понятие из уголовного права. Здесь в значении: сделать что-нибудь без необходимых для этого данных.

²⁴ Премьера пьесы “Вишневый сад” в МХТ состоялась 17 января 1904 г.

²⁵ Премьера “Чайки” прошла 17 декабря 1898 г. “Три сестры” и “Вишневый сад” Чехов писал специально для МХТ.

страстное. Ведь, в сущности, всякая трагедия есть не что иное, как сознательная или бессознательная метафизика в воле, в страсти, в действии.

Так — в пьесе, или я хотел бы, чтобы так было; но не так — в постановке. Последовательность планов, внешнего и внутреннего, психологического и метафизического, опрокинута; метафизика заглушена психологией; страстные мысли — страстными чувствами.

Раздвоение воли, “энтелехий” в постановке и в пьесе дает раздвоение действия на зрительный зал. Отдельные актеры поняли, чего я хотел; но этого не понял театр, как целое. И отдельные зрители поняли; но не понял зрительный зал, как целое. Совершается трагическое действие на сцене, но не переливается со сцены в зал. Есть действие, но нет *со-действия* — нет “Хора”. А без Хора нет трагедии. Или точнее: все это есть, но лишь отдельными точками, мигами, прерываниями. Как будто дрожащий, мерцающий, непобеждающий свет. Как будто в самые нужные минуты сцена и зал разъединяются: вдруг зияет между ними провал — и слова через него не доносятся.

Ведь мне самому страшно, я сам знаю, что, может быть, нельзя, кощунственно произносить со сцены эти святые слова о “чуде”, о “тайне”, о “будущей радости”. Если бы и тем, кто их произносит, было так же страшно, то, может быть, они произнесли бы их, как следует.

Но вот никому не страшно, а только смешно, непонятно, удивительно: что это значит — “будет радость”? Какая будет радость?

Мудрено ответить на этот вопрос, так же как на вопрос: что такое белый цвет или прямая линия?

Кто об этом спрашивает, тот никогда не получит ответа. Самая возможность вопроса показывает, как мы скорбны, как еще далеки от радости.

— Вы сами, Катя, грустная, а когда смотришь на вас, то кажется, будет радость... Катя, ведь радость — только от одного?..²⁹

Кто жил, тот любил; кто любил, тот знает, что такое радость. Почему же мы не знаем? Или не хотим знать? Почему слово о радости для нас самое смешное, безумное, непонятное, невозможное из всех человеческих слов?

“Будет радость” — до войны сказано. Теперь язык не повернулся бы это сказать. В дни скорби, может быть, величайшей, какую испытало человечество, нельзя говорить о радости. Война сделала пьесу “несовременною”, но, может быть, не потому, что сказанное в ней слишком поздно, а потому, что слишком рано сказано. Несовременно, потому что преждевременно.

Радость только от одного — от любви. Радость есть любовь. А любовь есть требование вечности: тот

не любит, кто любит на время. Любовь — абсолютное утверждение предмета любви — личности любимого. Но если смерть — абсолютное отрицание, “уничтожение личности”, — то и абсолютное отрицание, уничтожение любви. Любить смертное и значит любить то, чего не будет, чего уже нет и не может быть в вечности. Или нет смерти, или нет любви. А если нет любви, то нет и не будет радости, единой, вечной, истинной, а есть только множество маленьких, мимолетных, условных, которые все кончатся абсолютною скорбью — смертью. Сказать: “будет радость”, значит сказать: будет вечная победа над смертью — вечная жизнь.

Это знание о будущей радости — самое древнее из всех человеческих знаний. Только что человек стал человеком — сознал смерть (а сознание смерти и отделило человека от зверя), как начал надеяться на вечную победу над смертью. Первый проблеск человечности — проблеск этой надежды.

Надежда борется с отчаянием. Много было побед, много поражений в этой борьбе. Но никогда еще не терпело человечество такого поражения, как в наши дни.

XIX век — самый великий, богатый, гордый, счастливый в смысле материальном, в смысле духовном — самый ничтожный, нищий, жалкий, скорбный из всех веков. Люди скорбели и прежде, но все-таки наделись, что будет радость, или все-таки помнили, что радость была. Теперь уже не помнят и не надеются. Примирились, как еще никогда, с абсолютною скорбью — с абсолютною смертью. “Позитивизм” — примирение со смертью как с необходимым средним злом; пессимизм — как с высшим благом.

Мы так скорбны, что уже не чувствуем скорби. Мы все “уснули от печали”³⁰ — и некому сказать, что мы спим; мы все умерли — и некому сказать, что мы уже мертвые. Это даже не скорбь, не смерть, а “истома пуле смерти”. Такое удушье, что кажется, еще немного — и мы все задохлись бы.

Но разразилась война...

Радость — от любви, скорбь — от ненависти. Небывалая скорбь — небывалая ненависть — война небывалая. Вот что значит — человек без Бога, земля без неба, время без вечности. Мы хотели смерти — и получили смерть. Смерть была внутри нас — и смерть вышла наружу. Воля к смерти — воля к убийству. Никогда еще люди так не умирали, так не убивали, как сейчас...

Можно ли в такие дни сказать: будет радость?

Будет радость, значит: есть надежда. А если и надежды нет, то зачем умирать, убивать друг друга, — не лучше ли себя убить? И не прав ли тогда мой Федор, что единственный хороший конец “дурной бесконечности” — самоубийство всеобщее?³¹

Я знаю, что, говоря все это, ничего не говорю, ничего не объясняю. Только напоминаю, что белый цвет не черный, прямая линия не кривая. Я знаю, что слова

³⁰ Реминисценция из Лк. 22:45.

³¹ Имеется в виду диалог Федора и Ивана Сергеевича в пьесе “Будет радость” (Д. 1. Явл. V) [18, с. 20–24]. “Дурная бесконечность” (нем. Schlecht-Unendliche) — философский термин, означающий неограниченный процесс однообразных, однотипных, ничем не разрешающихся изменений.

²⁹ Соединение цитат из реплик Федора в пьесе “Будет радость” (Д. 2. Явл. IV) [18, с. 68, 69].

мои ничтожны, но кто может понять, — поймет и без слов.

Я сказал невпопад слово о радости, как Иванушка-дурачок на свадьбе: “канун да ладан”³². Но Иванушка-дурачок все-таки прав: кончится война, истощится ненависть, утолится скорбь — и будет мир, будет любовь, будет радость.

Может быть, выпрямляя лук, я слишком перегнул его в другую сторону. Может быть, то, что я сказал о разности воль в постановке и в пьесе, преувеличено. Может быть, воли разные — только в сознании, а бессознательно — одинаковые. Может быть, хорошо, что именно здесь, в театре Чеховском, в театре “Чайки” подстреленной, никуда не летающей, падающей, именно в наши дни безумной скорби безумное слово о радости сказано?

Ведь если отдельные актеры уже поняли, то и весь Театр когда-нибудь поймет — поймут и зрители, какая будет радость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимов Ю.К. Союзники по “преодолению Достоевского”: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 2. Д.С. Мережковский // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. Юбилейный сборник. СПб.: Наука, 2001. С. 272–287.
2. Герасимов Ю.К. Союзники по “преодолению Достоевского”: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1. М. Горький // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 15. СПб.: Наука, 2000. С. 27–43.
3. Полонский В.В. Чеховский след в драматургии русских символистов (О “страсти уныния”, “заложниках жизни” и “будущей радости”) // Вопросы литературы. 2007. Ноябрь — декабрь. С. 147–162.
4. Чудаков А.П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана. Чехов и “серебряный век”. М.: Наука, 1996. Вып. V. С. 50–67.
5. Толстая Е. Поэтика раздражения. Чехов в конце 1880-х — начале 1890-х годов. М.: Радикс, 1994. С. 226–271.
6. “Революционное христовство”: Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 447 с.
7. Иванов Вяч. Мимо жизни // Утро России. 1916. № 44. 13 февраля. С. 5.
8. Мережковский Д.С. Суворин и Чехов // Русское слово. 1914. № 17. 22 января (4 февраля). С. 2.
9. Коль-коль [Эфрос Н.Е.]. “Будет радость” в Москве (От нашего корреспондента) // Одесские новости. 1916. № 62. 18 марта.

³² Из русской народной сказки “Набитый дурак”.

10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. 463 с.
11. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 13. М.: Наука, 1978. 527 с.
12. Горький М. Две души // Летопись. 1915. Декабрь. IX. С. 123–134.
13. Чехов А.П. В сумерках. Очерки и рассказы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 278 с.
14. Мережковский Д.С. Старый вопрос по поводу нового таланта (“В сумерках” и “Рассказы” Чехова) // Северный вестник. 1888. № 11. С. 77–99.
15. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1959. 596 с.
16. Разговоры Гёте, собранные Эккерманном (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева): В 2 ч. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1891. Ч. 2. 416 с.
17. Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М.: Искусство, 1954. 424 с.
18. Мережковский Д.С. Будет радость: [Пьеса] [Портр. работы Т.Н. Гиппиус]. Петроград: Огни, 1916. 134 с.

REFERENCES

1. Gerasimov, Yu.K. *Soyuzniki po “preodoleniyu Dostoevskogo”*: M. Gor’kij i D. Merezhkovskij. *Statya 2. D.S. Merezhkovskij* [Allies in “Overcoming Dostoevsky”: M. Gorky and D. Merezhkovsky. Article 2. D.S. Merezhkovsky]. *Dostoevskij: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and research]. Vol. 16. St. Petersburg, Nauka Publ., pp. 272–287. (In Russ.)
2. Gerasimov, Yu.K. *Soyuzniki po “preodoleniyu Dostoevskogo”*: M. Gor’kij i D. Merezhkovskij. *Statya 2. D.S. Merezhkovskij* [Allies in “Overcoming Dostoevsky”: M. Gorky and D. Merezhkovsky. Article 1. M. Gorky]. *Dostoevskij: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and research]. Vol. 15. St. Petersburg, Nauka Publ., pp. 27–43. (In Russ.)
3. Polonskiy, V.V. *Chekhovskij sled v dramaturgii russkikh simvolistov (O “strasti unyniya”, “zalozhnikakh zhizni” i “budushchei radosti”)* [Chekhov’s Trace in the Drama of Russian Symbolists (On the “Passion of Despondency”, “Hostages of Life” and “Coming Joy”)]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2007, November — December, pp. 147–162. (In Russ.)
4. Chudakov, A.P. *Chekhov i Merezhkovskij: dva tipa khudozhestvenno-filosofskogo soznaniya* [Chekhov and Merezhkovsky: Two Types of Artistic and Philosophical Consciousness]. *Chekhoviana. Chekhov i “serebrianyi vek”* [Chekhoviana. Chekhov and the Silver Age]. Moscow, Nauka Publ., 1996, Vol. V, pp. 50–67. (In Russ.)

5. Tolstaya, E. *Poetika razdrazheniia. Chekhov v kontse 1880-kh – nachale 1890-kh godov* [Poetics of Annoyance. Chekhov in the Late 1880s – Early 1890s]. Moscow, Radiks Publ., 1994, pp. 226–271. (In Russ.)
6. “*Revolyutsionnoe khristovstvo*”: *Pisma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu* [“Revolutionary Christhood”: Letters from the Merezhkovskys to Boris Savinkov]. Ed. by E.I. Goncharova. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2009. 447 p. (In Russ.)
7. Ivanov, Viach. *Mimo zhizni* [Beside Life]. *Utro Rossii* [Morning of Russia]. 1916, No. 44, February 13, p. 5. (In Russ.)
8. Merezhkovsky, D.S. *Suvorin i Chekhov* [Suvorin and Chekhov]. *Russkoe slovo* [Russian Word]. 1914, No. 17, January 22 (February 4), p. 2. (In Russ.)
9. Kol-kol [Efros, N.E.]. “*Budet radost*” v Moskve (*Ot nashego korrespondenta*) [“Joy Will Come” in Moscow (From Our Correspondent)]. *Odesskie novosti* [Odessa News]. 1916, No. 62, March 18. (In Russ.)
10. Dostoevsky, F.M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 27* [Complete works: In 30 Vols. Vol. 27]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 463 p. (In Russ.)
11. Chekhov, A.P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 18 t. T. 13* [Complete Works and Letters: In 30 Vols. Works: In 18 Vols. Vol. 13]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 527 p. (In Russ.)
12. Gorky, M. *Dve dushi* [Two Souls]. *Letopis* [Chronicle]. 1915, December IX, pp. 123–134. (In Russ.)
13. Chekhov, A.P. *V sumerkakh. Ocherki i rasskazy* [At dusk. Essays and stories]. St. Petersburg, A.S. Suvorin’s printing house, 1887. 278 p. (In Russ.)
14. Merezhkovsky, D.S. *Staryi vopros po povodu novogo talanta (“V sumerkakh” i “Rasskazy” Chekhova)* [An Old Question Regarding a New Talent (“At Dusk” and “Stories” by Chekhov)]. *Severnyi vestnik* [Northern Bulletin]. 1888, No. 11, pp. 77–99. (In Russ.)
15. Pushkin, A.S. *Sobr. soch.: V 10 t. T. 4* [Collected Works: In 10 Vols. Vol. 4]. Moscow, GIKhL Publ., 1959. 596 p. (In Russ.)
16. *Razgovory s Gete, sobrannye Ekkermannom (Per. s nem. [s predisl.] D.V. Averkieva): V 2 ch.* [Conversations with Goethe, collected by Eckermann (Translated from German [with Preface] by D.V. Averkiev). In 2 Vols]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1891, Vol. 2. 416 p. (In Russ.)
17. Stanislavsky, K.S. *Sobr. soch.: V 8 t. T. 2* [Collected Works: In 8 vols. Vol. 2]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954. 424 p. (In Russ.)
18. Merezhkovsky, D.S. *Budet radost: [Pjesa] [Portr. raboty T.N. Gippius]* [Joy Will Come: [Play] [Portrait by T.N. Gippius]]. Petrograd, Ogni Publ., 1916. 134 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 29 апреля 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 августа 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.
 Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on April 29, 2023
 Revised on August 1, 2023
 Accepted on August 15, 2023
 Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028327-5

Сергей Дурылин о Шекспире в русском театре: к вопросу о модальностях театрально-критического письма в СССР в 1930–1950-е годы

© 2023 г. Д. Н. Жаткин

Доктор филологических наук,
профессор Пензенского государственного технологического университета,
Россия, 440039, Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а / 11
ivb40@yandex.ru

© 2023 г. В. В. Сердечная

Доктор филологических наук,
доцент Кубанского государственного университета,
Россия, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149
rintra@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается деятельность Сергея Дурылина в 1930–1950-е годы как театрального критика и театроведа (в частности, пишущего о Шекспире в отечественном театре), трактуемая как маргинальная ипостась творчества этого разностороннего автора. Методологической основой для исследования его публикаций и неопубликованных архивных документов является метод контекстно-герменевтического подхода, примененный Е.А. Коршуновой к творчеству Дурылина-писателя. Одной из важных областей его работы после двух ссылок стало театроведение и театральная критика. Исторические исследования Дурылина о Шекспире на русской сцене так и не были опубликованы (за исключением актерских биографий, где затрагивались шекспировские роли), однако его газетные тексты публиковались довольно активно. В радикальной раннесоветской риторике он разрабатывает важнейшие положения актуальной для его времени трактовки Шекспира: противопоставление “активного” советского и упаднического, “пассивного” дореволюционного истолкований шекспировских пьес; демократизм “лучших” образцов дореволюционного Шекспира и советских трактовок ролей; верное понимание Шекспира исключительно в советском театре. Выработанная Дурылиным риторическая маска театроведа вульгарно-социологического толка стала его личным способом проведения в печать важных для него идей и тематики: освещения истории Шекспира на русской и советской сцене.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 22-18-00027 “Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)”.

Ключевые слова: Сергей Дурылин, театроведение, русский Шекспир, шекспиризм, советская пресса, 1930-е годы.

Для цитирования: Жаткин Д.Н., Сердечная В.В. Сергей Дурылин о Шекспире в русском театре: к вопросу о модальностях театрально-критического письма в СССР в 1930–1950-е годы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 58–67. DOI: 10.31857/S160578800028327-5

Sergey Durylin on Shakespeare in the Russian Theatre: On the Question of the Modalities of Theater Critical Writing in the USSR in the 1930s–1950s

© 2023 Dmitry N. Zhatkin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Penza State Technological University,
1a / 11 Baydukov Pass. / Gagarin Str., Penza, 440039, Russia
ivb40@yandex.ru

© 2023 Vera V. Serdechnaya

Doct. Sci. (Philol.),
Assistant Professor of the Kuban State University,
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russia
rintra@yandex.ru

Abstract. The article examines Sergei Durylin's writings in the 1930s–1950s as a theater critic (in particular, writing about Shakespeare in the Russian theater), interpreted as a marginal hypostasis of this author's work. The methodological basis for the study is the method of context-hermeneutic approach applied by E.A. Korshunova to the work of Durylin the writer. Theater criticism became one of the main areas of Sergei Durylin's work after his two exiles. Durylin's historical research on Shakespeare on the Russian stage was never published (with the exception of actor's biographies, where Shakespeare's roles were touched upon), but his newspaper texts were published quite actively. In radical early Soviet rhetoric, he develops the most important provisions of the contemporary interpretation of Shakespeare: the opposition of the 'active' Soviet and decadent, 'passive' pre-revolutionary interpretations of Shakespeare's plays; democratism of the 'best' examples of pre-revolutionary Shakespeare and Soviet interpretations of roles; correct understanding of Shakespeare exclusively in the Soviet theater. The rhetorical mask of a theater critic of a vulgar sociological nature developed by Durylin became his personal way of putting into print important ideas and topics: covering the history of Shakespeare on the Russian and Soviet stage.

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00027.

Key words: Sergey Durylin, theater studies, Russian Shakespeare, Shakespeareanism, Soviet press, 1930s.

For citation: Zhatkin, D.N., Serdechnaya, V.V. *Sergey Durylin o Shekspire v russkom teatre: k voprosu o modalnostyakh teatralno-kriticheskogo pisma v SSSR v 1930–1950-e gody* [Sergey Durylin on Shakespeare in the Russian Theatre: On the Question of the Modalities of Theater Critical Writing in the USSR in the 1930s–1950s]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 58–67. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028327-5

Сергей Николаевич Дурылин, разносторонне одаренный писатель и мыслитель, известный уже в Серебряном веке и сумевший вернуть себе имя после двух ссылок, воплощает собой важное направление трагического поворота судьбы, который прошла раннесоветская интеллигенция — с его компромиссами, поиском нового смысла жизни, а также и нового языка для того художественного и аналитического высказывания, которое могло быть создано, могло прозвучать и быть опубликованным в 1930–1950-е годы.

Наследие Дурылина, во многом оставшееся в архивных документах, сегодня вводится в научный оборот и подвергается аналитическому осмыслению в академической печати: анализируются его проза (в частности, “потаенная”, то

есть написанная в советское время без надежды на публикацию), его философские, литературоведческие и педагогические работы — как дореволюционные, так и, в меньшей степени, советского периода.

Вместе с тем, остается малоисследованной его работа как исследователя театра и, в частности, важнейшая в его театроведческом творчестве тема: Шекспир на русской сцене. Дурылин начинает публикации по этой теме в 1930-е годы, осмысливая и описывая и когда-то просмотренный дореволюционный материал; однако удается издать далеко не все. Как справедливо отмечает Е.А. Коршунова, “его критическое театроведческое советское наследие также нуждается в современной оценке” [1, с. 11].

Шекспировская тема освещается им не только в газетных и журнальных статьях, но и составляется значительную часть отдельно изданных актерских портретов. Приведем в пример книги об Айре Олридже [2], М.Н. Радине [3], В.И. Качалове [4], Н.К. Яковлеве [5], П.М. Садовском [6], две книги о М.Н. Ермоловой [6]; [8]. Часть его шекспироведческих трудов публикуется только в последние годы [9]; [10] и др., многое все еще остается в архивах.

Обращение священника, человека глубоко религиозного и мучительно размышляющего о пути советской России, к искусству (в частности, театральному) — далеко не случайно. Именно в искусстве, как пишет он еще в 1913 году, виден отдаленный, но обнадеживающий свет святой истины: «Искусство — радуга над силоамскими водами религии: исцеление наше там, еще издали только видим мы исцеляющие воды, еще не вошли в них, не омылись ими, — но уже видим восходящую радугу над ними, видим — и надеемся» [11, с. 62–63]. Контекст этого размышления необходимо помнить, когда мы имеем дело с советскими публикациями Дурылина-театроведа, вынужденно использовавшего принципиально иные, иначе детерминированные, чем ранее, модусы письма.

Нам видится продуктивным тот подход к исследованию наследия Дурылина в 1930–1950-е годы, который предлагает Е.А. Коршунова в применении к его литературному творчеству: «...необходимо <...> применить такую оптику, которая позволит рассмотреть в процессе формирования картины мира писателя, поэтики его творчества взаимовлияние дурылинских “структур повседневности” — “серебряного века” (раннее творчество) и модернизма (художественные особенности “потанной прозы”) на фоне литературного творчества советского периода» [1, с. 9]. Подобный метод контекстно-герменевтического подхода на пересечении различных влияний, примененный исследовательницей к творчеству Дурылина-писателя, мы считаем возможным использовать и при осмыслении его работ о русском Шекспире.

Комплексный метод нашего исследования предполагает также текстологическое изучение и стилистико-идеологический анализ как опубликованных, так и архивных документов, составляющих наследие Дурылина как исследователя театра. Обращение к театроведческому и шекспироведческому наследию Дурылина обеспечивает междисциплинарный подход к рассмотрению материала.

Е.А. Коршунова предлагает взгляд на ипостась Дурылина как театроведа и критика как на вариант безопасной социальной “маски” для писателя, философа, священника с непростой биографией

и грузом “бывшей” жизни и репутации. Она отмечает: «...будучи с 1933 г. театральным критиком, он продолжал тайно служить как священник, писать свою “потанную прозу” в своем собственном доме в Болшеве после 1938 г.» [1, с. 44]. Понимание этого контекста, на наш взгляд, весьма важно в оценке театроведческих и критических работ Дурылина. Мыслителю и писателю приходилось все время существовать в пространстве неоконченного, пограничного, не-целостного: и как прозаику, и как исследователю, и как искателю духовных истин.

Как отмечает Е.А. Коршунова, “избрание роли театрального критика в советское время — это ... проявление маргинальной позиции” [1, с. 12]; в то же время, в этой его ипостаси отражается богатство других проявлений его личности. Символом своего рода изгнанничества, маргинальной позиции становятся и псевдонимы Дурылина, которые он берет в том числе в публикациях на шекспировские темы: “Книжник” (см.: [12]; [13]; [14]) и “Д. Николаев” [15].

К характеристике шекспироведческих трудов Дурылина подходят такие названные С. Буниной черты творчества писателей “маргинального сознания”, как незаконченность, фрагментарность, вариативность, неканоничность (отсутствие белой редакции) [16, с. 385–386]. В частности, в концепцию маргинального, неокончательного письма (то есть письма в традиции В. Розанова, М. Кузмина, М. Волошина) вписываются его работы, посвященные судьбе русских сценических воплощений Отелло и Гамлета, которые он бесконечно варьирует, публикуя отрывками. Вновь и вновь дописывая различные версии истории русского Отелло и Гамлета, он словно создает “открытый текст” по У. Эко — то есть такой текст, который завершается только в читательской рецепции.

Творчество Дурылина как литературоведа проходит этап осмысления в современной научной прессе: в частности, исследуется его подход к Лескову [17]; [18], к Островскому [19], к Горькому [20], к Вяземскому [21], к Брюсову [22]. Особенно полно раскрыто понимание Дурылиным Лермонтова: “Тема всей жизни Дурылина — Лермонтов” [23, с. 40]; см.: [24] и др. Однако о Шекспире в жизни и творчестве Дурылина исследователи практически не упоминают — в том числе потому, что он, долгие десятилетия занимаясь Шекспиром, писал о нем прежде всего не как литературовед, а как театровед.

Дурылин в дневниках вспоминает о том, что Шекспир — скорее вначале в визуальной, а не в литературной своей ипостаси — произвел на него впечатление еще в детстве: «В Настинной

комнате <...> для меня была одна замечательность: альбом гравюр на дереве к Шекспиру. <...> Тут впервые познакомился я с образами Шекспира. Как сейчас помню, какое сильное впечатление произвела на меня сцена отравления спящего короля в “Гамлете”, три ведьмы “Макбета” и король Лир в короне, безумствующий в бурю. Это был мой первый восторг-ужас перед Шекспиром, а был я тогда неграмотен и мал» [25, с. 98].

Дурылин далее неоднократно вспоминает Шекспира в разных своих работах. Так, в предисловии к изданию о Гоголе-патриоте он пишет, что сцена убийства Андрия Тарасом написана “с шекспировской силою” [26, с. 5], а в работе о Вагнере опровергает антишекспировские высказывания Толстого: “во имя искусства народного и религиозного косноязычно и упрощенно отвергал Л. Толстой Шекспира и с ним все искусство наших дней” [11, с. 62]. Размышляя о превратностях литературной истории, он пишет о том, как Шекспир был долго недооценен, а затем внезапно прочитан и переосмыслен: «Даже наш сиволдай Сумароков “чистил” и “умывал” Шекспира и коснеющим языком *поправлял* “Гамлета”, исправляя “штиль” и истребляя “грубости”» [25, с. 294; курсив автора].

Однако интересно отметить, что, впервые впечатлив ребенка как *визуальный* артист, Шекспир и далее оставался для Дурылина, очевидно, явлением прежде всего театра, а не литературы. Так, он пишет в неотправленном письме А.И. Сумбатову-Южину о Шекспире (а также о Мольере и Шиллере): “Не Н. Полевой, не Кронеберг и Жуковский были их переводчиками для России, а Мочалов, Щепкин, Ермолова” [27, с. 115], — то есть эти авторы важны для нас, прежде всего, как драматурги, писатели для театра, и пришли в русскую культуру и повлияли на нее именно в этом качестве.

Дурылин вообще активно интересовался театральной стороной литературных биографий: о многих важных для него авторах он писал с театральной точки зрения. Так, в частности, были опубликованы его статьи о Гоголе и театре [28]; [29], о Горьком на сцене [30], о театре Салтыкова-Щедрина [31], о Толстом и театре [32]; [33], о Лермонтове и традициях романтического театра [34], об Островском в Малом театре [35] и так далее; а цикл статей о Пушкине в театре затем составил основу монографии [36].

Публикации Дурылина на шекспировскую тему являются интересным материалом для исследования поиска “нового языка” говорения о Шекспире — то время, когда о возможности и облике “советского Шекспира” спорили на всех фронтах: переводческом, идеологическом, театральном.

Внедрение Шекспира в канон советского чтения стало частью культурной повестки 1930-х годов, когда он стал одним из образцов реализма, и далее — социалистического реализма. Так, марксисты-литературоведы Ф. Шиллер и Г. Лукач выводят из фразы Маркса идею о Шекспире-реалисте: «“шиллеровщине” Маркс и Энгельс противопоставляют реалистическое изображение исторической борьбы широких народных масс как борьбы классов так, как она действительно происходила» [37, с. 174]. И. Нусинов пишет в статье “Проблемы мировоззрения и метода” в 1934 г., что литература СССР поднимется “на шекспировские и толстовские высоты”, став “могучим фактором побед социализма” (цит. по: [38, с. 155]). А. Фадеев и П. Юдин отмечают в “Правде”, в статье “Социалистический реализм — основной метод советской литературы”: “Шекспир, Гёте, Бальзак, Пушкин, Свифт, Данте, Толстой, в наше время Горький потому так высоко стоят над общим уровнем литературы, что их искусство — искусство большого исторического синтеза” [39, с. 2].

Литературоведение советского периода (как и нарождавшееся театроведение) отличалось характерной для советской науки оценкой себя как финального этапа развития наук, верного и методологически точного; для утверждения этой концепции была необходима критическая переоценка более ранних концепций и методологий.

Рассмотрим публикации Дурылина на шекспировскую тему в этом аспекте обоснования социалистического взгляда на театр. Так, под псевдонимом “Книжник” Дурылин пишет о повести Тика “Жизнь поэта”, замечая, что хотя Тик и пытается прорваться сквозь “туманную дымку” и “дать конкретного Шекспира в исторической обстановке”, но “отступает от истины ради новеллистического сюжета” [12, с. 14]. Вряд ли, будучи опытным читателем, Дурылин не понимает, что странно судить повесть по законам исторической подлинности; и его заключение в контексте горьковской дихотомии романтизма выглядит сугубой данью времени и идеологии: «Людвиг Тик, как и вся его школа, нарочито подгонял действительность и историю под желаемое и “идеальное” — и в этом ахиллесова пята идеалистического романтизма» [12, с. 14]. Личным же, авторским содержанием статьи выглядит вывод о том, что, несмотря на идеологическую слабость, именно немецкие романтики Тик и Шлегели стали теми, кто переломил мнение о Шекспире и распространил его влияние и во Францию, и в Россию.

Еще не совсем “канонизированный” Шекспир и малопопулярный в 1930-х годах “Гамлет”

в какой-то мере требуют в этот период идеологического оправдания. В неопубликованной при жизни монографии Дурылин отмечает: «В 1924—1927 годах часто повторялась чья-то фраза: “Гамлет во 2-ом МХАТе — *последний* Гамлет в советской стране»» [9, с. 414]. Причиной непопулярности этой трагедии стала главным образом мощная дореволюционная традиция театральная трактовки роли Гамлета, негативно оцениваемая с позиций социалистического искусства.

В статье о постановке Ивановского драмтеатра — первой постановке этой пьесы за несколько лет — Дурылин стремится обелить героя, противопоставляя два образа Гамлета, имплицитно обращаясь к горьковскому разделению романтизма на “активный” и “пассивный”. Он оправдывает шекспировского героя с помощью апелляции к именам передовых, революционных деятелей: «Белинский и Герцен искали в “Гамлете” исход своему собственному “миллиону терзаний” от давящей пустоты и жесточи жандармско-крепостной России» [40, с. 3]. Дурылин часто варьирует собственные фразы в других публикациях, создавая некий гипертекст различных форм одной и той же идеи. Так, в статье того же года о Шекспире в Малом театре он пишет: “В Гамлете Мочалова, страстно волновавшем Белинского и Герцена, находила исход мысль и тоска целого поколения передовой дворянской и разночинной интеллигенции, томившейся в бездействии николаевского казарменного режима” [41, с. 8].

Этому демократическому Гамлету-борцу противостоит “неправильный”, упадочный Гамлет дореволюционной театральной традиции: «Такого Гамлета, отца российских унывателей, на все призывы к жизни и борьбе махавших словами “Слова, слова, слова!” — такого Гамлета последние трагики дорычали, довыли до Октябрьской революции» [40, с. 3]. Отказавшись от Гамлета-пессимиста, советский театр возрождает Гамлета-бойца: «...зритель соучаствует не в безволии и унынии “принца датского”, а в борьбе. <...> Новый зритель зачеркнул элегическую редакцию “Гамлета”, бытовавшую сто лет, и создал свою, где подвиг борьбы тем ярче и сильнее, что он осуществляется актом воли, окрепшей в мыслительных борениях, исключительных по силе и глубине. <...> Революция оказывается великолепным комментатором Шекспира, лучшим его режиссером» [40, с. 3]. Роль революции оказывается почти мистической: она переворачивает и социальную реальность, и эстетическую.

Трудно отделаться от мысли о скрытой иронии автора или серьезной предпечатной редакции

текста при чтении следующих фраз: «“Принц датский” впервые за свое с лишком трехсотлетнее существование удостоился в Иванове высокой чести: он участвовал в майском шествии торжествующего пролетариата»; а прозвучавшие во время демонстрации аплодисменты «усыновляли мятежного “принца датского” великому и единому наследнику мировой культуры — пролетариату-победителю» [40, с. 3]. Буквально через четыре года, в широко празднуемый шекспировский юбилей, тезис Дурылина об “усыновленном Гамлете” будет воспроизведен в более глобальном масштабе. Режиссер С. Радлов напишет: “Мы решаемся утверждать, что Шекспир завоеван Советским Союзом”¹, а шекспировед М. Морозов — “наша страна стала родиной Шекспира” (цит. по: [42, с. 343]).

Идея культурной апроприации Шекспира и единственно правильной трактовки его произведений советской культурой крайне актуальна для того времени; при этом “советский” Шекспир противопоставляется как дореволюционному, так и зарубежному. Так, Д. Мирский пишет в 1935 г. о том, что в современной Англии Шекспир используется в идеологических целях: “Самая умелая и опытная из всех буржуазий, английская буржуазия мобилизовала и Шекспира на дело одурманивания и приручения рабочего класса” [43, с. 279], в то время как советский театр “обогащает и дополняет гуманистические образы Шекспира тем пониманием их, которое не было доступно Шекспиру, но доступно нам с вышки марксистско-ленинского понимания истории и классиков” [Там же, с. 283].

Означенное противопоставление “прогрессивного” Шекспира “пассивному” относится не только к Гамлету. Дурылин прослеживает эти тенденции в истории всего русского Шекспира: “С помощью Мочаловых и Ермоловой прогрессивный зритель дореволюционной эпохи воспринимал у Шекспира трагедию воли, повесть о героической борьбе, призыв к жизни” [44, с. 3].

В эту постоянную борьбу он включает и вовсе, казалось бы, непричастных актеров, таких как чернокожий трагик Айра Олдридж, сыгравший несколько раз Отелло в Малом театре: как отмечает Дурылин, «...за Олдриджа стоял “Современник” Некрасова и Чернышевского, против него выступали представители дворянской реакции, но великий актер одержал блистательную победу» [44, с. 3]. Таким образом, в духе актуальной

¹ Вырезки из газет, издающихся в Московской области. Материалы к 375-летию со дня рождения Шекспира Вильяма. Статьи и заметки разных авторов. 1939 // РГАЛИ. Ф. 631 (Союз советских писателей). Оп. 11. Ед. хр. 631. Л. 66.

советской культурологической риторики Шекспир и причастные ему персонажи, а также актеры становятся в текстах Дурюлина бойцами по одну из сторон культурного фронта.

Если для оправдания трагедий Дурюлин-критик привлекал аргументы борьбы: упаднический Гамлет против Гамлета-борца, то для оправдания комедий достаточно указания на их принципиальный демократизм: говоря об истории Малого театра XIX века, автор замечает: “Новый зритель — демократ, пришедший в театр с падением крепостного права, с ростом мелкобуржуазной интеллигенции, зритель-шестидесятник потянулся к здоровому, полнокровному реализму шекспировских комедий” [41, с. 9].

Подобным образом новый Отелло в исполнении А. Остужева становится по-настоящему близким советскому зрителю, ведь “только советский актер, только в нашей стране так глубоко понимает и чувствует страдания всех поработанных и оскорбляемых народов” [13, с. 15]. Отелло оказывается “своим” по принципу демократизма, не-аристократического происхождения.

Наиболее радикальное высказывание среди известных нам театроведческих публикаций Дурюлина — напечатанный конспект его доклада на научно-творческой сессии, посвященной 30-летию советского театра, о советском актере. Здесь высказано несколько важнейших тезисов.

1. Расширение функционала артиста. Советский актер — не только деятель искусства, но и государственный деятель: “Его творения приобретают не только художественную ценность, но и ценность общественную, активно воздействуя на жизнь” [45, с. 3]. Задачи актера, таким образом, расширяются от эстетических до дидактических, в том числе — задач создания нового советского человека: “У советского актера это просветительство превратилось в прямое участие в строительстве новой жизни, в героической борьбе за новое человечество” [45, с. 3].

2. Расширение аудитории театра. Аудитория советского актера, демократизируясь, расширяется до всего, уже бесклассового, общества (в отличие от дореволюционной и зарубежной узкой театральной аудитории): советский актер “играет для аудитории, которая равна количеству населения нашей гигантской страны, он проникает во все самые отдаленные области, всюду неся новые мысли, новые чувства строителей коммунистического общества” [45, с. 3].

3. Изменение принципов театральной игры, вплоть до полного “реализма”. Советские актеры —

носители “советской социальной темы”, что “насыщает их образы большей жизненностью”. Отказываясь от “приманок внешней театральности”, советский актер “ищет правды, — и не убогой, не половинчатой правденки, не мелких наблюдений, не случайных замечок, — он ищет настоящей правды человеческого бытия” [45, с. 3]. Данный тезис, как и концепция социалистического реализма, стремится максимально приблизить искусство к реальности, парадоксально утвердить правдоподобие на месте игры, являющейся принципиальной основой театра как вида искусства.

Другие публикации театроведческого содержания развивают разные направления концептуального осмысления советского театра как передового. Так, в монографии об Олдридже Дурюлин отмечает, что, в отличие от этого чернокожего артиста, современные советские народности могут играть на своем языке: “Нашим актерам национальных театров нет нужды, как Олдриджу, бежать за границу, чтобы играть... все-таки на чужом языке. Они свободно строят собственные национальные театры, как и свою национальную культуру” [2, с. 177]. Как и Шекспир, Олдридж тут становится соратником советского человека: “Если бы он жил теперь, он был бы с нами в нашей борьбе за новый мировой театр свободного человечества” [2, с. 177].

Лишь в редких опубликованных работах этого времени у Дурюлина можно увидеть приметы не публицистического стиля, а преимущественно историко-описательного. Такова, например, статья о шекспировских ролях Ермоловой, где явно лишь одно открыто актуализирующее высказывание: «Если бы эту негодующую реплику Ермоловой мог слышать современный зритель, он сказал бы: “Как умеет эта трагическая артистка, передавая муку оскорбляемой королевы, срывать кристальную личину с этих князей церкви, обнажая их циническое бесстыдство!”» [46, с. 128].

Большей частью историко-академического стиля он придерживается и в монографии о Ермоловой, за которую получает премию Академии наук СССР. Однако и здесь он порой вынужден вставлять абзацы типа: “Советская эпоха дала Малому театру подлинно народного зрителя, вызвала к новой жизни его лучшие силы, воскресила лучшие заветы таких основоположников его искусства, как Щепкин и Мочалов, П. Садовский и Ермолова” [8, с. 502]. Для обоснования эволюционной связи дореволюционного и советского театра автор пользуется показательной метафорой воскрешения мертвых.

Сдержанный стиль историка театра — характерная черта двух уникальных исследований

Дурылина, оставшихся в архивах неопубликованными вплоть до последнего времени: «Гамлет» на русской сцене» [9] и «Отелло» в Малом театре» [10]. Очевидно, их академичный стиль и интерес автора к истории дореволюционного театра не отвечали задачам своего времени.

Исследовательский, обобщающий тон исследователей из «бывших», дореволюционной интеллигенции, не подходил для печати в 1930-е годы. При публикации исследований «старых интеллигентов» цензоры часто стремятся ограничить их материал фактографией. Приведем показательные реплики И. Анисимова в отношении статей авторов из «бывших», рассматриваемых для публикаций в «Литературном наследстве»: «Статья вообще скверная. <...> Вообще же, дать автору указание — ограничиться информацией, на большее он не годится» (о статье В. Дынник); «...надо воздержаться от «обобщений» <...> Я бы просто сократил их, автор не справится с переделкой — дать ему установку на «информационность» (что поделаешь, это лучше его «обобщений»). <...> Эйхенгольц дает мешанскую, антиленинскую трактовку» (об обзоре М. Эйхенгольца; цит. по: [48, с. 367]). Эта ориентация на «информационность», по всей видимости, была связана со стремлением избежать проявления авторской позиции в освещении поднимаемых тем.

Многие работы Дурылина как исследователя так и не были приняты к печати, очевидно, по сходным причинам: в обобщениях теоретиков-исследователей из «бывших» новые цензоры видели, или боялись увидеть, идеологически враждебные трактовки. Выработанная Дурылиным риторическая маска театроведа вульгарно-социологического толка стала его личным способом проведения в печать важных для него идей и тематики: освещения истории Шекспира на русской и советской сцене.

Одной из важных областей работы Сергея Дурылина после двух его ссылок, начиная с середины 1930-х годов, стало театроведение и театральная критика, как историко-исследовательского толка, так и публицистического. Если исторические, глубокие исследования Дурылина о Шекспире на русской сцене так и не были опубликованы (за исключением актерских биографий, где затрагивались шекспировские роли), то его газетные тексты публиковались довольно активно. В довольно радикальной раннесоветской риторике он разрабатывает важнейшие положения актуальной для того времени трактовки Шекспира: противопоставление «активного» советского и упаднического, «пассивного» дореволюционного

истолкований шекспировских пьес; демократизм «лучших» образцов дореволюционного Шекспира и советских трактовок ролей; верное понимание Шекспира исключительно в советском театре.

Дихотомическое разделение русского театрального Шекспира на «активного» и «пассивного», в духе горьковской трактовки романтизма, несомненно, было грубой схемой, далекой от какого-либо историзма и чуждой той глубине, что присуща Дурылину как мыслителю. Однако эта риторическая маска театроведа вульгарно-социологического толка, будучи своего рода маргинальным воплощением его разнообразных исканий, была выбрана как метод исследования важных для него идей (в частности, об актуальности «Гамлета», о роли немецкого романтизма в распространении Шекспира) и тем, таких как трактовка шекспировских ролей в работах досоветских и советских актеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коришунуова Е.А.* Вариации русского модернизма: С.Н. Дурылин. М.—Берлин: DirectMedia, 2021. 388 с.
2. *Дурылин С.Н.* Айра Олдридж. М.; Л.: Искусство, 1940. 192 с.
3. *Дурылин С.Н.* М.Н. Радин: Монография. М.; Л.: Искусство, 1941. 200 с.
4. *Дурылин С.Н.* Василий Иванович Качалов. М.; Л.: Искусство, 1944. 60 с.
5. *Дурылин С.Н.* Николай Капитонович Яковлев. М.; Л.: Искусство, 1949. 100 с.
6. *Дурылин С.Н.* Пров Михайлович Садовский. Жизнь и творчество. 1874—1947. М.: Искусство, 1950. 340 с.
7. *Дурылин С.Н.* М.Н. Ермолова (1853—1928). М.; Л.: Искусство, 1943. 34 с.
8. *Дурылин С.Н.* Мария Николаевна Ермолова. 1852—1928. Очерк жизни и творчества. М.: АН СССР, 1953. 652 с.
9. *Дурылин С.Н.* «Гамлет» на русской сцене / Вступ. статья, подг. текста и прим. Д.Н. Жаткина, А.А. Рябовой и В.В. Сердечной // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XVII: сборник научных трудов / отв. ред. Д.Н. Жаткин. М.: Флинта, 2022. С. 324—432.
10. *Дурылин С.Н.* «Отелло» Шекспира в Малом театре / Вступ. статья, подг. текста и прим. Д.Н. Жаткина, А.А. Рябовой и В.В. Сердечной // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XVII: сборник научных трудов / отв. ред. Д.Н. Жаткин. М.: Флинта, 2022. С. 433—490.

11. Дурылин С.Н. Рихард Вагнер и Россия // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. II. Тексты. Библиография. М.: Регнум, 2011. С. 9–63.
12. Книжник <Дурылин С.Н.>. Новелла из жизни Шекспира // Театральная декада. 1936. № 1. С. 14.
13. Книжник <Дурылин С.Н.>. Остужев — Отелло // Декада московских зрелищ. 1939. № 3. С. 15.
14. Книжник <Дурылин С.Н.>. О “Гамлете” Шекспира в постановке Радлова // Театральная неделя. 1941. № 19. С. 25.
15. Николаев Д. <Дурылин С.Н.>. А. А. Остужев // Театральная декада. 1935. № 34. С. 4–5.
16. Бунина С.Н. Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века. М.: Изд-во РУДН, 2005. 439 с.
17. Мотеюнайте И.В. С.Н. Дурылин о “Шерамуре” Н.С. Лескова // Литературный факт. 2018. № 10. С. 307–320.
18. Непомнящих Н.А. Фигура Лескова в рефлексии Дурылина: “писатель-воспоминатель” // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 1. С. 104–116.
19. Егоров О.Г. Творчество А.Н. Островского в оценке С.Н. Дурылина // Щелыковские чтения — 2013: Актуальные вопросы изучения жизни и творчества А.Н. Островского. Кострома, 2014. С. 63–78.
20. Коршунова Е.А. С.Н. Дурылин о М. Горьком // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 5. С. 86–96.
21. Панов С.И. Неизданная статья С.Н. Дурылина о стихотворении П.А. Вяземского “Орфографическое замечание” // Литературный факт. 2018. № 10. С. 321–354.
22. Мотеюнайте И.В. С.Н. Дурылин о Валерии Брюсове // Литературный факт. 2020. № 4 (8). С. 341–354.
23. Жулькова К.А. “Со своим ключом”: Сергей Николаевич Дурылин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2016. № 4. С. 34–49.
24. Телегина С.М. С.Н. Дурылин — исследователь творчества М.Ю. Лермонтова // Христианское чтение. 2014. № 5. С. 170–199.
25. Дурылин С.Н. В своем углу: Из старых тетрадей. М.: Московский рабочий, 1991. 336 с.
26. Дурылин С.Н. Гоголь и Родина // Гоголь Н.В. Избранное. М.: ГИХЛ, 1943. С. 3–14.
27. Дурылин С.Н. В своем углу / Сост. и прим. В.Н. Топоровой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
28. Дурылин С.Н. Гоголь-актер // Театр и драматургия. 1934. № 5. С. 52–59.
29. Дурылин С.Н. Гоголь и театр // Восточно-сибирская правда. 1952. № 52. С. 3.
30. Дурылин С.Н. Горький на сцене // Горький и театр. М.—Л., 1938. С. 229–301.
31. Дурылин С.Н. Театр Салтыкова-Щедрина // Искусство и жизнь. 1939. № 5. С. 24–27.
32. Дурылин С.Н. Лев Толстой и Художественный театр // Горьковец. 1940. 5 декабря. С. 3.
33. Дурылин С.Н. Лев Толстой и актёры // Советское искусство. 1940. № 59 (17 ноября). С. 2.
34. Дурылин С.Н. Лермонтов и романтический театр // Лермонтов М.Ю. Маскарад: Сб. ст. М.—Л.: Изд. ВТО, 1941. С. 15–42.
35. Дурылин С.Н. 80 лет на сцене // А.Н. Островский. “На всякого мудреца довольно простоты” на сцене Малого театра. М.—Л.: Искусство, 1948. С. 5–35.
36. Дурылин С.Н. Пушкин на сцене. М.: АН СССР, 1951. 288 с.
37. Маркс и Энгельс о литературе. Новые материалы / ред. Ф. Шиллер, Г. Лукач. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 214 с.
38. Юшин П.Ф. Русская советская литературная критика (1917–1934). Хрестоматия. М.: Просвещение, 1981. 447 с.
39. Юдин П., Фадеев А. Социалистический реализм — основной метод советской литературы // Правда. 1934. № 125 (8 мая). С. 2.
40. Дурылин С.Н. О Гамлете, принце Датском и о прочем // Советское искусство. 1935. № 23 (17 мая). С. 3.
41. Дурылин С.Н. Шекспир в Малом театре: к постановке “Отелло” // Театральная декада. 1935. № 10. С. 8–9.
42. Лагутина И. “За подлинного Шекспира”: два советских юбилея // Вопросы литературы. 2017. № 3. С. 316–379.
43. Святополк-Мирский Д. Шекспир в Англии и у нас // Вопросы литературы. 2017. № 3. С. 287–286.
44. Дурылин С.Н. “Отелло” и Малый театр // Малый театр. 1935. № 5 (31 дек.). С. 3.
45. Дурылин С.Н. Советский актер и особенности его творчества // Научно-творческая работа ВТО. М.: Тип. Министерства тяжелого машиностроения, 1948. Вып. 1. С. 3–4.
46. Дурылин С.Н. Ермолова в ролях Екатерины, Волумнии и королевы Маргариты // Мастера театра в образах Шекспира / под ред. М.М. Морозова. М.; Л., 1939. С. 124–131.
47. Панов С.И. Сергей Дурылин и “Литературное наследство” // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 365–383.

REFERENCES

1. Korshunova, E.A. *Variatsii russkogo modernizma: S.N. Durylin* [Variations of Russian Modernism: S.N. Durylin]. Moscow, Berlin, DirectMedia Publ., 2021. 388 p. (In Russ.)
2. Durylin, S.N. *Ayra Oldridzh* [Ira Aldridge]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1940. 192 p. (In Russ.)
3. Durylin, S.N. *M.N. Radin: Monografiya* [M.N. Radin: A Monograph]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1941. 200 p. (In Russ.)
4. Durylin, S.N. *Vasiliy Ivanovich Kachalov*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1944. 60 p. (In Russ.)
5. Durylin, S.N. *Nikolay Kapitonovich Yakovlev*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1949. 100 p. (In Russ.)
6. Durylin, S.N. *Prov Mikhaylovich Sadovskiy. Zhizn i tvorchestvo. 1874–1947* [Prov Mikhailovich Sadovsky. Life and Art. 1874–1947]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1950. 340 p. (In Russ.)
7. Durylin, S.N. *M.N. Ermolova (1853–1928)*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1943. 34 p. (In Russ.)
8. Durylin, S.N. *Mariya Nikolaevna Ermolova. 1852–1928. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Maria Nikolaevna Ermolova. 1852–1928 Essay on Life and Creative Work]. Moscow, AN SSSR Publ., 1953. 652 p. (In Russ.)
9. Durylin, S.N. “*Gamlet*” na russkoy stsene. *Vstup. statya, podg. teksta i prim. D.N. Zhatkina, A.A. Ryabovoj i V.V. Serdechnoj* [“Hamlet” at Russian Stage. Introduction, Text Preparing and Notes by D.N. Zhatkin, A.A. Ryabova and V.V. Serdechnaya]. *Khudozhestvennyy perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XVII: sbornik nauchnykh trudov. Otv. red. D.N. Zhatkin* [Artistic Translation and Comparative Literary Criticism. XVII: Collection of Articles. D.N. Zhatkin (Ed.)]. Moscow, Flinta Publ., 2022, pp. 324–432. (In Russ.)
10. Durylin, S.N. “*Otello*” *Shekspira v Malom teatre. Vstup. statya, podg. teksta i prim. D.N. Zhatkina, A.A. Ryabovoj i V.V. Serdechnoj* [Shakespeare’s Othello at the Maly Theatre. Introduction, Text Preparing and Notes by D.N. Zhatkin, A.A. Ryabova and V.V. Serdechnaya]. *Khudozhestvennyy perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XVII: sbornik nauchnykh trudov. Otv. red. D.N. Zhatkin* [Artistic Translation and Comparative Literary Criticism. XVII: Collection of Articles. D.N. Zhatkin (Ed.)]. Moscow, Flinta Publ., 2022, pp. 433–490. (In Russ.)
11. Durylin, S.N. *Rikhard Vagner i Rossiya* [Richard Wagner and Russia]. *Sergey Durylin i ego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya. Kn. II. Teksty. Bibliografiya* [Sergei Durylin and His Time: Research. Texts. Bibliography. Book. II. Texts. Bibliography]. Moscow, Regnum Publ., 2011, pp. 9–63. (In Russ.)
12. Durylin, S.N. (as Knizhnik). *Novella iz zhizni Shekspira* [A Short Story from the Life of Shakespeare]. *Teatralnaya dekada* [Theatrical Decade]. 1936, No. 1, p. 14. (In Russ.)
13. Durylin, S.N. (as Knizhnik). *Ostuzhev – Otello* [Ostuzhev as Othello]. *Dekada moskovskikh zrelishch* [Decade of Moscow Spectacles]. 1939, No. 13, p. 15. (In Russ.)
14. Durylin, S.N. (as Knizhnik). *O “Gamlete” Shekspira v postanovke Radlova* [On Shakespeare’s Hamlet staged by Radlov]. *Teatralnaya nedelya* [Theater Week]. 1941, No. 19, p. 25. (In Russ.)
15. Durylin, S.N. (as D. Nikolaev). A.A. Ostuzhev. *Teatralnaya dekada* [Theatrical Decade]. 1935. No. 34, pp. 4–5. (In Russ.)
16. Bunina, S.N. *Poety marginalnogo soznaniya v russkoy literature nachala XX veka* [Poets of Marginal Consciousness in Russian Literature of the Early Twentieth Century]. Moscow, RUDN University Publ., 2005. 439 p. (In Russ.)
17. Moteyunayte, I.V. *S.N. Durylin o “Sheramure” N.S. Leskova* [S.N. Durylin about “Sheramur” by N.S. Leskov]. *Literaturnyy fakt* [Literary Fact.]. 2018, No. 10, pp. 307–320. (In Russ.)
18. Nepomnyashchikh, N.A. *Figura Leskova v refleksii Durylina: “pisatel-vospominatel”* [Leskov’s Figure in Durylin’s Reflection: “Writer-Memoir”]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plotology and Plotography]. 2020, No. 1, pp. 104–116. (In Russ.)
19. Egorov, O.G. *Tvorchestvo A.N. Ostrovskogo v otsenke S.N. Durylina* [A.N. Ostrovsky’s Works in the Assessment of S.N. Durylin]. *Shchelykovskie chteniya – 2013: Aktualnye voprosy izucheniya zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo* [Shchelykovo Readings – 2013: Topical Issues of Studying the Life and Work of A.N. Ostrovsky]. Kostroma, 2014, pp. 63–78. (In Russ.)
20. Korshunova, E.A. *S.N. Durylin o M. Gorkom* [S.N. Durylin on M. Gorky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 9. Philology]. 2018, No. 5, pp. 86–96. (In Russ.)
21. Panov, S.I. *Neizdannaya statya S.N. Durylina o stikhotvorenii P.A. Vyazemskogo “Orfograficheskoe zamechanie”* [Unpublished Article by S.N. Durylin about P.A. Vyazemsky’s Poem “Spelling Remark”]. *Literaturnyy fakt* [Literary Fact.]. 2018, No. 10, pp. 321–354. (In Russ.)
22. Moteyunayte, I.V. *S.N. Durylin o Valerii Bryusove* [S.N. Durylin about Valery Bryusov]. *Literaturnyy fakt* [Literary Fact.]. 2020, No. 4 (8), pp. 341–354. (In Russ.)
23. Zhulkova, K.A. “*So svoim klyuchom*”: *Sergey Nikolaevich Durylin* [“With His Own Key”: Sergei Nikolaevich Durylin]. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7. Literaturovedenie: Referativnyy zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Russian and Foreign Literature. Ser. 7. Literary Criticism: Abstract Journal]. 2016, No. 4, pp. 34–49. (In Russ.)
24. Telegina, S.M. *S.N. Durylin – issledovatel tvorchestva M.Yu. Lermontova* [Durylin is a Researcher

- of M.Yu. Lermontov]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 2014, No. 5, pp. 170–199. (In Russ.)
25. Durylin, S.N. *V svoem uglu: Iz starykh tetradey* [In My Own Corner: From Notebooks]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1991. 336 p. (In Russ.)
 26. Durylin, S.N. *Gogol i Rodina* [Gogol and Motherland]. Gogol N.V. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, GIKhL Publ., 1943. C. 3–14. (In Russ.)
 27. Durylin, S.N. *V svoem uglu* [In My Own Corner]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. 879 p. (In Russ.)
 28. Durylin, S.N. *Gogol-akter* [Gogol as Actor]. *Teatr i dramaturgiya* [Theater and Drama]. 1934, No. 5, pp. 52–59. (In Russ.)
 29. Durylin, S.N. *Gogol i teatr* [Gogol and the Theater]. *Vostochno-sibirskaya pravda* [East Siberian Truth]. 1952, No. 52, p. 3. (In Russ.)
 30. Durylin, S.N. *Gorkiy na stsene* [Gorky at the Stage]. *Gorkiy i teatr* [Gorky and the Theater]. Moscow, Leningrad, 1938, pp. 229–301. (In Russ.)
 31. Durylin, S.N. *Teatr Saltykova-Shchedrina* [Saltykov-Shchedrin's Theater]. *Iskusstvo i zhizn* [Art and Life]. 1939, No. 5, pp. 24–27. (In Russ.)
 32. Durylin, S.N. *Lev Tolstoy i Khudozhestvennyy teatr* [Leo Tolstoy and the Art Theater]. *Gorkovets* [A Resident of Gorky]. 1940, 5 Dec, p. 3. (In Russ.)
 33. Durylin, S.N. *Lev Tolstoy i aktery* [Leo Tolstoy and Actors]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art]. 1940, No. 59 (17 Nov.), p. 2. (In Russ.)
 34. Durylin, S.N. *Lermontov i romanticheskiy teatr* [Lermontov and the Romantic Theater]. *Lermontov M.Yu. Maskarad: Sb. st.* [Lermontov M.Yu. Masquerade: Collection of Articles]. Moscow, Leningrad, VTO Publ., 1941, pp. 15–42. (In Russ.)
 35. Durylin, S.N. *80 let na stsene* [80 Years at Stage]. *A.N. Ostrovskiy. "Na vsyakogo mudretsa dovolno prostoty" na stsene Malogo teatra* [A.N. Ostrovsky. "For Every Sage, Simplicity is Enough" at the Maly Theater Stage]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1948, pp. 5–35. (In Russ.)
 36. Durylin, S.N. *Pushkin na stsene* [Pushkin at the Stage]. Moscow, AN SSSR Publ., 1951. 288 p. (In Russ.)
 37. *Marks i Engels o literature. Novye materialy* [Marx and Engels on the Literature. New Materials]. Moscow, Zhurnalno-gazetnoe objedinenie Publ., 1933. 214 p. (In Russ.)
 38. Yushin, P.F. *Russkaya sovetskaya literaturnaya kritika (1917–1934). Khrestomatiya* [Russian Soviet Literary Criticism (1917–1934). Reader]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 447 p. (In Russ.)
 39. Yudin, P., Fadeev, A. *Sotsialisticheskiy realizm – osnovnoy metod sovetskoy literatury* [Socialist Realism as the Main Method of Soviet Literature]. *Pravda*. 1934, No. 125 (8 May), p. 2. (In Russ.)
 40. Durylin, S.N. *O Gamlete, printse Datskom i o prochem* [About Hamlet, the Prince of Denmark and Other Things]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art]. 1935, No. 23 (17 May), p. 3. (In Russ.)
 41. Durylin, S.N. *Shekspir v Malom teatre: k postanovke "Otello"* [Shakespeare at the Maly Theatre: for the Production of *Othello*]. *Teatralnaya dekada* [Theatrical Decade]. 1935, No. 10, pp. 8–9. (In Russ.)
 42. Lagutina, I. *"Za podlinnogo Shekspira": dva sovetskikh yubileya* ["For the Genuine Shakespeare": Two Soviet Anniversaries]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2017, No. 3, pp. 316–379. (In Russ.)
 43. Svyatopolk-Mirskiy, D. *Shekspir v Anglii i u nas* [Shakespeare in England and Here]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2017, No. 3, pp. 287–286. (In Russ.)
 44. Durylin, S.N. *"Otello" i Malyy teatr* ["Othello" and the Maly Theater]. *Malyy teatr* [Maly Theater]. 1935, No. 5 (31 Dec.), p. 3. (In Russ.)
 45. Durylin, S.N. *Sovetskiy akter i osobennosti ego tvorchestva* [Soviet Actor and Features of his Work]. *Nauchno-tvorcheskaya rabota VTO* [Scientific and Creative Work of the All-Union Theater Society]. Moscow, Ministerstva tyazhelogo mashinostroeniya Publ., 1948. Vol. 1, pp. 3–4. (In Russ.)
 46. Durylin, S.N. *Ermolova v rolyakh Ekateriny, Volumnii i korolevy Margarity* [Yermolova in the Roles of Catherine, Volumnia and Queen Margaret]. *Mastera teatra v obrazakh Shekspira* [Masters of the Theater in the Images of Shakespeare]. Moscow, Leningrad, 1939, pp. 124–131. (In Russ.)
 47. Panov, S.I. *Sergey Durylin i "Literaturnoe nasledstvo"* [Sergey Durylin and the "Literary heritage"]. *Literaturnyy fakt* [Literary Fact]. 2020, No. 4 (18), pp. 365–383. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 30 марта 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 июля 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.
Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on March 30, 2023
Revised on July 1, 2023
Accepted on August 15, 2023
Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028328-6

Неосуществленный литературно-издательский проект М. Горького “История Горьковского края”

© 2023 г. Н. Н. Примочкина

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Резюме. В статье на основе архивных источников предпринята попытка реконструировать неосуществленный замысел М. Горького 1930-х годов: создать книжную серию “История городов как история русского быта” и в ее рамках с помощью коллектива современных авторов написать книгу о прошлом и настоящем Нижнего Новгорода (Горького). На материале переписки писателя с партийным куратором этого проекта Л.Ю. Шмидтом и с другими его участниками, а также с помощью архивных и печатных источников, показаны возникновение замысла книги “История Горьковского края” и начало работы коллектива авторов над его воплощением. Выявлены причины, помешавшие реализовать данный проект. Сделан вывод об особом значении, которое придавал ему Горький, и о той роли, которую сыграла работа над книгой в творческой судьбе участников проекта.

Ключевые слова: М. Горький, “История городов как история русского быта”, “История Горьковского края”, А.Н. Тихонов, Л.Ю. Шмидт, Л.Н. Сейфуллина, В.Н. Жакова.

Для цитирования: Примочкина Н.Н. Неосуществленный литературно-издательский проект М. Горького “История Горьковского края” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 68–77. DOI: 10.31857/S160578800028328-6

M. Gorky's Unfulfilled Literary and Publishing Project “The History of the Gorky Region”

© 2023 Natalia N. Primochkina

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Abstract. The article attempts to reconstruct M. Gorky's unfulfilled plan of the 1930s on the basis of archival sources: to create a book series “The History of Cities as the history of Russian life” and within its framework, with the help of a team of modern authors, to write a book about the past and present of Nizhny Novgorod (Gorky). Based on the material of the writer's correspondence with the party curator of this project, L.Yu. Schmidt and his other participants, as well as with the help of archival and printed sources, the origin of the idea of the book “The History of the Gorky Region” and the beginning of the work of the team of authors on its implementation are shown. The reasons that prevented the implementation of this project have

been identified. The conclusion is made about the special importance that Gorky attached to it, and about the role that the work on the book played in the creative fate of the project participants.

Key words: M. Gorky, "The history of cities as the history of Russian life", "The History of the Gorky Region", A.N. Tikhonov, L.Y. Schmidt, L.N. Seifullina, V.N. Zhakova.

For citation: Primochkina, N.N. *Neosushhestvlenyi literaturno-izdatelskii proekt M. Gorkogo "Istoria Gorkovskogo kraia"* [M. Gorky's Unfulfilled Literary and Publishing Project "The History of the Gorky Region"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 68–77. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028328-6

В 1930-е годы, пользуясь поддержкой советского правительства, Горький попытался реализовать свои многочисленные грандиозные замыслы, помогая тем самым осуществлять культурную революцию в стране. В частности, он задумал подготовить и издать исторические серии книг о прошлом и настоящем России: "История гражданской войны", "История фабрик и заводов", "История молодого человека XIX столетия", "История женщины", "История городов", "История деревни" и др. Не все из задуманного было реализовано, многие из замыслов были осуществлены лишь частично или же только начаты и сохранились в горьковском архиве в виде набросков, проспектов, предварительных планов и отдельных черновых материалов.

Попытки изучения литературно-издательских проектов Горького 1930-х годов предпринимались еще в советское время. Так, в 1959 г. вышел сборник "А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов" (М.: Изд-во социально-экономической литературы), в котором были собраны документы и материалы, освещающие данную тему.

Новый импульс к осмыслению этого наследия Горького филологи получили в "послеперестроечные" годы. Грандиозную работу провели под руководством Д.С. Московской сотрудники Института мировой литературы по поиску, сбору и публикации материалов, относящихся к работе Горького над книжной серией "История гражданской войны" (см.: [1]).

Во вступительной статье к публикации материалов неосуществленного замысла Горького "История женщины" О.В. Быстрова в целом верно, на наш взгляд, вскрыла причины неудачи писателя на поприще организатора и реализатора этого проекта, главными из которых были, по ее мнению: человеческие потери (смерть первого руководителя проекта Н.Я. Марра, репрессии против сменившей Марра Т.И. Глебовой-Каменевой), "непродуманность самого издания", отсутствие слаженного коллектива авторов [2].

В статье Л.В. Суматохиной «Последний издательский проект М. Горького: "История деревни" в контексте других проектов писателя 1930-х гг.» рассказано о причинах, побудивших писателя инициировать создание серии "История деревни", проанализированы ее идейно-тематические связи с горьковским замыслом книжной серии "История городов", сделан вывод о большом значении, которое Горький придавал этим издательским проектам [3].

В книге Д.С. Московской "Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-х — 1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения" (М.: ИМЛИ РАН, 2010) и в ее же авторском послесловии к книге Н.П. Анциферова и А.А. Золотарева о древнем Ярославле [4] на основе богатых архивных источников освещены основные проблемы, возникшие при реализации горьковского просветительского проекта "История городов как история русского быта", убедительно показано, что осуществлению замысла зачастую препятствовала сама жизнь, тяжелое социально-экономическое и культурное положение древних русских городов в эпоху социалистической реконструкции, стирающей их неповторимый облик, нивелирующей их "душу".

В рамках краеведческой серии "История городов" параллельно с вышеупомянутой книгой о Ярославле готовились и другие труды о древних городах: Переславле-Залесском, Великом Новгороде, Казани, Тифлисе. Но особое место в этом проекте заняла книга "История Горьковского края", посвященная Нижнему Новгороду, в работе над которой непосредственное участие принял сам Горький.

Первые упоминания Горьким задуманной им книжной серии "История городов как история русского быта" относятся к осени 1931 г. Этот проект писатель хотел осуществить на базе издательства "Academia", редакционный совет которого он тогда возглавлял. В октябре 1931 г. к Горькому обратился писатель и критик А.А. Смирнов (Треплев) с предложением издать в "Academia"

свою книгу “Старый Самарский театр и быт (до середины XIX века)”. Горький одобрил труд, но предложил расширить его и в ответном письме набросал план книги как одной из будущей серии.

Если начинать работу над серией книг, подобных затейной Вами, — писал он Смирнову, — так нужно строить ее по единому плану, а план должен быть таков: История города — мотивы основания его; стратегические “побуждающие” города, — торговые и т.д.

История развития промышленности и ремесел в связи с историей изменения старого быта, “просачивания” столичной культуры; здесь находит свое законное место и театр, сначала — дворянский, затем “бродячий”. История появления и роста различных “вольнодумцев”, еретиков, фантастов, которые в 70-х годах станут “культуртрегерами”, революционерами. Рост рабочего класса. Благочестивое мещанство и буйные “фабричные”, их бытовые столкновения. Именитое купечество, “отцы города”, интеллигенция, газеты, просветительная деятельность. Формы быта, их отражения в идеологических формулах, — провинциальные поэты, прозаики и т.д. Хорошо бы довести все это до 905—06 гг. и даже до 14-го [5, т. 20, с. 341].

Судя по следующему письму Горького Смирнову, критик согласился с этим замыслом. 15 октября 1931 г. Горький писал: «Предложение Ваше я передал издательству “Академия”. Мне оно кажется вполне своевременным и попадает в цель: “Академия” вырабатывает план издания книг именно по истории быта» [5, т. 20, с. 345]. Однако издание этого труда, который мог бы стать первым в задуманной Горьким серии, не состоялось, он был отклонен тогдашним заведующим издательством И.И. Ионовым (см.: [5, т. 20, с. 860]).

Разрабатывать детальный план серии “История городов как история русского быта” Горький поручил своему давнему другу и соратнику, с 1931 г. работнику издательства “Academia” А.Н. Тихонову. 5 декабря 1931 г. Горький писал из Сорренто литературному секретарю П.П. Крюкову: «На одной из книжных полок библиотеки есть книжки по истории городов и “Строельные книги” Симбирска, Пензы; все их надо бы отобрать, скажите об этом А.Н. Тихонову. Надобно следить по бюллетеням “Международной” за книгами по истории городов, купеческих семей, ремесел и кустарничества и все эти книжки покупать; это — материал по изданию “Истории городов”» [5, т. 21, с. 11]. Горький с молодых лет интересовался историей городов России и систематически пополнял свою личную библиотеку книгами на эту тему. В ней был даже особый раздел “История городов”, который включал в себя более 300 наименований. Забегая вперед, добавим, что там же хранилось более 50 книг и периодических изданий по истории Нижегородского края.

Тихонов активно включился в разработку плана серии, но просил помощи у Горького. Откликаясь на просьбу товарища, Горький 19 декабря 1931 г. вместе с письмом П.П. Крюкову отправил для Тихонова набросок плана будущей серии (см. его текст: [6, с. 393—395]), а еще через два дня сообщил последнему: «Послал Вам записку по поводу “Истории быта”. Написанная спешно, она едва ли вразумительна. Сообщите мне Ваши критические замечания по поводу ее» [5, т. 21, с. 27]. Адресат на это ответил: «Программу “Истории городов” получил, размножил и послал Невскому и Десницкому <...> Мы сговорились встретиться все вместе и на основе Вашего письма попробовать разработать детальную программу этого издания...» [5, т. 21, с. 408].

О том, насколько важны для Горького были его новые литературно-издательские проекты, свидетельствует тот факт, что писатель считал нужным сообщить о них И.В. Сталину. 25 января 1932 г. он писал вождю: «Сейчас я составляю планы изданий для молодежи — “История женщины от первобытных времен до наших дней”, “История всемирного купца”, “История русского быта”, т.е. историю средней буржуазии — мещанства» [5, т. 21, с. 46].

Однако дальше общих планов и проспектов в то время дело не двинулось. Должно было пройти еще несколько лет, чтобы одна из первых книг серии — “История Горьковского края” — начала обретать реальные очертания. (Вероятно, следует сразу пояснить, что в то время в Горьковский край входили территории Чувашской АССР, а также Марийской и Удмуртской автономных областей.) Причем на этот раз, судя по сохранившимся письмам, документам и воспоминаниям, инициатива исходила скорее не от Горького, а от местных партийных властей и литературной общественности Нижнего Новгорода, незадолго до этого переименованного в город Горький. Вероятно, человеческая скромность не позволила писателю самому предложить свой родной город для включения в редакционный план издательства “Academia”. Инициатором проекта (его первоначальное название “Прошлое и настоящее Горьковского края”) мог быть Лазарь Юрьевич Шмидт, с октября 1933 г. приступивший к работе заведующего Отделом культуры и пропаганды Горьковского крайкома ВКП(б). Он был давно знаком с Горьким. С 1923 по 1925 г. молодой журналист Шмидт работал секретарем редакции еженедельного журнала “Прожектор”, выходившего при газете “Правда”, и главный редактор этого журнала Н.И. Бухарин, посылая Шмидта

в служебную командировку в Берлин, 25 августа 1923 г. писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович, предъявитель сего, тов. Шмидт — основной работник нашего журнала "Прожектор". Горячо прошу Вас оказать ему всяческое содействие, главн<ым> образом в смысле связей с литературской, худ<ожественной> и науч<ной> публикой» [7, с. 168]. Известно также, что в сентябре 1925 г. Шмидт посетил Горького в Сорренто.

Вероятно, в начале 1934 г. Шмидт собрал "команду" писателей-горьковчан, вместе с которой составил план будущей книги "Прошлое и настоящее Горьковского края" и послал его в Москву Горькому. Об этом можно судить по воспоминаниям писателя А.М. Муратова, который 9 марта 1934 г. в составе большой группы литераторов был приглашен на совещание к Горькому. Из них видно, что Горький встречался со Шмидтом в тот же день, еще до заседания с писателями. К этому времени он уже успел познакомиться с планом горьковчан по изданию книги. План показался Горькому слишком узким, и в беседе с писателями, присутствовавшими на вышеупомянутой встрече, он кратко изложил им свой замысел будущей книги:

— Получил я грамотку вашу насчет книги — прошлое и настоящее края. Был у меня сегодня Лазарь Шмидт. Разговаривали. Пошире, знаете, надо.

Алексей Максимович, прерывая свой говорок резким покашливанием, начал развивать мысль относительно того, как надо построить первую часть книги — о прошлом Горьковского края. Он говорил о том, когда был основан Нижний Новгород, почему именно на слиянии двух рек, говорил о выставке 1896 года, о ярмарке, об исторических работах Храмцовского и Гациского, которые можно использовать для книги. Перейдя к Балахне, он вспомнил давно умершего поэта-нижегородца Леонида Граве и процитировал две строчки его стиха:

Как прачка после стирки долгой,
Уснула Балахна над Волгой...

Говоря о Волге, об Арзамасе, о Лукояновском уезде, о Семенове, Керженских лесах, он называл многочисленные имена помещиков, купцов, историков, изобретателей, литераторов. Он обнаруживал колоссальные знания событий, фактов, поража нас удивительной памятью.

— Чтобы лучше понимать настоящее, надобно знать хорошо прошлое, — сказал Горький.

— Ну-с, а насчет второй части книги, после семнадцатого года, вы сами знаете больше меня. Только, знаете ли, художественно надо сделать [8, с. 252–253].

После этого заседания окрыленные встречей с Горьким писатели приступили к работе. Горький хотел, чтобы книга получилась увлекательной и высокохудожественной. К делу были привлечены известные столичные писатели: Л.Н. Сейфуллина, Вс. Иванов, И.М. Касаткин,

А.А. Караваева, Г.П. Шторм, Г.А. Глинка, а также опытные и уже снискавшие себе имя горьковчане: А.М. Муратов, Б.С. Рюриков, Н.И. Кочин, А.И. Патреев и др.

Вероятно, вскоре после первой весенней встречи с коллективом авторов, в конце марта 1934 г. писатель составил и послал в Горьковский крайком ВКП(б) подробный план будущей книги "История Горьковского края":

Уважаемые товарищи — присланную вами программу книги "Горьковский край" я считаю узкой, не способной дать полную и связную картину трудовых и политико-экономических условий, в коих жили предки современного населения до Октября 17-го года <...> Необходимо понять, что чем более всесторонне изображено будет дореволюционное прошлое — тем ярче на этом фоне освещено будет настоящее. Исходя из этих соображений, я предложил бы расширить и перестроить программу по следующей наметке плана <...>

Географический очерк края, состав его населения, природные богатства, политико-экономические мотивы основания Нижнего Новгорода, заселение края русскими, борьба новоселов с туземцами, порабощение их. В числе мотивов: боязнь московских князей и торговцев, что татары Казани и Касимова, объединив финские и тюрко-финские племена Поволжья, закроют Москве пути: вниз по Волге — на Каспий, по Каме — на Урал и в Сибирь, по Оке — создадут угрозу Мурому, Рязани, вверх по Волге — угрозу Суздальскому краю и самой Москве.

Второй очерк следует посвятить теме — "ассимиляция"; суть очерка: объединяющее людей значение трудовых процессов, разъединяющее значение феодализма, торгашества, религиозных культов.

Третий очерк: роль Нижегородского торгового сословия в 17-м веке, в "Смутное время".

Четвертый: 19-й век, положение крестьян при крепостном праве. "Салтычиха" и прочие изверги.

Пятый: организация Всероссийской ярмарки в Макарьеве, перенос в 817 г. ее в Нижний. Развитие парового судоходства и т.д. Основание Сормовских заводов в 1848 г. Об ярмарке: Елпатьевский — "На самокатах", Горький — сцены из "Дело Артамоновых", Павел Мельников — "Нижегородская ярмарка", изд. 1917 г., посвященная столетию ярмарки.

Шестой: причины "освобождения" крестьян и вызванный этой "реформой" количественный рост населения в городах, кулачества — мироедства — в деревнях.

Седьмой: очерк кустарной промышленности края, весьма характерного в этом отношении, и эксплуатация кустарей, как средство быстрого развития и обогащения местной буржуазии. Нужно взять два наиболее показательных уезда: Горбатовский: села — Павлово, Вачу, Ворсму, как центры кустарей-металлистов, рассказать о возникновении фабрик бр. Кондратьевых и др. Источники: — местный Павловский архив, Боборыкин — "Русский Шеффилд", Короленко — "Колокола", Плотников — "Кустарные промыслы Нижегородской губернии". Семеновский уезд, как центр щепного промысла: кадки, сани, колеса, игрушки, прялки, лыжи и т.д.

Восьмой: количество и богатство церквей, монастырей края, дать приблизительный подсчет затрат населения на церкви и содержание духовенства. Дать типы купцов, администраторов, попов: Андрей Печерский — “На горах”, Горький — “Фома Гордеев”, “Бугров”, “Монархист”.

Девятый: взаимоотношения земства и администрации, школьное, дорожное дело, деревенская медицина, интеллигенция края и степень ее участия в культурной и революционной работе. Источники: А.С. Гацисский — “Люди Нижегородского Поволжья”, “Астрономический календарь”, единственный в России, известный всюду в Европе и Америке, издается почти 40 лет, Боборыкин — “В путь дорогу”, “На ущербе”, Короленко — “Голодный год”, “По лесной речке”.

Десятый: от начала 80 гг. до 1917-го. Нужно опросить тт. нижегородцев: Десницкого-Строева — “Лопату”, В. Свердлова, М. Карасеву, И.П. Ладыжникова, Сысина, М. Владимирского и др. Материалы Истпарта. Роль Павла Скворцова, как воспитателя первых марксистов в Н. Новгороде. Нижний и Сормово в 1905–7 гг. Этот отдел заканчивается Октябрем 17 г. <...>

Вторая, наиболее ответственная и обширная часть книги должна показать в форме художественного очерка состояние края в годы гражданской войны и “нэпа”, оживление мещанства в городе, кулачества в деревне, реконструкция промышленности, факты вредительства, первая пятилетка. <...> Работая над изображением и освещением событий 17–34 гг., нам следует обратить особое внимание на факты столкновений старых, мещанских, узко индивидуальных навыков, — с новым социалистическим началом в человеке, а это значит, что наша книга должна посвятить большое количество страниц своим изображению быта заводов, фабрик, колхозов и т.д. [9, с. 207–210].

Горький был очень увлечен новым проектом. О работе над серией “История городов” он специально упомянул 17 августа 1934 г. в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей:

Мы не знаем истории нашего прошлого. Предполагается и частью уже начата работа над историей удельно-княжеских и порубежных городов от времени их основания до наших дней. Эта работа должна осветить нам в очерках и рассказах жизнь феодальной России, колониальную политику московских князей и царей, развитие торговли и промышленности, — картину эксплуатации крестьянства князем, воеводой, купцом, мелким мещанином, церковью, — и заключить все это организацией колхозов <...>

К этим и многим другим коллективным работам можно привлечь сотни начинающих писателей, и эта работа предоставит им широчайшую возможность самообразования, повышения квалификации путем коллективной работы над сырым материалом и взаимной самокритики [10, т. 27, с. 332–333].

Как видим, для Горького было принципиально важно, чтобы будущий труд “История Горьковского края” стал образцом коллективной творческой работы писателей. Эта идея завладела им еще в 1928 г., в период организации журнала “Наши достижения”, но не была в то время

поддержана именитыми советскими литераторами (см. подробнее: [11, с. 309–310]). Позже Горькому все же удалось осуществить свой замысел во время коллективной работы писателей над книгой “Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства. 1931–1934 гг.” (1934). Этот опыт коллективного творчества Горький хотел распространить и на работу над “Историей Горьковского края”, но, как будет видно дальше, многие из ее авторов, каждый из которых был яркой индивидуальностью, поневоле превращали замысел писателя в сборник разнородных очерков, повестей и рассказов.

В дни Первого съезда советских писателей, 27 августа 1934 г. Горький снова собрал у себя на квартире группу литераторов, чтобы поговорить с ними о ходе работы над книгой. 29 августа в газете “Горьковская коммуна” сообщалось об этой встрече: “Алексей Максимович дал глубокие, исключительно ценные указания о том, как нужно работать над книгой, как нужно собирать материал и его обрабатывать. Горький подробно остановился на вопросе разделения труда среди писателей, подчеркнув, что коллективный труд не умаляет значения каждого писателя в отдельности и предоставляет ему широчайшие возможности для выявления своих индивидуальных способностей”.

Более подробно и красочно описал эту встречу 1 сентября 1934 г. в той же “Горьковской коммуне” литературовед Рюриков:

Уже несколько месяцев идет работа по созданию книги “Прошлое и настоящее Горьковского края”. Сегодня у Алексея Максимовича собрался авторский коллектив этой книги. В числе участников совещания: Вс. Иванов, Л. Сейфуллина, А. Караваева, И. Касаткин, еще ряд московских писателей и делегаты Горьковского края на Всесоюзном съезде писателей.

Начинается совещание. Это не совещание в привычном смысле слова, а оживленная беседа. Горький внимательно слушает, задает вопросы, бросает замечания. Часто, перебив говорящего, он делится своими мыслями, воспоминаниями <...> Подробно и увлекательно говорит Алексей Максимович о соляных бунтах, о разбойниках, о заводских сектантах, о кустарях Павлова, Вачи, Ворсмы. Напоминает, кто писал об этих объектах, где можно найти архивные данные.

— Край разнообразный и богатый, — прибавляет он, делая широкий жест, — если народу мало в бригаде — добавьте, пригласите еще писателей. Хорошо осветите нижегородских людей, таких, как Кулибин, Калашников, Граве — талантливый был поэт, едкий, хорошие политические стихи писал, — покопайтесь у старожилов. <...>

— Надо писать о прошлом и настоящем, — говорят писатели. — Но не получится ли, что прошлое задавит настоящее?

— Я думаю, что это опасение несерьезное. Надо работать над тем и другим. В один том материал не уберется, надо издать два тома: один — о прошлом, другой — о настоящем. Не надо торопиться, — подчеркивает Горький, узнав, что есть стремления закончить работу в месяц-два. Это несерьезное отношение. Надо дать обстоятельную книгу, приложить библиографию [12, с. 248–250].

Воспоминания писателей-горьковчан о встречах с Горьким так же, как и составленный им план книги "История Горьковского края", свидетельствуют о том, что писателя гораздо больше волновало художественное отображение исторического прошлого родного города. Он хотел, чтобы участники труда произвели своеобразные "раскопки", нашли ранее неизвестные факты и новые архивные материалы о прошлом Нижнего Новгорода и изложили их в привлекательной для читателя, популярной форме. Поэтому большую часть времени и сил он тратил на разъяснение своих планов и задумок относительно освещения исторического прошлого края, а изображение настоящего, т.е. современной действительности, отдавал на откуп будущим авторам. Но именно первая, историческая часть книги вызывала у коллектива наибольшие затруднения. Поэтому координатор проекта Шмидт вскоре после заседания на квартире Горького обратился к нему с просьбой. 21 ноября 1934 г. он писал: «Дорогой Алексей Максимович, месяца два тому назад я послал Вам письмо, но ответа не получил, по-видимому письмо где-то затерялось. Пишу Вам вновь. Работа над книгой идет неравномерными темпами. Нейштадт (Ныкса), Спасский (судоходство) и Шторм уже закончили сбор материалов. Рукописи должны поступить примерно к январю. У других нет должной настойчивости. Кочин, Штатнов, Муратов собирают материал. Хорошо и добросовестно работала Сейфуллина. Она заболела, лежала в Кремлевской больнице. Теперь несколько поправилась и приедет в Горький в первых числах декабря. У меня к Вам огромная просьба (я об этом писал в предыдущем письме) прислать примерный план главы "Нижний Новгород — Горький". Это самый трудный раздел, а имея от Вас ориентировочную канву, мы могли бы поручить нескольким писателям эту главу» [13, КГ-нп/а 25-45-1].

6 декабря 1934 г. Горький ответил Шмидту: «Схему, которая приблизительно указывает линии подбора и организации материала, — посылаю Вам. Набросана схема поспешно, ибо я очень занят. Весьма советую пользоваться старой беллетристической, конечно — в отрывках и комментируя их. Посмотрите: Мельникова "На горах",

Короленко "Голодный год", "Записки", очерк о Павлове, о нем же — Боборыкина "Русский Шеффилд" — кажется, я уже указывал все это. "Самокаты" Елпатьевского. Материала — много» [13, ПГ-рл 6-6-2].

В горьковском архиве сохранился следующий план очерка "Нижний Новгород", вероятно, составленный Горьким по просьбе Шмидта:

Колониальная политика московских царей и причины основания Нижнего Новгорода; опасность союза Казанских и Касимовских князей, ставленников Москвы, объединения ими финских и тюрко-финских племен и организации большого государства, которое угрожало бы в одну сторону — Рязани, в другую — Ярославлю, Суздалю, закрывало путь по Каме на Урал, по Волге на Каспий, могло бы вовлечь в свою систему башкир, киргиз, протянуться до Астрахани и т.д.

Борьба князей нижегородских с мордвой и др.

Выселение в Нижний новгородцев, после их разгрома Ив. Грозным, новгородцы как "зачинщики торговли" с "низом".

Покорение Казани, его влияние на торговлю, судостроение и судоходство нижегородцев. Строительство "защитных" городов: Мурашкин, Лысково, Макарьев и др. Нижний в "смутное время". Старообрядчество и его влияние на развитие кустарной промышленности: среди беглых и ссыльных из Москвы "староверов" много ремесленников: кожевники, тубники, пимокаты, слесари, столяры и т.д. Павлово, Вача, Ворсма, Семеновский уезд, Богородское, Мурашкино, Безводное и т.д., как узлы кустарной работы. Кустари и земство. В 1812 г. основание ярмарки в городе Макарьеве. Перенос ее в Нижний. Культурная жизнь города, см. Гацисского "Люди Нижегородского Поволжья". Мало народовольцев и эсеров, много большевиков — "купеческий" город, Всероссийский торгово-промышленный съезд в 96 г. Выставка, съезд, книга Витте "Производительные силы России".

Нужно изобразить, как собиралось купечество заменить плашкоутный мост через Оку постоянным. Дать картину жизни интеллигентов в 80–90 годах. Вообще — брать жизнь широко, всесторонне, во всех даже мельчайших ее бытовых проявлениях, даже в анекдотах. Здесь нельзя дать подробного плана и программы. Нужно, чтоб материал сам подсказал план, можно только наметить линии поисков и пополнений материала [13, ПЛГ 1-14-1,2].

В конце 1934 г. Шмидт послал на суд Горького две первые поступившие к нему рукописи: очерки Г.А. Глинки о селе Павлово и Е.Ф. Вихрева о селе Хохлома. Писатель остался недоволен присланными работами, о чем откровенно написал Шмидту: "Уважаемый товарищ. Присланные Вами рукописи не отвечают теме: Горьковский край. Рукопись Глинки еще можно взять, — если автор переработает и дополнит ее, свяжет Павлово с краем, а рукопись Вихрева — совершенно не пригодна. Неужели за все время от начала работы Вам даны только эти две рукописи? Плохо" [13, ПГ-рл 54-3-7].

Рукопись Глинки, предназначенная для книги “История Горьковского края”, в горьковском архиве не сохранилась. Однако его труд не пропал бесследно. Вскоре автор опубликовал его в книге “Павлово на Оке: Очерки” ([Горький], Горьковское краевое изд-во, 1936). Датированная декабрем 1934 г. рукопись Вихрева “Неведомая Хохлома” сохранилась в архиве Горького с его правкой и замечаниями. На 1-й стр. писатель сердито отметил: «Этот длинный и скучный очерк не имеет отношения к теме “Горьков<ский> край”» [13, РАв-пГ 10-6-1]. Но, несмотря на негативное отношение Горького к этой работе, вскоре после внезапной смерти Вихрева, наступившей 2 января 1935 г., писатель опубликовал его очерк “Неведомая Хохлома” в журнале “Наши достижения”, посвященном художественной промышленности СССР (1935. № 5-6. С. 92–103).

Большие надежды в работе над книгой “История Горьковского края” Горький возлагал на талантливую и уже прославленную писательницу Сейфуллину. Летом 1934 г. она приезжала в Горький для сбора материала и с энтузиазмом работала над очерком о городе и людях Нижнего Новгорода XIX в. В горьковском архиве сохранилось несколько любопытных свидетельств об этом. Так, молодой ученый-медик Н.А. Торсуев 23 июля 1934 г. благодарил Горького за то, что тот посмотрел его работу о проституции на нижегородской ярмарке и сообщил о ней Шмидту. “Последний, — писал Торсуев, — передал Ваше поручение Лидии Николаевне Сейфуллиной, с которой я виделся сегодня и познакомил ее с моим материалом. Видимо, он ее заинтересовал, и она использует его для своей прямой темы” [13, КГ-уч 11-9-2]. Это письмо, свидетельствующее о знакомстве Горького и Сейфуллиной с научной работой Торсуева, отчасти объясняет их особый интерес к теме проституции в дореволюционном Нижнем. Сейфуллина специально остановилась на ней во время заседания у Горького 27 августа 1934 г. и была поддержана писателем. Вот как описывает их диалог участник этой встречи Рюриков:

Л.Н. Сейфуллина, пишущая главу о городе Горьком, рассказывает о своих затруднениях. Очень много интересных людей.

— Я каждый день, — говорит она, — беседую с шестью человеками, и все-таки трудно справиться. А прошлое города, его купцы, духовенство — об одних купцах надо писать целый очерк. Видная, авторитетная писательница нажила имя на описании нижегородских проституток, а у нас этой темой никто не занимается.

— Да, это важная тема, — соглашается Горький. Он рассказывает о сезонных проститутках, которые отправлялись на ярмарку, чтобы прокормить детей, о “знаменитом” доме мадам Шварцман.

— У меня, кстати, — добавляет он, — напечатана была в самарской газете беллетристическая канитель “Женщина с голубыми глазами” на тему ярмарочной торговли телом. Это фактический материал, я встретил женщину на пристани, расспросил ее. Материал интересный, но только смотрите — есть опасность превратить разработку его в собиранье анекдотов. А какой тут анекдот — тут трагедия! [12, с. 249].

К сожалению, обострение тяжелой болезни помешало Сейфуллиной окончить работу. Осенью 1934 г. она надолго попала в больницу и после этого, судя по письмам и другим архивным источникам, к работе над очерком не возвращалась.

В течение всего 1935 г. авторы “Истории Горьковского края” работали над своими произведениями по избранной тематике. Готовые рукописи присылались на отзыв и дальнейшую редактуру Горькому. Г.П. Шторм написал очерк об истории Нижнего Новгорода до 1812 г., С. Спасский — об истории волжского судоходства, А.М. Муратов — о строительстве бумажного комбината в Балахне, А.А. Караваева — о химзаводе и людях Дзержинска. Однако Горький одобрил только один очерк — Шторма, признал годным при значительной переработке очерк Спасского и безоговорочно отверг рукописи Караваевой и Муратова. В связи с этим он писал 29 августа 1935 г. Шмидту:

Какова цель нашей работы?

Дать читателю представление о прошлом его края, рассказать о промышленно-культурном росте его родины до Октябрьской революции, подчеркнуть созидательную работу нового хозяина страны, — хозяина, которому в 37 г. минет 20 лет. Тему эту правильно понял только Шторм и, отчасти, Спасский. Последний, на 45 стр. рукописи вел рассказ сравнительно правильно, а дальше начал писать кое-как, небрежно, беззаботно и представил нам черновик. Первые 45 стр. тоже требуют серьезной и внимательной правки и сокращений. Автор не владеет материалом. О матросах написал много и скучно, о грузчиках — мало и не интересно <...> Следовало показать более ярко фигуры бр<атьев> Рукавишниковых, для чего надо было ознакомиться с их “хозяйством” и прочитать книгу Ивана — сына Сергея — Рукавишникова “Проклятый род”. О Сироткине — многовато, о Гордее Чернове можно бы дать больше, фигура колоритная. И следует указать, что сын Кожебаткина — организатор “декадентских” издательств “Альциона”, “Мусажет”. Поэт Иван Рукавишников — тоже декадент, а это кое-что значит.

Муратов рассказывает о том, с какими перебоями рос бумкомбинат в Балахне. Его рассказ — не закончен и это рассказ о ротодействе людей, о их равнодушии к делу, а нам нужно рассказать историю побед пролетариата. Ведь кончилось-то в Балахне все-таки победой? В данном виде тяжелый рассказ Муратова не годится нам. Мы не можем дать читателю очерки каждого пром<ышленного> предприятия, организованного вокруг Нижнего за две пятилетки — мы должны

дать — по возможности *все их* в рассказе, который занял бы пяток печатных листов.

Мы должны особенно густо, ярко и широко показывать на примере Нижнего, как миллионеры Бугровы, Блиновы, Сироткины и прочие легко грабили, и как они скверно работали, как уродливо мало заботились о пром<ышленном> развитии своей страны, какие это были дикари, изувеченные собственностью. Чем лучше укажем это — тем ярче покажется работа партии, работа Сталина.

Караваева — написала очень болтливо и смешно. Зачем она высовывает свой лирический нос? Работа ее совершенно не отвечает теме. И мне ясно, что с этими людьми — Караваева, Муратов — ничего не выйдет у нас.

Мне кажется, что необходимо сделать вот что: взять — Мельникова "В лесах" и "На горах", Бобрыкина "В путь дорогу" и "На ущербе", Гацисского "Люди Нижегородского Поволжья", Крестовского "Солггород", Короленко "Голодный год" и очерки, Елпатьевского "Самокаты", Павла Мельникова "Ярмарка" — издание юбилейное. Посмотреть мемуары, в коих говорится о Нижнем в XIX в., и из этого сделать "монтаж", который покажет нашему читателю купца, интеллигента и крестьянина Нижняя до революции. Я попробую изобразить город 80-х годов с бытовой его стороны, его улицу, задворки.

Затем: нужно просить кого-либо из испартовцев, чтоб дали листа два по истории рабочего движения в Сормове и городе, по работе большевиков. Этот очерк очень хорошо можно закончить выборкой из воспоминаний Петра Заломова, рукопись его прилагаю, не потеряйте. Все это заключается картиной строительства партии, ее работы [13, ПГ-рл 54-3-4].

Как видим, Горький, раскритиковав почти все присланные ему рукописи, решил скорректировать сам замысел, план книги. Теперь он предлагал опираться для изображения исторического прошлого Нижнего Новгорода, прежде всего на известные классические литературные произведения и мемуары, отрывки из которых предстояло соединить с помощью приема "монтажа" в цельное связное повествование. Для этой работы он нашел нового автора — молодую талантливую писательницу В.Н. Жакову. Об этом Горький около 6 сентября 1935 г. снова писал Шмидту из Крыма:

Дорогой т. Шмидт, — для работы по монтажу, о коем я Вам писал, рекомендую Веру Жакову, с полной уверенностью, что она сделает эту работу лучше, чем кто-либо другой. Значит, книга организуется так:

Исторический очерк Г.А. Шторма <Описка Горького. Шторма звали Георгий Петрович. — *Н.П.*>

Бытовой очерк Веры Жаковой, — под "бытовым" очерком понимаю: освещение роста торгово-промышленной буржуазии, оценку ее "умственного" — идеального багажа, нравов, верований, взаимодействий и т.д. Очерк этот охватывает время с 812 го — московское дворянство в Нижнем и до 914 г.

Далее очерки: кустарных промыслов: щепного, Семенов<ский> уезд, металлических — Павлово, Вача, Ворсма, Безводное и т. д., очерки судоходства, ярмарок,

затем Сормово, Дзержинск, Балахна и т.д. и кончить очерком истории партработы, который надобно заказать сейчас же <...> С работой этой надобно торопиться, времени у нас не много для нее, а сделать ее следует хорошо [13, ПГ-рл 54-3-5].

В тот же день писатель известил первого секретаря Горьковского крайкома ВКП(б) Э.К. Прамнэка о своем негативном отношении к работе авторского коллектива и окончательном решении относительно состава книги "История Горьковского края":

...Вероятно, т. Шмидт уже сообщил Вам, что я забраковал почти все, написанное о нашем городе и крае. За исключением очерка по истории города, сделанного Г.А. Штормом и частью статьи Спасского о судоходстве — все остальное многословно, вяло, равнодушно. Увлечения работой не чувствуется. Действует не пролетарий, подводящий итог двадцатилетней исторической работы, а — чужой человек.

Это грустное обстоятельство заставляет меня иначе поставить дело освещения "культурной" жизни города — т.е. роста его торгово-промышленного класса, его интеллигенции и т.д. Очерк Г. Шторма надо продолжить, начав с 1812 г. и доведя до наших дней <...>

Для этой работы я посылаю к Вам девицу Веру Жакову, человека исключительной начитанности с хорошо развитым вкусом к работе исторического характера и умеющей всецело отдавать себя этой работе. <...> Я прошу Вашего внимания к ней, она нуждается прежде всего в хорошей спокойной комнате, а затем в разрешении работать с документами Нижегород. Губернской архивной комиссии и вообще в местных архивах <...> И очень прошу Вас последить за тем, чтоб в 37 г. книга о Горьковском крае была издана [13, ПГ-рл-32-1-2].

С аналогичной просьбой относительно Жаковой Горький в тот же день обратился к своему старому знакомому, начальнику Управления НКВД по Горьковскому краю М.С. Погребинскому: "Я прошу Вас устроить ее — по возможности — так, чтоб ей не пришлось зря тратить время на пустяки: поиски квартиры, пищи и т.д." [13, ПГ-рл-31-29-1]. Благодаря этому письму Жакова, приехав в Нижний для работы над очерком об истории города, была принята Погребинским и некоторое время даже жила в его семье. Однако, несмотря на все ее усилия, работу она так и не завершила. Зато до конца своей короткой жизни (умерла в 1937 г. в возрасте 22 лет) Жакова оставалась на родине любимого писателя, где, следуя его заветам, самоотверженно и плодотворно работала, написав очерк "Кулибин", повесть "Школа Ступина" и несколько рассказов.

Замысел книги "История Горьковского края" остался неосуществленным. Как было показано выше, сам горьковский замысел не был достаточно продуманным и менялся в зависимости

от обстоятельств. Кроме того, Горький в это время был слишком занят другими, еще более грандиозными литературно-издательскими проектами и не мог отдавать этому замыслу все свои творческие и организаторские силы. Писатель хотел, чтобы книга соединяла в себе историческую научность фактов и увлекательную, популярную форму изложения, что само по себе представляло для авторов очень трудную, почти неразрешимую задачу. Да и создать дружный коллектив авторов-единомышленников в данном случае не удалось. Вскоре после смерти Горького серия “История городов как история русского быта” была закрыта, ни одна из готовившихся в ее рамках книг в то время издана не была.

Тем не менее, работа над книгой “История Горьковского края” не прошла бесследно для участников проекта. Напротив, она явилась для многих из них мощным стимулом к созданию новых произведений. В рамках проекта был написан ряд очерков, повестей и рассказов, опубликованных в периодической печати и отдельных изданиях, в том числе и в журналах Горького.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов / отв. ред., сост. Д.С. Московская М.: ИМЛИ РАН, 2018. 560 с.
2. “История женщины” — неосуществленный замысел Горького / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. О.В. Быстровой // Публицистика М. Горького в контексте истории. М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 483–539.
3. Суматохина Л.В. Последний издательский проект М. Горького: “История деревни” в контексте других проектов писателя 1930-х гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. Томск, 2022. № 29. С. 55–67.
4. Московская Д. “Предмет нашей братской работы — город Ярославль...” Н.П. Анциферов и А.А. Золотарев в горьковском проекте “История русских городов как история русского быта” // Анциферов Н.П., Золотарев А.А. Ярославль. История. Культура. Быт. Ярославль: Академия 76, 2019. С. 237–264.
5. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2022.
6. Горький и советские писатели: Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 734 с.
7. Примочкина Н.Н. “...Пишу Вам, потому что Вас очень люблю и ценю” (Письма Н.И. Бухарина Горькому) // Время Горького и проблемы истории. М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 14. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 143–195.
8. Муратов А.М. В гостях у великого земляка // А.М. Горький нижегородских лет. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1978. С. 251–254.
9. Горький А.М. Повести, воспоминания, публицистика, статьи о литературе // Архив А.М. Горького. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1950. 289 с.
10. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., ГИХЛ, 1949–1956.
11. Примочкина Н.Н. Вступительная статья // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 18. М.: Наука, 2016. С. 305–317.
12. Рюриков Б.С. Два часа // А.М. Горький нижегородских лет. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1978. С. 248–250.
13. Архив А.М. Горького. ИМЛИ РАН (Москва).

REFERENCES

1. *Istoriografia Grazhdanskoi voiny v Rossii: Issledovania i publikacii arhivnykh materialov. Otv. red., sost. D.S. Moskovskaja* [Historiography of the Civil War in Russia: Research and Publication of Archival Materials. Moskovskaya, D.S. (Ed.)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 560 p. (In Russ.)
2. “*Istoria zhenshiny*” — *neosushhestvlennyi zamysel Gorkogo. Vstup. st., podgot. teksta i primech. O.V. Byistrovoi* [“The Story of a Woman” — Gorky’s Unfulfilled Plan. Introductory Article, Text Preparation and Notes by Byistrova, O.V.]. *Publicistika M. Gorkogo v kontekste istorii. M. Gorky. Materialy i issledovania* [M. Gorky’s Journalism in the Context of History. M. Gorky. Materials and Research]. Vyp. 8. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 483–539. (In Russ.)
3. Sumatohina, L.V. *Poslednii izdatelskii projekt M. Gorkogo: “Istoria derevni” v kontekste drugih projektov pisatel’ia 1930-h gg.* [The Last Publishing Project of M. Gorky: “The History of the Village” in the Context of Other Projects of the Writer of the 1930s.]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. [Text. Book. Book Publishing]. Tomsk, 2022, No. 29, pp. 55–67. (In Russ.)
4. Moskovskaya, D. “*Predmet nashei bratskoi raboty — gorod Jaroslavl...*” N.P. Antsiferov i A.A. Zolotarev v gorkovskom projekte “*Istoria russkikh gorodov kak istoria russkogo byta*” [“The Subject of Our Fraternal Work is the City of Yaroslavl...” N.P. Antsiferov and A.A. Zolotarev in the Gorky Project “The History of Russian Cities as the History of Russian Life”]. Antsiferov, N.P., Zolotarev, A.A. *Jaroslavl. Istoria. Kultura. Byt*. [Yaroslavl. History. Culture. Mode of Life]. Yaroslavl. Academy 76 Publ., 2019, pp. 237–264. (In Russ.)

5. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Pisma: V 24 vol.* [Complete Collection of Works. Letters: in 24 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1997–2022 (In Russ.)
6. *Gorky i sovetskie pisateli: Neizdannaya perepiska. Literaturnoe nasledstvo.* [Gorky and Soviet Writers: Unpublished Correspondence. Literary Heritage]. Vol. 70. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 734 p. (In Russ.)
7. Primochkina, N.N. "...*Pishu Vam, potomu chto Vas ochen liubliu i ceni*" (*Pisma N.I. Buharina Gorkomu*). ["... I am Writing to You Because I Love and Appreciate You Very Much" (Letters of N.I. Bukharin to Gorky)]. *Vremia Gorkogo i problemy istorii. M. Gorky. Materialy i issledovaniya* [Gorky's Time and Problems of History. M. Gorky. Materials and Research]. Vol. 14. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 143–195. (In Russ.)
8. Muratov, A.M. *V gostjah u velikogo zemljaka.* [Visiting a Great Countryman]. *A.M. Gorky nizhegorodskih let* [A.M. Gorky of Nizhny Novgorod Years]. Gorky, Volgo-Vjatskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1978, pp. 251–254. (In Russ.)
9. Gorky, A.M. *Povesti, vospominania, publicistika, statii o literature. Arhiv A.M. Gorkogo* [Novellas, Memoirs, Journalism, Articles about Literature. Archive of A.M. Gorky]. Vol. 3. Moscow, GIHL Publ., 1950. 289 p. (In Russ.)
10. Gorky, M. *Sobr. soch.: v 30 vol.* [Collected Works: in 30 Vols.]. Moscow, GIHL Publ., 1949–1956. (In Russ.)
11. Primochkina, N.N. *Vstupitel'naya statia* [Introductory Article]. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Pisma: v 24 t.* [Complete Collection of Works. Letters: in 24 Vols.]. Vol. 18. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 305–317. (In Russ.)
12. Riurikov, B.S. *Dva chasa.* [Two Hours]. *A.M. Gorky nizhegorodskih let* [A.M. Gorky of Nizhny Novgorod Years]. Gorky, Volgo-Viatskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1978, pp. 248–250. (In Russ.)
13. *Arhiv A.M. Gorkogo IMLI RAN (Moskva)* [The Archive of A.M. Gorky IWL RAS (Moscow)].

Дата поступления материала в редакцию: 30 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 июля 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.
 Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on March 30, 2023
Revised on July 1, 2023
Accepted on August 15, 2023
Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028329-7

Переосмысление поэзии Браунингов на страницах неовикторианских романов

© 2023 г. Е. В. Халтрин-Халтурина

Доктор филологических наук,
доктор философии в области англоязычной филологии (США),
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
el.haltrin@imli.ru

Резюме. В современном англоязычном неовикторианском романе (А.С. Байетт, Питер Кэри, Мэгги Пауэр, Лора Фиш и др.) важная роль отводится отголоскам из английской поэзии XIX в. — и в частности, жанру “драматического монолога” (dramatic monologue; индивидуально-авторский жанр, родоначальниками которого считаются Роберт Браунинг и Альфред Теннисон). В литературоведении нашего времени термином “драматический монолог” обозначают оформленную стихами речь персонажа, страдающего психическим расстройством и пытающегося соединить откровенность исповеди с искусством спора и соблазнений. Этот монолог обычно адресован другому персонажу — молчаливому собеседнику, перед которым говорящий в порыве красноречия обнаруживает неприглядные стороны своих извращенных проступков или своего характера. В викторианской поэзии XIX в. в драматическом монологе фигурировали те же маргинальные персонажи, которые заполняли собой и сенсационные романы. В статье уделено внимание приемам включения драматических монологов в романы “Обладать” (1990) А.С. Байетт и “Странная мелодия” (2008) Лоры Фиш. Наряду с использованием объемных цитат из Р. Браунинга и Э. Баррет-Браунинг (XIX в.), авторы романов конца XX — начала XXI в. создают собственные, поэтические и прозаические, вариации драматических монологов. Особый исследовательский интерес вызывает сопоставление викторианских и неовикторианских художественных подходов к критериям “нормальности”, к механизмам оправдательной риторики, к приемам аргументации.

Благодарность. Статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022, срок реализации 2023–2024 гг.); проект “Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации”.

Ключевые слова: неовикторианский роман XX–XXI вв., жанр драматического монолога, Роберт Браунинг, Элизабет Баррет-Браунинг, индивидуально-авторские жанры, “поток самозабвения” и “поток самооправданий”, тирада одержимого, медиумизм, переименование истории, поэтическая вольность, поэтика логических ошибок.

Для цитирования: Халтрин-Халтурина Е.В. Переосмысление поэзии Браунингов на страницах неовикторианских романов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 78–86. DOI: 10.31857/S160578800028329-7

Revisiting the Brownings' Poetry in the Pages of Neo-Victorian Novels

© 2023 Elena V. Haltrin-Khalturina

Doct. Sci. (Philol.) (Russia),
PhD in English (USA),

Leading Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
el.haltrin@imli.ru

Abstract. The neo-Victorian novels of our time (by A.S. Byatt, Maggie Power, Laura Fish, et al.) reverberate with echoes from English poetry of the 19th century, and not in the least, from famous dramatic monologues (the genre, which came into existence thanks to Robert Browning and Alfred Tennyson). According to the present-day scholarship, the term “dramatic monologue” denotes the versified speech of a character, who suffers from a mental disorder and tries to combine the frankness of confession with the art of argument and seduction. This monologue is usually addressed to another character — a silent interlocutor, in front of whom the speaker, in a burst of eloquence, reveals the unsightly sides of his perverted doings or his character. In Victorian England, dramatic monologues featured the same marginal characters, which figured in sensation fiction. The article dwells on the ways dramatic monologues are employed in “Possession” (1990) by A.S. Byatt and “Strange Music” (2008) by Laura Fish. The writers not only include extensive quotes from R. Browning and E. Barret-Browning, but also create their own variations of dramatic monologues in verse and prose. Of particular interest are Victorian and neo-Victorian artistic approaches to the criteria of ‘normality’, to the rhetoric of justification, to the methods of argumentation.

Acknowledgements. This research was financially supported by federal grant issued by the Russian Federation Government (agreement no. 23-28-00989 of June 14, 2022; responsibility period 2023–2024); project “English Classical Literature in World Culture: Receptions, Transformations, Interpretations”.

Key words: neo-Victorian novels of the 20th–21st centuries, dramatic monologues, Robert Browning, Elizabeth Barret-Browning, authorial genres, “stream of self-forgetfulness” and “stream of self-justifications”, forceful soliloquy of an obsessed person, mediumship, meddling with history, poetic license, a poetics of fallacies.

For citation: Haltrin-Khalturina, E.V. *Pereosmysleniye poezii Brauningov na stranitsakh neoviktorianskikh romanov* [Revisiting the Brownings' Poetry in the Pages of Neo-Victorian Novels]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 78–86. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028329-7

Рождение неовикторианской прозы приходится на 1960-е годы и совпадает с нижней границей периода британского постмодернизма. Если в качестве одной из первых вех англоязычного постмодернизма нередко называют роман “Конец пути” американского писателя Джона Барта (“The End of the Road”, 1958), то начало неовикторианства в литературе принято отсчитывать от двух романов — “Широкое Саргассово море” Джин Рис (“Wide Sargasso Sea”, 1966; в рус. пер. известно как “Антуанетта”¹) и “Подруга французского лейтенанта” Джона Фаулза (“The French Lieutenant’s Woman”, 1969; в рус. пер. также — “Женщина французского лейтенанта”, “Любовница французского лейтенанта”) (подробнее о периодизации см.: [1]; [2]).

В чем же выражается общая специфика неовикторианской художественной прозы? Согласно известному исследователю этой проблематики Кристиану Гутлибену, в неовикторианских текстах принято возвращаться к “художественным кодам

прошлого” (“fictional codes of the past” [3, p. 218]) — к образным рядам, особенностям менталитета, нравственным устоям и т.д., — однако таким образом, чтобы переписать факты, которые англоязычному автору и читателю XX–XXI веков представляются “исторической несправедливостью” (“historical wrongs”) и которые раньше фиксировались исследователями мировой истории якобы с “предвзятых” позиций (“recorded from highly biased points of view”) [4, p. 1–35]. Среди таковых не последнее место занимают старые расовые, межнациональные, имперские, классовые, гендерные “предрасудки” и споры, от которых авторы неовикторианской прозы пытаются дистанцироваться, помещая в центр своего повествования события и чувства, считающиеся предосудительными в традиционалистском обществе.

Вопросам устойчивой тематики и стилистической тональности неовикторианского романа как группе жанровых разновидностей уже посвящали свои диссертации, монографии и статьи вдумчивые российские исследователи (Потницева, Муратова, Скороходько, Толстых и др. [5]; [6]; [7]; [8]). Было отмечено, что неовикторианская проза предполагает стилизацию под викторианский роман и игру с его стилевыми и жанровыми разновидностями, такими как сенсационный,

¹ Роман Джин Рис представляет собой предысторию приключений героев романа Ш. Бронте “Джейн Эйр” (1847): в нем описано время молодости мистера Рочестера и его первой жены Берты Антуанетты Мейсон. В современной терминологии жанр романа Дж. Рис характеризуют как “prequel” (“приквел”, или предыстория).

детективный, роман воспитания и пр. Отмечалась связь неовикторианского романа со стилистикой кинематографа и компьютерных игр.

В российских исследованиях также перечислены и прокомментированы основные произведения, формирующие так называемый неовикторианский канон. Помимо уже упомянутых романов Джин Рис и Джона Фаулза, это романы призеров многочисленных литературных премий — Питера Акройда, Питера Кэри, А.С. Байетт, Сары Уотерс (Peter Ackroyd, A.S. Byatt, Peter Carey, and Sarah Waters) и др. Среди менее известных в России — “Две лондонские дамы: Странный случай доктора Джекиля и мистера Хайда” (1989) и “Тесс” (1993) Эммы Теннант; “Пентакион, или Квинкунс: наследство Джона Хаффэма” (1989) Чарльза Паллисера; “Мэри Рейли” (1990) Валери Мартин; “Когда-либо потом” (1992) Г.К. Свифта; “Багровый лепесток и белый” (2002) Мишеля Фейбера; “Ревнивое привидение” (2005) Эндрю Нормана Уилсона; “Артур и Джордж” (2005) Дж. Барнса; “Владелица ничего” (2014) К. Пуллингер; “Змей в Эссексе” (2016) Сары Перри, в которых перелицованы произведения сестер Бронте, Р.Л. Стивенсона, Чарльза Диккенса, Томаса Харди, Альфреда Теннисона и Генри Джеймса².

Очень многие неовикторианские романы переведены на русский язык и достаточно активно читаются у нас в стране, хотя система имперских викторианских смыслов и особенности английского менталитета ускользают от внимания — или, вернее сказать, мало заботят — широкого российского читателя. Здесь мы попробуем осветить отдельные культурологические черты английской литературы викторианской (XIX в.) и неовикторианской (рубеж XX–XXI в.) эпох, чтобы прояснить оригинальный контекст ее восприятия для наших читателей (а временами и для переводчиков). Далеко не всегда этот контекст оказывается нейтральным и безобидным для “чужой” аудитории.

Среди общепринятых правил, которых придерживаются авторы неовикторианской прозы, — напоминать читателю о славном для Британии викторианском прошлом (научном, политическом, военном, культурном), а также о существовании

богатого арсенала английских литературных форм и издательских форматов XIX в.

В арсенале неовикторианских литературных отсылок — авторские волшебные сказки и так называемые романы-трехпалубники (triple decker, three-decker, three-volume novel) — трехтомники 1820–1890-х годов, писавшиеся по шаблону, где предусматривался заранее известный круг действующих лиц и определенное место для заранее известных сюжетных поворотов. Неслучайно в конце XIX в. над “трехпалубниками” посмеивались Джером К. Джером и Оскар Уайльд. Среди неовикторианских произведений, опирающихся на английскую культурную память о “трехпалубниках”, упомянем трилогию Сары Уотерс (о нетрадиционной гендерной ориентации), Мэгги Пауэр (о демонических возлюбленных и о навязчивых мыслях об эвтаназии), а также Сары Луизы Смит (о химике, страдающем амнезией)³.

Согласимся с точкой зрения, высказанной по поводу ретроспективных течений, обозначаемых терминами с префиксом “нео-” [9], к которому относится и неовикторианство: подобного рода течения обычно реанимирует не самые центральные традиции того периода культуры, которому подражают и наследуют. В этом отношении любопытно обращение неовикторианского романа как крупной прозаической формы к традициям не только викторианской прозы, но и находящейся как бы в стороне от нее поэзии.

Примечательно также использование в викторианском драматическом монологе механизмов оправдательной риторики. После английских романтиков, опиравшихся в своих медитациях и исповедальной лирике на так называемый поток самозабвения (термин Вордсворта: “a quiet stream of self-forgetfulness”), викторианцы создают монологи персонажей, пытающихся оправдать свои проступки, но забывающих о том, что некоторые предосудительные детали лучше в разговоре не упоминать. Увлекаясь своим красноречием, грешники забываются и обличают сами себя. Их “поток оправданий” (термин предложен нами. — Е.Х.-Х.) предвосхищает еще один поток мыслей, весьма хаотичный, заполняющий собой сознание персонажей уже более поздней, модернистской, литературы: “поток сознания”. Постмодернистская литература, которой принадлежат и неовикторианские романы,

² В оригинале: Emma Tennant’s “Two Women of London: The Strange Case of Ms. Jekyll and Mrs. Hyde”, “Tess”; Charles Palliser’s “Quincunx (The Inheritance of John Huffam)”; Valerie Martin’s “Mary Reilly”; G.C. Swift’s “Ever After”; J.P. Barnes’s “Arthur & George”; Michel Faber’s “The Crimson Petal and the White”; A.N. Wilson’s “A Jealous Ghost”; K. Pullinger’s “The Mistress of Nothing”; Sarah Perry’s “The Essex Serpent”.

³ В оригинале: Sarah Waters (“Tipping the Velvet”, 1998; “Affinity”, 1999; “Fingersmith”, 2002); Maggie Power (“Goblin Fruit”, 1987; “Lily”, 1994; “Porphyria’s Lover”, 1995); Sarah Louisa Smith (“The Vanished Child”, 1992; “The Knowledge of Water”, 1996; “A Citizen of the Country”, 2000).

помещает викторианские “потoki оправданий” под увеличительное стекло современных прозаиков, владеющих различными толковательными приемами, включая приемы пристального чтения, деконструктивизма и нового, субъективного, конструктивизма.

Механизмы оправдательной риторики в устах лиц, одержимых каким-либо недугом или темной страстью, и способы переименования действительности — вот что, как нам представляется, находится в центре внимания драматического монолога, а также и в центре внимания неовикторианского романа. И в этой крайней эмоциональной субъективности, маскирующей под объективность, их общий риторический посыл.

В английской поэзии XIX в. отдушиной для подобного рода не вполне нормальных, маргинальных высказываний сделался жанр драматического монолога. Драматический монолог (*dramatic monologue*) — это особый индивидуально-авторский жанр викторианской литературы, изначально известный по многочисленным образцам, созданным Браунингом и Теннисоном, а впоследствии породивший множество подражаний среди англоязычных поэтов, включая Эзра Паунда и Т.С. Элиота. В наши дни драматические монологи нередко появляются в виде поэтических вкраплений в неовикторианских романах, в чем здесь мы еще раз убедимся.

Викторианскому драматическому монологу посвящена обширная научная литература, хотя следует отметить, что опубликована она в основном на английском языке. (Подробнее см., например: [10]; [11].) Как правило, под драматическим монологом подразумевается самостоятельное стихотворение, написанное любым размером и не являющееся отрывком какого-либо драматического произведения. Этот монолог произносится персонажем, страдающим психическим расстройством, а адресован он молчаливому слушателю, которого говорящий случайно или специально посвящает в свою предосудительную тайну.

Поясним, что здесь мы оперируем дословным переводом английского литературоведческого термина “*dramatic monologue*”. Далеко не все российские исследователи опираются на этот термин. Так, Е.И. Клименко, автор монографии “Творчество Роберта Браунинга” 1967 г. [12], предпочитала использовать выражение “лирические монологи”, или просто “монологи Браунинга”, при этом дословно переводя его подзаголовки “драматическая поэма” и “драматическая лирика”.

Полезно отметить, что сам литературоведческий термин “*dramatic monologue*” не вполне совпадает с авторской терминологией его признанных основоположников Браунинга и Теннисона (они использовали сочетания слова “драматический” с разного рода существительными: поэма, стихотворение, лирика, романс и пр.). Как термин, характеризующий жанровую разновидность викторианской литературы, “драматический монолог” закрепился в англоязычном обиходе к концу 1910-х годов (см. исследование Сэмюэля Кари: [13]). Важнейшая веха в истории жанра — работа 1957 г. Роберта Лангбаума “Поэзия опыта: драматический монолог в современной литературной традиции”, где высказана мысль о противоборстве чувств, которые пробуждаются у читателей такого рода поэзии. А именно: одновременно возникает симпатия к говорящему и желание его осудить (*sympathy versus judgement*) [1, p. 75–108].

Все современные нам западные специалисты по литературе викторианской эпохи акцентируют обычное для героев драматических монологов духовно-нравственное нездоровье, используя такие слова, как *abnormal*, *mad*, *unwholesome*, *perverse*, *deviant*, *illicit*, *fallen*, *criminal*, *ambitious*, *self-annihilating*, *psychotic*, *suicidal*. Попытки оправдать в процессе длинного монолога свои скрытые проступки / преступления часто приводят персонажа к противоположному результату: слушатель постепенно догадывается о неприглядной стороне дела.

Нельзя не согласиться, что корнями поэтическая исповедь безумца или злоумышленника глубоко уходит в мировую художественную традицию, человеческое безумие никогда не было обделено вниманием философов, богословов, моралистов и медиков. Однако естественнонаучный подход к психическим расстройствам получил в XIX в. новое развитие и даже видные поэты — Теннисон и Браунинг — увлеклись рассмотрением речевого самовыражения душевно травмированных лиц.

Каждый драматический монолог — яркое выступление некоего персонажа, кажущегося весьма достойным человеком, но, вместе с тем, тайно отягощенного дурными страстями. Он произносит тираду по какому-нибудь особому поводу (заключение договора, продажа имущества, посещение спиритического сеанса и пр.), стараясь контролировать свои мысли, изъясняться логично и добиться определенного, полезного для себя результата, опираясь на особые способы аргументации: уловки в споре (софизмы, произвольные

доводы, мнимые доказательства, психологические уловки, логические ошибки и пр.). И все-таки его дурные наклонности и воспоминания о проступках, какие обычно не произносят вслух, то и дело промелькивают в, казалось бы, совершенно разумных речах этого не вполне надежного рассказчика (“unreliable narrator”). Заметно в драматическом монологе и молчаливое присутствие какого-либо нейтрального или скептически настроенного слушателя, на чью реакцию говорящий отвечает красноречивым потоком самооправданий.

От каких произведений в зарубежном литературоведении принято вести отсчет существования жанра викторианского драматического монолога?

В ноябре 1833 г. Альфред Теннисон прочел друзьям свое мрачно-ироничное стихотворение “Святой Симеон Столпник” (“St. Simeon Stylites”, опубл. 1842), которое в кембриджских и оксфордских справочниках фигурирует как первый образец викторианского драматического монолога [10, р. 69]. Теннисон изобразил аскета как человека, не чуждого эгоизма и легко впадающего в духовную прелесть. В январе 1836 г. Роберт Браунинг опубликовал собственную пробу пера в такого рода поэзии — “Любовник Порфирии” и “Иоганн Агрикола медитирует” (“Porphyria’s Lover”, “Johannes Agricola in Meditation”).

Ситуации, представленные в драматических монологах Теннисона и Браунинга, охватывают широкий спектр психических отклонений (что акцентируется в англоязычном литературоведении): от измененного сознания вкушающих лотос или неуместного проявления болезненного тщеславия и пристрастия к роскоши (“Епископ заказывает надгробный камень”) и навязчивой идеи увидеть погибшего друга (отрывки из “In Memoriam”) до сенсационного опыта общения с воскресшим покойником (монолог врача-терапевта, якобы наблюдавшего воскрешение Лазаря) и тайного убийства молодой супруги (“Моя последняя герцогиня”)⁴. В Великобритании XIX в. драматическая лирика такого рода занимала очень видное место. А сегодня небезынтересно наблюдать, как на постколониальных пространствах бывших британских владений этот поэтический жанр “вселяется” в неовикторианские романы.

⁴ В оригинале: из Теннисона — “Ulysses”; passages from “In Memoriam”; “The Lotos-Eaters”; из Браунинга — “The Bishop orders his Tomb”; “An Epistle Containing the Strange Medical Experience of Karshish, the Arab Physician”; “My Last Duchess”.

Как же строится подобного рода монолог?

Когда персонаж, совершивший запретное, но не раскаивающийся в случившемся, произносит перед другим человеком нечто похожее на исповедь, то он мысленно редактирует сказанное и описывает всю ситуацию так, чтобы обелить себя и свои действия. Утверждая слушателя (а заодно и себя) в мысли о своей невинности, персонаж пускает в ход известные приемы ошибочной аргументации, распространенные в демагогии. Среди них — нерелевантные доводы (non sequitur), апелляция к личности (ad hominem), доведение до абсурда (ad absurdum), апелляция к большинству (ad populum) и мн. др. В результате словесной казуистики складывается ложное представление о реально произошедших событиях, картина действительности искажается.

Тем не менее, в кривом зеркале ложных показаний, насыщающих драматические монологи, отображается немало деталей, способствующих выявлению истины. Поэтому подходить к чтению драматических монологов необходимо с позиции дознавателя, изучающего подозрительные факты.

Совсем не случайно в неовикторианской прозе конца XX — начала XXI в., связанной с детективными и криминальными сюжетами, широко используется опыт создания викторианских драматических монологов-показаний (и в стихах, и в прозе): персонаж пытается выстроить риторически безупречное и убедительное самооправдание, которое в итоге превращается в самообличение.

Наглядным примером к сказанному может послужить роман австралийского писателя Питера Кэри “Джек Мэггс” (*Jack Maggs*, 1997; переосмысление “Больших надежд” Диккенса): несмотря на старание заглавного героя постоянно скрывать тайну своего каторжного прошлого, он выдает себя высказываниями, проскакивающими то в письмах, адресованных его юному подопечному Фиппсу, то во время сеансов лечебного гипноза в присутствии экспериментатора Тобиаса Отса. Признания Джека Мэггса во время этих сеансов стилистически очень напоминают викторианские драматические монологи, посвященные медиумам и месмеризму.

Приведем другой пример.

Из поэтических текстов, которые Антония Байетт включила в свой роман “Обладать”, выделяются три драматических монолога. Первый — внушительный эпиграф — это цитата из браунинговского стихотворения “Мистер Сладж, медиум” (“Mr Sludge, ‘the Medium’ ”; опубл. 1864), в котором адепт спиритуализма Сладж рассуждает

21

MUMMY POSSEST

Look, Geraldine, into the stones of fire
 I spread my hands out on the velvet cloth—
 Come closer, child, if you would learn to scry
 And read the hieroglyphics of my rings!
 See, how the stones glow on the milky skin—
 Beryl and emerald and chrysoprase—
 The gifts of lords and ladies, which I prize
 Not for their cost, but for their mystic sense
 The subtle silent speech of Mother Earth.

Your hands, like mine, are sweetly soft and white.
 I touch your fingers, and the electric spark
 Springs twixt our skins—you sense it? Good. Now see
 The shifting lights move on the stones and see
 If any vision show itself to you
 As, it may be, a mystic Face, all flushed
 With floating radiance of actinic light,
 Or, it may be, the interlacing boughs
 Of God's unearthly Orchard of Desire.
 What do you see? A spider-web of light?
 That's a beginning. Soon the lines will form
 The blessed showings of the Spirit World.

Lights are Intelligences in our minds, whose force
 We no more comprehend than here, in these
 Glittering jewels, we can say how rose
 Or sapphire blue or emerald steady shines,
 Or what makes all the brilliant colours glow
 Along the throat of the Arabian bird,
 Whilst here, in milder air, her neck is grey
 Or in the Polar void a brilliant white.
 Thus in God's Garden the stones speak and shine.
 Here we may read their silences, or scry
 Eternal forms in earthly blocks of light.

Take up the crystal ball, sweet Geraldine.
 Gaze on the sphere. Observe how left and right,
 Above, below, reverse themselves in this
 And in its depth a glittering chamber lies
 Like a drowned world with downward-pointing flames,
 This room in miniature, all widdershins.
 Look steadily, and you will see all shift
 Under the veils of spirit vision, see
 What is not *here*, but comes from o'er the bourn.
 My face, reversed, shall bathe in rosy fronds
 As in her rocky cave, *Actinia*
 The sea-anemone, puts out a cloud
 Of hidden halo of odylc force—
 And after mine, you shall see other Forms
 In other lights, come swimming into view,
 You shall, I swear it. Still be patient.
 The force is fitful, and the vital spark
 Which kindles in the Medium and lights
 Conductive channels for the venturesome
 Friends in the Spirit, leaps and dies again
 Like Will-o-the-Wisps, or marsh-lights flickering.

I have called you here to teach you certain things.
 You made a good beginning, all agreed.
 Last Sunday's trance was deep and absolute.
 I held your fainting form against my breast
 Whilst spirits jostled at those pretty lips
 To speak their pure consoling speech, though *some*
 Forced through their vileness that your innocence
 Could never in its waking hours have framed
 In thought or word. To these I cried "Avaunt!"
 And fought them off, and in my listening ear

Ил. 1. Страница из романа А.С. Байетт "Обладать". Текст 21-й гл. целиком представляет собой драматический монолог, написанный автором романа в подражание поэзии Роберта Браунинга

о своем искусстве и необходимости временами прибегать к лукавству и фокусам. Второй и третий монологи (составляют гл. 11 и 21 романа) написаны самой Байетт в технике пастиша и предполагают авторство одного из героев ее романа — поэта мистера Рэндольфа Эша (в опубл. рус. пер. — Падуба). Их названия — "Сваммердам" (это предсмертная исповедь голландского микробиолога и энтомолога XVII в. Яна Сваммердама, умирающего в христианском госпитале Антуанетты Буриньон) и "Одержимая мумия"⁵ (указания женщины-медиума, адресованные неопытной ассистентке и касающиеся того, как успешно

провести спиритический сеанс). (См. прилагаемую ил. 1).

Среди неовикторианских романов имеются и такие, где приводятся пространные выдержки из поэзии "противоречивых показаний" Роберта Браунинга и его супруги Элизабет Баррет-Браунинг.

В этом контексте нельзя обойти вниманием роман британско-карибской писательницы Лоры Фиш "Странная мелодия" ("Strange Music", 2008; Laura Fish), где сочетается стратегия оправдательно-обвинительного дискурса с использованием отголосков и длинных цитат из поэзии XIX в. Роман богат на отголоски из жизни и поэзии Элизабет Баррет-Браунинг. Кроме того, принадлежащий ее перу драматический монолог, состоящий из 36 строф, "Беглая рабыня на Плимутской скале" ("The Runaway Slave at Pilgrim's Point", 1844/1848) полностью воспроизведен в конце романа.

⁵ Букв. "Mummy possess" — точная цитата из "Алхимии любви" Джона Донна. Оба монолога, созданные Байетт, поясняют название романа "Possession" в смысле "одержимость": в исповеди Яна Сваммердама это одержимость ученого, поглощенного научным изысканием, которое не прекращается до самой смерти; в откровениях женщины-медиума об искусстве организации спиритических сеансов открываются другие понимания "одержимости".

“Беглая рабыня” Э. Баррет-Браунинг — это исповедь негритянки, чей чернокожий возлюбленный убит ее же насильниками — белыми плантаторами. У нее рождается дитя “слишком белое, слишком белое для нее” (“For hark! I will tell you low, low, / I am black, you see, — / And the babe who lay on my bosom so, / Was far too white, too white for me”, st. XVII, ls. 113—116). Задушив новорожденного и закрыв белизну его тела черной землей, женщина пытается совершить побег, но охотники за рабами настигают ее на “мысе Пилигрима” — на скалистом берегу Плимутской бухты, там, где выходили на берег прибывшие в Новую Англию первые белые поселенцы. На Плимутской скале, ставшей символом свободы от Старого Света, черная женщина погибает: ее запарывают насмерть. “Странную мелодию” этого стихотворения⁶ своим голосом подхватывает героиня по имени Шибба (Sheba), как бы предвосхищая описанную в нем трагедию. Еще один голос, самой поэтессы Элизабет, вторя Шиббе, превращает монолог в диалог, который встроен в переключку с другими аболиционистскими произведениями⁷.

Лора Фиш выносит отсылки к драматическому монологу Баррет-Браунинг на поверхность: в тексте романа воскрешаются и домысливаются страницы биографии викторианской поэтессы и придумывается возможная история создания ее знаменитой “Беглой рабыни”⁸. Общая канва романа совпадает с реальной историей семьи Барретов. Дело в том, что родители викторианской поэтессы своим благосостоянием были обязаны сахарным плантациям на Ямайке, где их близкие

⁶ Стихотворение написано в отрывистом ритме, являющем смешение ямба и анапеста, что производит впечатление нервной и сбивчивой речи — имитация монолога отчаявшейся женщины, беглой рабыни. Выражение “strange music” фигурирует в переписке Браунингов, однако это выражение восходит к поэзии Вордсворта, писавшего об обездоленных людях, перенесших серьезные испытания (ср. строку “The still, sad music of humanity” из “Тинтернского аббатства”).

⁷ Другие голоса романа Лоры Фиш навевают ассоциации с мемуарами бывших рабов — Фредерика Дугласа (Narrative of the Life of Frederick Douglass, 1845), Харriet Джекобс (Incidents in the Life of a Slave Girl, 1860), а также с постколониальными произведениями — “Возлюбленной” Тони Моррисон (“Beloved”, 1987), “Стратегией” Истона Ли (“Strategy”, 1996), “Собственностью” Валери Мартин (“Property”, 2003) и “Маковым морем” Амитава Гоша (“Sea of Poppies”, 2008). Отголоски этих историй узнаваемы на уровне явных и скрытых цитат в произведении Лоры Фиш, где тесно переплетаются викторианские и постколониальные драматические исповеди — как прозаические, так и поэтические.

⁸ Небезынтересно сравнить постмодернистскую перелицовку биографии Элизабет Баррет-Браунинг с игровой модернистской (В. Вулф, очерк “Флаш”). Подробнее о “Флаше” см., например: [14].

родственники жили начиная с 1650-х годов. Де-душка Элизабет по материнской линии, Джон Грэм-Кларк, владел не только плантациями, но и стекольными заводами, а также кораблями, курсировавшими между Ямайкой и Англией. Осознание того, что ее обеспеченность и беззаботное детство зиждилось на рабском труде, впоследствии явилось для Элизабет Баррет-Браунинг причиной душевных терзаний и стимулом к созданию поэзии в духе аболиционизма. Самой Элизабет на Ямайке не приходилось бывать. Сочинив “Беглую рабыню” (которую она, кстати сказать, создала для ежегодника аболиционистов по сбору средств в Америке), поэтесса описала собирательный образ и выбрала в качестве декораций побережье Новой Англии (ныне штат Массачусетс, США).

Лора Фиш строит свой роман так, будто бы трагедия, изложенная в “Беглой рабыне”, случилась с женщиной, которую Барреты знали. Для достоверности писательница опирается на некоторые факты из архива их плантаторских родственников — переписку и дневники, используя документы в качестве отправной точки для своих вымыслов. По сути, Лора Фиш — опираясь на документы — фальсифицирует и биографию Элизабет Баррет-Браунинг, и историю в целом. Подобное обращение с источниками можно назвать поэтической вольностью, а можно — фиктивизацией и искажением реальных событий. Для постмодернистской литературы такое искажение в порядке вещей, ибо, как полагают постмодернисты, нет ничего объективного: любая позиция и любое изложение прошлых событий ошибочно. Красноречив в этом отношении пример из романа А.С. Байетт “Обладать”: профессор литературы каждый год предлагает своим студентам скопировать вручную, переписать определенный отрывок текста. Стараясь выполнять задание аккуратно, студенты каждый раз что-нибудь упускают из вида:

Роланд понимал, что переписанный текст — это уже не то, хотя бы потому, что в него наверняка вкрались неточности: статистика показывает, что они почти неизбежны. Мортимер Собрайл (Mortimer Cropper) заставлял своих аспирантов переписывать фрагменты текстов — обычно из произведений Рандольфа Генри Падуба (Randolph Henry Ash), — потом переписывать переписанное, перепечатывать то, что получилось, и придирчивым редакторским глазом выискивать ошибки. Текстов без ошибок не бывает, утверждал Собрайл (Cropper). Даже изобретение простой в обращении копировальной техники не избавило аспирантов от этих уничижительных упражнений. Аспидс (Blackadder) подобными методическими приёмами не пользовался, хотя и он отмечал и исправлял тьму ошибок,

разражаясь одним и тем же набором колкостей по поводу упадка образования в Англии (из гл. 3 романа "Обладать", пер. В.К. Ланчикова и Д.В. Псурцева).

Доводя до абсурда утверждение о невозможности не допускать ошибки, некоторые авторы постмодернистских сочинений склоняются к тому, чтобы эти ошибки сознательно насаждать, находя в этом особую пикантность.

Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям.

Включая в современную прозу исповеди ущемленных, маргинальных, нравственно и/или физически нездоровых персонажей, неовикторианцы размещают эти речи между полюсами, изначально существовавшими в викторианских драматических монологах: между симпатией и осуждением (*sympathy versus judgement*). Однако теперь симпатия (в силу ностальгического звучания многих неовикторианских текстов) явно берет верх. Многие отрицательные фигуры ушедших столетий здесь претерпели реабилитацию.

Что касается поэтической и эмоционально-лирической составляющей драматических монологов — или драматической лирики, как называл ее Роберт Браунинг, — то она частично сохранена в неовикторианской прозе: в виде стихотворных вставок в романах фигурируют отрывки из произведений XIX в., а временами и современные им подражания (см. "Обладать" Антони Байетт, "Странную мелодию" Лоры Фиш, "Любовника Порфирии" Мэгги Пауэр и др.). Однако помимо лирической составляющей этих поэтических вставок, неовикторианская проза получает от них и сильный драматический заряд. Помимо лирических отступлений и исповедей, в текст вторгаются полемические диалоги, постоянно подогреваемые эмоциональным лирическим высказыванием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Langbaum, Robert. *The Poetry of Experience: The Dramatic Monologue in Modern Literary Tradition*. New York: Random House, 1957. 246 p.
2. Hadley, Louisa. *Neo-Victorian Fiction and Historical Narrative: The Victorians and Us*. (p. 181). Basingstoke (UK), Palgrave Macmillan, 2010. Kindle Edition.
3. Gutleben, Christian. *Nostalgic Postmodernism: The Victorian Tradition and the Contemporary British Novel*. Amsterdam & N.Y.: Rodopi, 2001. 248 p.
4. Kohlke, Marie-Luise. Introduction: Speculations in and on the Neo-Victorian Encounter. *Neo-Victorian Studies*, 2008, Vol. 1, pp. 1–18.
5. Потнищева Т.Н. Современные импровизации на викторианскую тему: Поиски культурной идентичности // *Филология в системе современного университетского образования*. 2002. Вып. 5. С. 62–67. Электр. версия: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/potnitseva-improvizacii-na-viktorianskuyu-temu.htm> [Potnitseva, T.N. *Sovremennyye improvizatsii na viktorianskuyu temu: Poiski kulturnoy identichnosti* [Contemporary Improvisations on a Victorian Theme: The Search for Cultural Identity]. *Filologiya v sisteme sovremennogo universitetskogo obrazovaniya* [Philology in the System of Modern University Education]. 2002. Iss. 5, pp. 62–67. (In Russ.)]
6. Муратова Я.Ю. Опыт реконструкции викторианского мира в произведениях А.С. Байетт // *Английская литература от XIX в. к XX, от XX к XIX: проблема взаимодействия литературных эпох* / отв. ред. А.П. Саруханян, М.И. Сverdlov. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 507–549. [Muratova, Ya.Yu. *Opyt rekonstruktsii viktorianskogo mira v proizvedeniyakh A.S. Bayyett* [The Experience of Reconstructing the Victorian World in the Works of A.S. Byatt]. *Angliyskaya literatura ot XIX v. k XX, ot XX k XIX: problema vzaimodeystviya literaturnykh epoch* [English Literature from the 19th Century to 20th, from 20th to 19th: the Problem of Interaction of Literary Eras]. Gen. ed. A.P. Sarukhanyan, M.I. Sverdlov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 507–549. (In Russ.)]
7. Скороходько Ю.С. Неовикторианский роман младшего поколения: Поэтика и жанровые разновидности. М.: Флинта; Наука, 2018. 376 с. [Skorokhodjko, Yu.S. *Neoviktorianskiy roman mladshego pokoleniya: Poetika i zhanrovyye raznovidnosti* [The neo-Victorian Novel of the Younger Generation: Poetics and Genre Varieties]. M.: Flinta; Nauka Publ., 2018. 376 p. (In Russ.)]
8. Толстых О.А. Неовикторианский роман в английской литературе конца XX века (на материале романов А.С. Байетт и Д. Лоджа). Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. 141 с. (Tolstikh, O.A. *Neoviktorianskiy roman v angliyskoy literature kontsa XX veka (na materiale romanov A.S. Bayyett i D. Lodzha)* [The Neo-Victorian Novel in English Literature of the late 20th Century (On the Basis of the Novels by A.S. Byatt and D. Lodge)]. Chelyabinsk, Ed. Center of SUSU Publ., 2012. 141 p. (In Russ.)]
9. Зусева-Озкан В.Б. Префикс "нео-" в культурной и научной рефлексии // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 4. С. 28–43. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-28-43. [Zuseva-Özkan, V.B. *Prefiks 'neo-' v kulturnoi i nauchnoi refleksii* [Prefix "Neo" in the Cultural and Scientific Reflection]. *Studia Litterarum*. 2019, Vol. 4, No. 4, pp. 28–43. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-28-43). (In Russ.)]
10. Pearsall, Cornelia D. *The dramatic monologue. The Cambridge Companion to Victorian Poetry*. Ed. J. Bristow. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 67–88.

11. Hughes, Linda K. *Dramatic Monologue. The Cambridge Introduction to Victorian Poetry*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 15–21.
12. Клименко Е.И. Творчество Роберта Браунинга. Ленинград: Изд. Ленинградского университета, 1967. 228 с. [Klimenko, E.I. *Tvorchestvo Roberta Brauninga* [On the works of Robert Browning]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1967. 228 p. (In Russ.)]
13. Curry, Samuel Silas. *Browning and the Dramatic Monologue: Nature and Interpretation of an Overlooked Form of Literature*. Boston: Expression Co., 1908. 308 p.
14. Халтрин-Халтурина Е.В. Поэтика композиции в “биографиях души” У. Вордсворта и В. Вулф: “моменты видения” // Английская литература от XIX в. к XX, от XX к XIX: проблема взаимодействия литературных эпох / отв. ред. А.П. Саруханян, М.И. Свердлов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 84–113. [Haltrin-Khalturina, E.V. *Poetika kompozitsii v “biografiyakh dushi” U. Vordsvorta i V. Vulf: “momenty videniya”* [A Poetics of Composition in the ‘Biographies of the Mind’ by W. Wordsworth and V. Woolf: ‘Moments of Vision’]. *Angliyskaya literatura ot XIX v. k XX, ot XX k XIX: problema vzaimodeystviya literaturnykh epoch* [English Literature from the 19th Century to 20th, from 20th to 19th: The Problem of Interaction of Literary Eras]. Gen. ed. A.P. Sarukhanyan, M.I. Sverdlov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 84–113. (In Russ.)]

Дата поступления материала в редакцию: 29 июня 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 августа 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.

Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on June 29, 2023

Revised on August 12, 2023

Accepted on August 15, 2023

Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028330-9

Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей

© 2023 г. Р. И. Воронцов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
roman.vorontsov.86@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается система фундаментальных категорий толковой лексикографии, среди которых центральное место занимает категория нормативности. С опорой на классические работы по теории лексикографии и с учетом достижений современного языкознания выявляется сущностная специфика нормативного толкового словаря. Категория нормативности анализируется с точки зрения системно-лингвистического, функционального, социального и исторического аспектов, рассматривается в связи с проблемой системного отражения в толковом словаре нормы литературного языка. На основе предложенного понимания нормативности выстраивается система антиномий толковой лексикографии и описываются типы фундаментальных толковых словарей русского языка, которые могут быть реализованы в современных технологических условиях.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00407, <https://rscf.ru/project/23-28-00407/>

Ключевые слова: лексикография, типология словарей, толковый словарь, нормативность, историзм, литературный язык, языковая норма.

Для цитирования: Воронцов Р.И. Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 87–108. DOI: 10.31857/S160578800028330-9

Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology

© 2023 Roman I. Vorontsov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
roman.vorontsov.86@gmail.com

Abstract. The article deals with a system of fundamental categories of explanatory lexicography, the key one being the category of normativity. Based on the classical works in theoretical lexicography and with respect to the current achievements of linguistics, the author uncovers the ontological specifics of a normative explanatory dictionary. The category of normativity is analyzed in terms of structural, functional, social, and historical aspects; the analysis also accounts for the problem of consistent interpretation of the literary language norm in an explanatory dictionary. The proposed understanding of the category of normativity helps to create a system of antinomies typical of explanatory lexicography and to present the types of fundamental explanatory dictionaries of the Russian language that are to be implemented under current technological conditions.

Acknowledgements. The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00407/>

Key words: lexicography, dictionary typology, explanatory dictionary, normativity, historicism, literary language, language norm.

For citation: Vorontsov, R.I. *Normativnost v sisteme fundamentalnyh kategorij tolkovoj leksikografii: k probleme tipologii slovarej* [Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 87–108. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028330-9

1. Постановка проблемы

Российская толковая лексикография сегодня находится на переходном этапе своего развития: от традиционных бумажных словарей (в том числе многотомных) к электронной репрезентации лексикографических описаний. За более чем два столетия плодотворной словарной работы (начиная со “Словаря Академии Российской” (1789–1794) [1]) отечественными лексикографами приобретен колоссальный опыт, реализованы крупнейшие словарные проекты. Однако, вместе с тем, накоплено и немало ошибок, противоречий, неоптимальных решений и подходов. Развитие научной теории лексикографии, получившее импульс в середине XX в. в связи с началом разработки и издания серии академических толковых словарей русского языка, сопровождалось потоком критики (по большей части заслуженной и конструктивной) в адрес лексикографов (см. хотя бы [2]–[6]).

Заметим, что многие из критикуемых аспектов относятся к разряду “вечных” лексикографических вопросов: это и объект словарного описания (вопрос о литературном языке и его хронологических и социолингвистических границах), и эмпирическая база словаря (функционально-стилистические, тематические и прочие разновидности текстов-источников), и системность словарного описания, комплексно учитывающая лексико-грамматическую специфику словарного состава, и способы дискретного описания континуальной семантики слова, и учет различных типов вариантности, и мн. др. При этом центральной проблемой, требующей принципиального решения в условиях перехода к новой — цифровой — методологии создания толковых словарей, безусловно, является проблема их *типологии*. Разработка новой типологии, которая бы учла достижения предшественников, но в то же время была бы избавлена от противоречий прошлого, станет важной теоретической предпосылкой будущей словарной работы.

Толковые словари академического типа, в наиболее полном виде описывающие общеупотребительную лексику русского литературного языка, составляют основу современного “лексикографического мейнстрима” [7, с. 130], который представлен тремя типами “нормативных общих словарей”, описанных С.И. Ожеговым более полувека назад: большой, “представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе”, средний, “с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка”, и краткий, “стремящийся к активной нормализации современной литературной речи” [8, с. 165–166] (первая публикация — 1952). Эта хрестоматийная трихотомия до настоящего времени остается единственной, но в современной лексикографической ситуации, характеризующейся стихийностью развития, она уже не вполне соответствует истинному положению дел. Так, сегодня наблюдается заметная динамика внутри типов среднего и краткого словаря, тогда как большой словарь, являющийся трудом грандиозного масштаба, остается довольно стабильным [9]. При этом (заметим в скобках) именно толковый словарь большого типа обладает наиболее противоречивой концепцией (см. [10]).

Типология Ожегова создавалась в начале 1950-х годов с учетом существовавших тогда лексикографических изданий: однотомного “Словаря русского языка” под ред. С.И. Ожегова (далее — СОЖ) [11] (краткий тип), “Толкового словаря русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова [12] (средний тип) и первых томов будущего 17-томного “Словаря современного русского литературного языка” (далее — БАС-1) [13] (большой тип) — и, таким образом, как бы подводила промежуточный итог выполняемой словарной работы. На тот момент еще не был издан 4-томный “Словарь русского языка” под ред. А.П. Евгеньевой (далее — МАС) [14] и не проявились со всей отчетливостью противоречия концепции БАС-1. Выделенные Ожеговым типы толковых словарей не получили

(и не могли тогда получить) глубокого теоретического обоснования, так как лексикографы не обладали еще тем опытом, который приобрели позднее. Прогностическая (или “стимулирующая” [15]) функция трихотомии по объективным причинам не стала ее сильной стороной, и сегодня типология толковых словарей русского языка требует переосмысления.

Для того чтобы приблизиться к решению этой актуальной задачи, необходимо, прежде всего, выявить и с учетом достижений современного языкознания определить основные, фундаментальные категории толковой лексикографии в их взаимосвязи. В формулировках Ожегова представлены понятия *нормативного словаря*, *современного литературного языка*, *исторической перспективы*, *нормализации речи*. Эти, в сущности, расхожие термины требовали и требуют системного дополнения и уточнения.

Центральной категорией трихотомии является нормативность. Все русские толковые словари XX в., начиная со словаря под ред. Д.Н. Ушакова, декларируют нормативность как свой основополагающий принцип. Представляется, что не последнюю роль в таком настойчивом продвижении нормативности сыграл “травмирующий” опыт “шахматовской редакции” академического “Словаря русского языка” [16]. Встав во главе этого предприятия, А.А. Шахматов, понимавший нормативность как ограничение реального словоупотребления, полностью отверг нормативное начало словаря, предложив описывать в нем все без исключения слова как из письменных источников, так и из живого употребления. В результате словарь оказался незавершенным, фрагментарным и во многом непоследовательным.

В 1930-е годы принцип нормативности словарного описания был поставлен во главу угла. При этом никто из академиков, участвовавших в обсуждении главных словарных проектов страны, не мог точно определить эту категорию. Так, на собрании ОЛЯ АН СССР, где обсуждался проект будущего БАС-1, лейтмотивом звучит тезис о неясности этого термина: ср., например, высказывания А.С. Орлова: “Нормативность — это слово довольно-таки неопределенное” [17, с. 9] и Л.В. Щербы: “Самым важным вопросом является вопрос относительно нормативности <...>. И я должен сказать, что тут имеется очень много трудного и страшно сложного” [17, с. 51]. В это же время Щерба работает над своим знаменитым “Опытом общей теории лексикографии” [18, с. 265–304] (первая публикация — 1940), в котором ему удается глубже других проникнуть

в сущность проблемы. Дальнейшее развитие толковой лексикографии показало, что щербовская трактовка категории нормативности значительно опередила свое время, и сегодня она как никогда актуальна.

Активное развитие теоретической лексикографии, теории литературного языка, теории языковой нормы и смежных научных направлений во второй половине XX в. позволило углубить и систематизировать представления ученых о нормативности толкового словаря (см. [3]; [5]; [19]–[23]). В то же время, как будет показано далее, нельзя сказать, что был выработан единый подход к интерпретации этой категории.

Нормативность входит в число фундаментальных категорий толковой лексикографии, определяющих, по Г.Н. Скляревской, “дух словаря”: это категории, обуславливающие объект словарного описания, типологические признаки словаря, его место в системе словарей; и в этом смысле они противопоставлены эмпирическим параметрам, таким как адресат, состав словника, стилистические квалификации и т.д. [22, с. 16]. В данной работе мы предпринимаем попытку обобщить накопленный противоречивый опыт анализа нормативности толкового словаря и вписать эту категорию в систему прочих фундаментальных категорий толковой лексикографии. Оптимальным методом для решения поставленной задачи представляется построение словарной типологии, основанной на системе антиномий.

2. Природа нормативности толкового словаря

2.1. Нормативность в кругу смежных явлений

Расплывчатость термина “нормативность” приводила и приводит к сближению выражаемого им понятия с некоторыми смежными категориями. Поэтому, чтобы более отчетливо представить, чем в сущности является нормативность толкового словаря, необходимо сначала отграничить ее от того, чем она *не* является.

Так, во-первых, очень устойчиво представление о нормативном словаре как о “законодателе норм словоупотребления” [20, с. 33], который “предписывает” носителям языка, как употреблять языковые средства [24, с. 22]. Данный подход весьма распространен не только в теории лексикографии, но и, прежде всего, в самом обществе, которое формирует запрос на авторитетный источник информации о “правильном” словоупотреблении. Такое утилитарное понимание поддерживается и установками, которые задает лексикографам государство. В частности, в Постановлении

Президиума АН СССР от 5 августа 1937 г. (о начале работы над БАС-1) к будущему словарю, помимо прочего, предъявляются такие требования: он должен быть “*нормативным*, должен <...> явиться практическим проводником *правильного понимания* социального значения словарного состава языка, *правильного употребления* форм и оборотов русского языка (курсив мой. — Р.В.)” [25, с. 80]. Схожие формулировки находим и в новом Федеральном законе 2023 г.: “под нормами современного русского литературного языка понимаются *правила использования* языковых средств, зафиксированные в *нормативных* словарях, справочниках и грамматиках (курсив мой. — Р.В.)” [26].

Нормативность в такой трактовке понимается очень узко и, по сути, подменяется прескриптивностью — принципом, согласно которому словарь является сводом *предписаний* о том, как люди *должны* пользоваться языком [27, с. 2]. Прескриптивные словари создавались в старой лексикографической традиции (“Словарь Французской Академии” (с 1694 г.) [28], “Словарь английского языка” С. Джонсона (1755) [29], отчасти “Словарь Академии Российской” (1789–1794) [1]), их задачей было сохранение “образцового” языка, очищение его от неправильностей и “порчи” — именно так воспринимались языковые изменения. Сегодня безусловный приоритет в мировой лексикографии отдается описательному, а не предписывающему началу, тем не менее, инерция “прескриптивного” понимания нормативности (ср., например, прямую характеристику академических толковых словарей русского языка как “словарей прескриптивного типа” в [30, с. 6]) до сих пор приводит к несправедливой критике нормативных словарей русского языка, упрекаемых в избыточном пуризме при формировании словника и стремлении исправлять и улучшать русский язык [31]. Симптоматично также и предложение отказаться от нормативности толкового словаря в пользу его дескриптивности (т.е. описательности), что предполагает кратное увеличение описываемых единиц, представляющих все стилистические пласты языка [6].

При внимательном рассмотрении, однако, выясняется, что такая критика исходит из терминологической неточности: нормативный словарь, ошибочно трактуемый как прескриптивный (предписывающий), противопоставляется критиками словарю дескриптивному (описательному, регистрирующему). Между тем, антиномия прескриптивности и дескриптивности характеризует словарь не с точки зрения состава и объема словника (нормативные языковые средства vs широкие

пласты языка), а с точки зрения *подхода* словаря к отражению *нормы* (предписание vs описание). Необходимым выводом из этого понятийного конфликта является то, что нормативность толкового словаря не противоречит его дескриптивности, о чем лучше всего сказано у Л.В. Щербы: “Некоторые думают, что нормативный словарь не может быть научным, и готовы противопоставлять нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю” [18, с. 276]. Косвенным подтверждением этого тезиса является и эквивалент термина *нормативный*, использованный при переводе статьи Щербы на английский язык, а именно: standard-descriptive (букв.: “описывающий норму”) [32, с. 314].

Во-вторых, нормативность толкового словаря часто интерпретируется в связи с описанием норм *современного* языка. Е.Н. Толикина прямо говорит, что нормативный словарь “предполагает в качестве исследовательской позиции синхронный подход” [33, с. 16]. При этом под синхронностью понимается именно отнесенность к текущему моменту, к современности.

Известная лексикографическая дискуссия 1950-х годов, в ходе которой вырабатывались ключевые теоретические позиции отечественной толковой лексикографии, концентрировалась вокруг вопроса о соотношении в словаре принципов нормативности и историзма (подробно см. [10]). Обсуждение этого вопроса, обусловленного проявившимся к тому времени глубинным противоречием концепции БАС-1 (“*современный* литературный язык в широкой *исторической* перспективе”) и повлекшего за собой рассмотрение едва ли не всех возможных аспектов словарного описания (от семантической структуры слова и его функционально-стилистической квалификации до подачи орфографических и орфоэпических вариантов), привело к выработке следующей диспозиции: декларировался примат принципа нормативности, но регламентировалось включение в словарь в *справочных* целях “элементов историзма” [34, с. 6]. Эта более чем компромиссная конструкция совмещала (а вернее — смешивала) в себе два щербовских противоположения: 1) академический словарь (нормативный) — словарь-справочник и 2) неисторический словарь — исторический словарь. Разумеется, такое смешение не способствовало терминологической ясности.

Несмотря на заявленную факультативность “элементов историзма”, широкие хронологические границы словаря заставляли лексикографов искать пути системного отражения в БАС-1 исторической динамики языковой нормы. В.В. Виноградов подчеркивал: 17-томный словарь убедительно показал, что “в истории русского литературного языка от Пушкина до наших дней сменилось несколько лексико-семантических систем и соответствующих им литературно-языковых норм” [3, с. 25]. Тем самым предполагалось, что словарь, описывающий словарный состав русского языка XIX–XX вв. с *нормативных* позиций (сообразно каждому из исторических этапов развития нормы), принципиально возможен, и, более того, задача его создания является “историческим бременем” отечественной лексикографии [3, с. 10].

Так, противоречие нормативности и историзма, обсуждавшееся в связи с составлением БАС-1, на проверку оказалось противоречием диахронического и синхронного методов описания языка, тогда как нормативность сама по себе не исключает историзма в интерпретации материала.

Наконец, в-третьих, обсуждение нормативности толкового словаря иногда сводится к проблеме описания *формальных* вариантов слова (орфографических, орфоэпических, грамматических) с точки зрения действующей нормы литературного языка (см., напр., [20]). Так, при разработке концепции БАС-2 [35] в качестве одного из основных направлений работы было заявлено “усиление принципа нормативности в оценке языковых фактов”, для чего было предложено три приема: 1) устранение мнимо равноценных заголовочных пар; 2) уточнение нормативных характеристик форм слова в словарной статье; 3) включение продуктивных новообразований (акцентологических, морфологических, синтаксических) [36, с. 10–16]. Можно заметить, что нормативность в данном случае сближалась с современностью, и “усиление нормативности” предполагало на самом деле всего лишь приближение словарного описания *вариантов* к действующей норме.

Однако гораздо важнее указать здесь на то, что хотя нормативное описание словарного состава, безусловно, подразумевает оценку вариантов языковых форм, категория нормативности все же должна трактоваться более широко. Ю.С. Сорокин утверждал, что истинно нормативный словарь на самом деле должен быть *нормативно-стилистическим*. В задачи такого словаря входит не только показ действующих норм словоупотребления, вместе с тем он должен быть “словарем, показывающим многообразие

лексической системы, должен определить разную степень употребительности отдельных фактов, их приуроченность к определенным речевым модусам отдельных социальных групп, их связь с определенными особыми функциями литературной речи, с отдельными ее разновидностями, стилями” [19, с. 26]. Иными словами, нормативность толкового словаря предполагает системное отражение в нем всего словарного состава литературного языка с учетом его функционально-стилистического расслоения, тогда как подача вариантов слова является лишь одним из частных аспектов нормативно-стилистического словарного описания.

Таким образом, нормативность толкового словаря имеет непосредственное отношение, но ни в коем случае не сводится полностью ни к предписывающему типу отражения нормы, ни к описанию современного состояния литературного языка, ни к оценке вариантов слова. Напротив, нормативность занимает центральное положение в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии и проявляется во всех аспектах словарной работы. В чем же, наконец, состоит природа нормативности толкового словаря?

2.2. Базовые атрибуты категории нормативности

Первое научное осмысление категории нормативности в отечественной лексикографии предложено Л.В. Щербой. Противопоставляя нормативный (“академический”) словарь словарю-справочнику, Щерба пишет: “В основе словарей первого рода лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени; в основе словарей второго рода вовсе не лежит какого-либо единого языкового сознания: слова, в них собранные, могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вовсе не образуют какой-либо системы” [18, с. 266]. Главным критерием нормативности “академического” словаря, характеризующегося “лингвистическим единством словника” [18, с. 268], является описание некоего единого сложного многомерного объекта, обозначенного в работе Щербы термином “система”. Анализируя взгляды Щербы, Ю.С. Сорокин останавливается на том, что определяет сложность лексической системы языка для словарного описания: это и структурные связи ее элементов, и функциональная роль отдельных единиц, и социальные, территориальные и возрастные особенности словоупотребления, и отнесенность слов к активному или пассивному словарному запасу [19, с. 26].

Такое комплексное понимание феномена языковой системы отличает учение Щербы от структуралистского представления, восходящего к взглядам Ф. де Соссюра, согласно которому система языка есть нечто виртуальное, абстрактное по отношению к речи, в которой она объективируется. По Щербе, языковая система является одним из трех аспектов речевой организации индивида наряду с *речевой деятельностью* (“процессы говорения и понимания”) и *языковым материалом* (“совокупность всего говоримого и понимаемого”) [18, с. 24–26]. При этом если Соссюр рассматривает язык и речь как относительно независимые друг от друга сферы, то для Щербы три аспекта языковых явлений — это “абстрактные моменты живой целостности, невозможные один без другого и в сумме составляющие противоречивое единство” [37, с. 102].

Получается, что языковая *система*, составляющая, по Щербе, объект описания в нормативном словаре, — это не отвлеченная модель, не “надындивидуальная сущность”, а некое *функционирующее* в реальном словоупотреблении человеческого коллектива взаимосвязанное единство словарного состава языка. Явленная в совокупности индивидуальных речевых систем носителей, “единая и общеобязательная” языковая система обладает безусловной *социальной* ценностью [18, с. 27], так как обеспечивает взаимопонимание индивидов в различных ситуациях общения.

Рассмотрение категории нормативности в единстве системно-языкового, социального и функционального векторов сделало концепцию Щербы поистине новаторской. Дальнейшее развитие теории языковой нормы в советском языкознании подтвердило значимость этих акцентов. С.И. Ожегов в 1955 г. дает такое определение нормы: «это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов <...> из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной <...> оценки этих элементов» [8, с. 259–260]. В.А. Ицкович выделяет три критерия языковой нормы: соответствие модели, употребительность и необходимость [38]. Еще более отчетливо идеи Щербы проступают в характеристике К.С. Горбачевича: “Норма — это не только социально одобряемое правило, но и правило, объективированное реальной речевой практикой, правило, отражающее закономерности языковой системы и ее эволюции” [20, с. 38].

Поскольку тип словаря, объектом которого является лексическая система, обозначен Щербой как “нормативный”, закономерно возникает вопрос: как соотносятся в его понимании система и норма языка? Прямого ответа Щерба не дает, однако некоторые его суждения позволяют сделать опосредованный вывод. Так, рассуждая о “многочисленных отступлениях от нормы” в устной речевой деятельности, Щерба утверждает, что возможности для возникновения этих ошибок “заложены в данной языковой системе” [18, с. 36]. Следовательно, система языка вмещает в себя его норму. И в этой связи важно сделать оговорку: нормативный словарь в щербовской трактовке все же предназначен для функционального описания не лексической системы языка целиком, а лишь ее нормативной части — той, которая получила социальное одобрение.

Это положение отчасти приближает взгляды Щербы к известной концепции Э. Косериу, который характеризовал норму как общепринятую реализацию языковой системы: “Система охватывает *идеальные формы* реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности”, тогда как «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже сказано и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» [39, с. 175]. Идеями Косериу обусловлено и определение нормы в “Лингвистическом энциклопедическом словаре”: норма есть “совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации” [40, с. 337].

Свое лексикографическое воплощение этот подход нашел в проекте “Нового академического словаря” (далее — НАС), разработанном в 1990-е годы в ИЛИ РАН коллективом Г.Н. Скляревской (проект не реализован). Поставив перед собой задачу “показать лексическую систему в ее функционировании”, словарь был одновременно ориентирован и на систему языка, и на ее употребление (узус, речь) [22, с. 18]. При этом ни модель языковой системы, ни совокупность реальных употреблений не составляли объекта описания в словаре; этим объектом становятся “социально обусловленные и нормативно значимые употребления лексики”, иными словами — “нормативная реализация системы” [22, с. 19]. Таким образом, в основе концепции словаря по-прежнему лежало исходное для отечественной лексикографии учение Щербы, однако понятие нормы теперь было выведено из-под сени языковой

системы и стало играть ключевую роль в определении объекта описания. То, что у Щербы только подразумевалось, теперь было отчетливо сформулировано.

Бескомпромиссное указание на объект НАС позволило также отказаться и от компромисса между нормативным описанием современного языка и отражением исторической перспективы. По замыслу Складневской, нормативность словаря прямо увязывается с синхронностью лексической системы (это понятие характеризуется как более точное, чем “современность” [22, с. 16]). При этом под синхронностью понимается не ограничение описываемого материала коротким временным отрезком (что само по себе подразумевает микродиакроническую составляющую), а “момент динамического равновесия языковой системы, опорой которого служит норма того времени, когда словарь создается” [22, с. 17]. Именно такое понимание позволяет описывать словарный состав языка как целостный реальный объект (вспомним идеи Щербы), функционирующий в речевом употреблении. В то же время подчеркнем, что строгое понимание нормативности в проекте НАС достигается ценой полного отказа от его исторических задач.

Таким образом, базовыми атрибутами категории нормативности в толковом словаре являются: а) системность — словарный состав описывается как целостный объект, объединенный внутренними структурными связями; б) синхронность — лексическая система описывается в состоянии динамического равновесия, характерного для определенного момента времени; в) функциональность — объектом описания является не отвлеченная модель лексической системы, а лексика в реальном речевом употреблении; г) социальная обусловленность — словарный состав описывается с точки зрения его пригодности для разных сфер использования языка, разных условий коммуникации.

2.3. Нормативность толкового словаря в связи с проблемой литературного языка

Указание на функциональность и социальную обусловленность нормы требует рассмотрения категории нормативности толкового словаря в связи с проблемой литературного языка. Представляется важным дать ответы на два вопроса: 1) как соотносятся понятия “нормативный толковый словарь” и “толковый словарь литературного языка”? и 2) какие неотъемлемые атрибуты сообщает словарной категории нормативности специфика литературной нормы? Подчеркнем,

что мы не претендуем здесь на решение сложнейшей проблемы границ литературного языка и не ставим перед собой задачу учета всех исследовательских позиций по данному вопросу. Ограничимся лишь общей характеристикой, выделив те свойства нормы литературного языка, которые имеют прямое отношение к лексикографической проблематике.

Наиболее удовлетворительным для наших целей является определение М.М. Гухман, согласно которому литературный язык — это “обработанная форма существования языка”, предполагающая “отбор языковых средств из общего инвентаря <...> и связанную с этим большую или меньшую регламентацию” [41, с. 502]. Факторами отбора и регламентации обусловлено такое свойство литературной нормы, как селективность, проявляющееся в двух аспектах, внешнем и внутреннем: «норма определяет не только внешние границы литературного языка (т.е. отграничивает “правильные”, литературные реализации от “неправильных”, нелитературных), но и устанавливает разного рода градации внутри правильных нормативных реализаций» [42, с. 569].

Особая селективность литературной нормы имеет важное следствие для типологической характеристики нормативного толкового словаря. Л.В. Щерба полагал, что к нормативному типу (отражающему “языковую систему”) может быть отнесен не только словарь литературного языка, но и “словарь определенного говора, если он не дифференциальный” [18, с. 269]. Представляется, однако, что данный тезис требует уточнения с учетом позднейших достижений теории языковой нормы. Так, у ученых сегодня существует консенсус о принципиальном отличии нормы литературного языка от норм диалектов и других нелитературных образований. Это отличие как раз и определяется “усложнением селективной, дифференцирующей и оценочной стороны” литературной нормы [42, с. 566], что в свою очередь обусловлено полифункциональностью литературного языка, призванного обслуживать различные формы (устная vs письменная) и сферы коммуникации. Отсюда следует (как пишет А. Едличка с отсылкой к Б. Гавранеку), что с языковой точки зрения отличительной чертой литературной нормы является ее “упорядоченная структура и внутреннее расслоение (дифференциация)” [43, с. 66]. Именно свойство внутренней упорядоченности, на наш взгляд, коррелирует с представлением Щербы о “языковой системе”, лежащей в основе нормативного словаря, и следовательно — отвечая на первый из поставленных выше

вопросов — необходимо констатировать: *только толковый словарь литературного языка может быть поистине нормативным*. И наоборот, любой толковый словарь, стремящийся к неограниченно широкому охвату словарного состава (т.е. преследующий цели словаря-“тезауруса” в щербовском понимании (ср. [6]; [44]–[45])), типологически будет с неизбежностью мигрировать в сторону словаря-справочника, представляющего “собрание слов, <...> которое само по себе никогда не является каким-то единым фактом реальной лингвистической действительности” [18, с. 276].

Лингвистами Пражской школы были сформулированы такие широко известные признаки литературного языка, как: а) общенациональный характер, б) кодифицированность литературной нормы, в) ее относительное единство, г) связь с ограниченным кругом носителей и д) функционально-стилистическая дифференциация [43, с. 54]. Легко заметить, что признаки б) и д), связанные с сознательным отбором и регламентацией использования нормативных языковых средств, определяются селективностью литературной нормы и, по замечанию Г.Н. Складневской, оказываются наиболее актуальными для нормативной лексикографии [22, с. 17]. Следовательно, на второй из поставленных выше вопросов можно ответить так: нормативность толкового словаря подразумевает такие неотъемлемые свойства объекта его описания, как *функционально-стилистическое расслоение и кодифицированность*.

2.4. Нормативность и функционально-стилистическое расслоение литературного языка

Представление о лексико-семантической системе как о *стилистически дифференцированном* объекте актуализирует проблему границ литературного языка и, следовательно, ставит вопрос о величине и составе словника нормативного словаря. Критики регулярно упрекают русские толковые словари в недостаточном количестве описываемых единиц, сравнивая их со словарями некоторых европейских языков (см. хотя бы [6]; [31]). Между тем, известно, что для русской академической лексикографии характерна традиция качественного, а не количественного формирования словника [46, с. 40]. Так, Ю.С. Сорокин, обосновывая “достаточно широкий” словник нормативно-стилистического словаря, подчеркивал главное: все включаемые в него языковые факты должны быть нормативно и стилистически оценены, условия их употребления должны быть четко фиксированы [19, с. 28]. В нормативный словарь не должно войти все то, что точно находится

за рамками литературного языка: индивидуальные употребления, территориально и социально ограниченные единицы, обценная лексика, узкоспециальная терминология, — тогда как все включаемые единицы должны получить строгую нормативно-стилистическую характеристику.

Однако четких границ между литературным и нелитературным употреблением нет, периферия литературной лексики весьма обширна. В этой связи можно напомнить тезис Ф.П. Филина о литературном и нелитературном просторечии [47, с. 8] или положение А. Едлички о разговорном литературном языке, находящемся на стыке обиходно-разговорного и собственно литературного [43, с. 47]. Именно ввиду нежесткости этих границ нормативные толковые словари могут различаться по объему словника.

Рассуждая о будущем словаре современного русского языка, С.И. Красса обосновывает его существование в двух формах — большого (соответствует по назначению “среднему типу”) и малого [48, с. 318] (тем самым из ожеговской трихотомии исключается словарь “большого типа”, обремененный историческими задачами). Означает ли это, что малый словарь “более нормативен”, а большой “менее нормативен”? Разумеется, нет. Нормативность толкового словаря видится нам как абсолютная категория, определяющая *объект* словарного описания, а не *способ* его интерпретации. Поэтому отбор слов для нормативного словаря должен базироваться не на субъективных представлениях лексикографов (иногда склонных к пуризму, иногда, наоборот, к вседозволенности), а на некоторой объективной характеристике лексики.

Такой характеристикой является употребительность. На неразработанность положения об употребительности слов, представляющего большую значимость для толковой лексикографии, указывали еще во время составления БАС-1 [49, с. 180], но и сегодня у лексикографов нет четкого представления о ее критериях. Очевидно лишь то, что употребительность не сводится к частотности слова: Ф.П. Филин показывает это на примере некоторых наименований птиц и насекомых (*выпь, жужелица, иволга*), которые редко используются в речи, но без сомнения являются общеупотребительными [50, с. 45]. П.Н. Денисов в своем анализе частотных словарей приходит к заключению о необходимости “корректировки статистических выкладок методами качественного системного анализа зон словарного состава языка” [46, с. 62] (см. также [20, с. 35]). Дело, таким образом, осложняется тем, что при

определении употребительности слова помимо количественных данных необходимо учитывать его структурные особенности, реализующиеся в высказываниях (текстах) разной функционально-стилистической природы: художественных, научных, публицистических, разговорных и т.д. При этом удельный вес каждой из учитываемых “функционально-речевых сфер” не может и не должен быть одинаковым [46, с. 50], их соотношение должно определяться общей социально-языковой ситуацией в описываемый момент времени. Так, например, А. Едличка отмечал в 1978 г., что “влияние языка художественных текстов на образование и закрепление осознания нормы” постепенно ослабевает, и, напротив, “возрастает влияние и воздействие на нее специального языка <...> и языка публицистики” [43, с. 74]. Применительно к сегодняшнему дню можно, судя по всему, говорить о значимой роли языка информационных технологий и Интернета.

Точные критерии употребительности лексических единиц еще предстоит определить, но уже сейчас можно констатировать: *в нормативном толковом словаре любого объема должны быть системно представлены все функционально-речевые сферы литературного языка, взятые в их актуальном соотношении*. Различие будет состоять в том, что “малому” нормативному словарю надлежит описывать употребительное ядро лексической системы, тогда как “большой” нормативный словарь должен представить широкий охват литературной лексики, в том числе относящейся к пассивному запасу.

2.5. Нормативность толкового словаря и кодификация литературной нормы

Задачей нормативного толкового словаря является кодификация литературной нормы. Исключительная важность этой задачи обусловлена тем, что факт кодификации (наряду с принципом внутренней упорядоченности) определяет специфику литературной нормы по отношению к нормам нелитературных языковых образований [24, с. 22]; [38, с. 7–8]. Нормативный толковый словарь фиксирует различные виды норм: фонетические, морфологические, синтаксические, орфографические, — однако в центре внимания его составителей всегда находятся лексико-семантические и тесно с ними связанные лексико-стилистические нормы. При этом если в основе норм, определяющих план выражения языкового знака, лежит принятое обществом представление о *правильности* его употребления, то для норм, связанных с планом содержания, вперед выступает

представление о *допустимости* использования языкового знака (слова или его лексико-семантического варианта) в определенных условиях коммуникации. Н.Н. Семенюк связывает особый статус лексической нормы с широтой лексического инвентаря и высокой степенью его дифференциации, в связи с чем “лексическая норма должна рассматриваться как некая сложная совокупность разнообразных лексических слоев” [42, с. 562]. Этим свойством определяется и специфика кодификации лексических норм: “кодификационные процессы носят здесь преимущественно пассивный, констатирующий характер” [42, с. 579].

Такое положение дел вводит в поле внимания вопрос о возможности целенаправленного воздействия кодификатора (лексикографа) на развитие нормы. История науки знает два полярных подхода: строгий прескриптивизм, характерный для старой лексикографии и для обыденного метаязыкового сознания, и “нормализаторский агностицизм” (К.С. Горбачевич), отрицающий полномочия науки регулировать речевую практику. Сегодня большинство ученых сходится на том, что в ограниченных масштабах сознательное воздействие на литературную речь все же возможно (см. [20]; [24]; [51]–[52]), но, в то же время, не следует переоценивать активную нормализаторскую роль словаря, и прежде всего толкового словаря, описывающего слабо поддающуюся целенаправленному регулированию лексическую норму.

По словам Ф. Данеша, кодификация “имеет характер организующего, контролирующего динамическое равновесие литературного языка средства” [51, с. 282]. И в этом смысле толковый словарь не должен стремиться к созданию унифицированной *идеальной* нормы, напротив, его задачей является закрепление нормы *реальной* — той, которая обеспечивает “гибкую стабильность” (термин В. Матезиуса) литературного языка (о соотношении идеальной и реальной нормы см. [52, с. 10]). Так, усматривая нормализаторскую роль словаря в поддержании всех живых, а также “созревших новых” норм языка, Л.В. Щерба подчеркивает: “Все это происходит помимо всяких нормативных словарей; однако эти последние могут помогать естественному ходу вещей” [18, с. 278].

Кроме того, согласно положениям пражских языковедов, норма живет и развивается как самоорганизующаяся система, а словарь (и грамматика) может закрепить лишь то или иное ее состояние. Отсюда противопоставление нормы и кодификации как динамичного и статичного феноменов: кодификация “сохраняет и фиксирует

литературную норму в данный момент” [43, с. 68]. Это хорошо согласуется с принципом синхронности нормативного толкового словаря, предложенным Г.Н. Складневской.

Таким образом, констатирующая по своей сути кодификация лексической нормы в толковом словаре выполняется *ретроспективно*, “фиксирует уже сложившиеся в процессе общественной языковой практики явления” [40, с. 338]. Гарантией нормализации в данном случае является не волеизъявление лексикографа, а такое свойство самой нормы, как традиционность [42, с. 555]. Хорошо составленный нормативный словарь является значимым культурным объектом: он приобретает авторитет в обществе и становится основанием для социальной оценки высказываний. Отклонения от нормы, зафиксированной в таком словаре, в том числе лексико-семантические новообразования, интерпретируются на его фоне как нечто отличное от традиционной стандартной речи — но только до тех пор, пока не будут кодифицированы новым нормативным словарем. Эта функция делает нормативный словарь в том числе и инструментом государственной языковой политики. Роль же лексикографа состоит не в том, чтобы указать носителям языка, как правильно использовать языковые средства, а в том, чтобы отобрать эти средства из функционирующей системы языка (на основании некоторого *объективного* критерия) и дать им нормативно-стилистическую оценку.

2.6. Определение нормативности толкового словаря

Исходя из всего вышесказанного, можно дать следующее определение: **нормативность толкового словаря** — это фундаментальная лексикографическая категория, характеризующая объект словарного описания как кодифицированную речевую реализацию единой лексико-семантической системы литературного языка, взятой в определенный исторический момент ее развития и представленной с точки зрения ее социальной оценки и функционально-стилистического расслоения.

Нормативным должен быть признан любой толковый словарь, удовлетворяющий данному определению, независимо от объема его словника. Разница в количестве описываемых нормативными толковыми словарями языковых единиц обусловливается такими эмпирическими словарными параметрами, как адресат, типы источников, ширина отражения литературной лексики (наиболее употребительное ядро vs более или менее широкий охват периферии), а также ограничениями,

связанными с формой репрезентации (электронный или печатный, однотомный или многотомный словарь).

Среди всех неотъемлемых атрибутов категории нормативности толкового словаря центральным является атрибут системности, соотносящийся с таким свойством литературной нормы, как внутренняя упорядоченность, и подразумевающий два ее измерения: 1) отражение структурных лексико-грамматических связей между описываемыми единицами и 2) отражение системы функционально-стилистических разновидностей литературного языка. По признаку системности нормативный словарь противопоставлен Щербой словарю-справочнику, и, по нашему убеждению, именно это противоположение может стать основой будущей типологии толковых словарей.

3. Нормативность толкового словаря в системе лексикографических антиномий

3.1. Категория нормативности и типология толковых словарей

Предложенное понимание нормативности смещает акценты при теоретическом анализе толковых словарей и диктует особый взгляд на их типологию. Трихотомия С.И. Ожегова уже в период ее создания не вполне соответствовала реальной лексикографической практике. О недостаточном различении типов среднего и большого толкового словаря говорили уже в 1950-е годы: см. высказывания Е.А. Бокарева, В.В. Виноградова, Г.А. Качевской, Н.М. Меделец в [53]. Ф.П. Филин позже подчеркивал: “Отличия семнадцатитомного словаря от словарей четырехтомных имеют скорее количественный, чем качественный характер. Тип словаря не изменился” [49, с. 181]. Действительно, все три типа толковых словарей, по Ожегову, являются нормативными, и этот объединяющий фактор представляется более сильным, чем их различительные характеристики. Особняком стоит однотомник самого С.И. Ожегова, содержащий в первом издании (1949 г.) [11] 50 тысяч слов и в большей степени ориентированный на функцию “нормализации современной литературной речи”. Однако в позднейших переизданиях и этот словарь приблизился по объему и составу словника к более крупным словарям.

Все это говорит о том, что различия между традиционно выделяемыми тремя типами толковых словарей определяются, скорее, не фундаментальными, а эмпирическими параметрами, в том числе степенью детализации в описании семантики, стилистики, сочетаемости слов, фразеологии,

а также особенностями метаязыка. Если же характеризовать эти словари с точки зрения объекта описания, то следует объединить их в один тип — нормативного толкового словаря — и противопоставить его типу словаря-справочника.

Особенностью толкового словаря большого типа стали возложенные на него исторические задачи, что привело к его противоречивому, компромиссному характеру. Вывод, который был из этого сделан лексикографическим сообществом, состоял, по словам Ю.С. Сорокина, в “разграничении задач *толкового* нормативно-стилистического словаря современного языка и *исторических* словарей русского языка Нового времени (курсив мой. — Р.В.)” [33, с. 6]. Однако, соглашаясь с этим выводом, В.В. Виноградов все же не исключал в будущем возможности системно-динамического показа исторической перспективы в *толковом* словаре, хотя и подчеркивал: “Как это сделать без нарушения архитектурной стройности словаря, пока еще не очень ясно” [3, с. 10]. В это же время Л.С. Ковтун указывала, что и в историческом словаре, и в словаре современного языка может быть отражена “историчная” по своей сути природа лексического значения [33, с. 12]. Так, развитие отечественной лексикографии в XX в. отчетливо показало, что намеченное Л.В. Щербой противоположение исторического и неисторического типов словарей, связанное с принципом системности описания словарного состава (в динамике или статике), носит фундаментальный характер и во многом определяет типологическую принадлежность толкового словаря.

Еще одним важным противоположением, связанным, однако, с подходом к отражению словарного состава, а не с объектом словарного описания, является антиномия дескриптивного и прескриптивного типов словарей. Выше уже было показано, что все фундаментальные современные толковые словари являются дескриптивными, описательными, хотя в ряде случаев декларируется их стремление к предписанию литературной нормы. В частности, Ф.П. Филин ставил перед толковым словарем задачу “быть пособием для дальнейшего повышения культуры речи широких масс населения” [49, с. 187]. А Л.И. Скворцов, рассматривавший проблематику нормативной лексикографии с аналогичных позиций, даже противопоставлял толковый словарь как словарь языка “нормативно-стилистическому справочнику” (!) как описанию “системы литературных норм” [21, с. 40], тем самым вообще отказывая категории нормативности толкового словаря в праве на существование...

Так или иначе, нормативный толковый словарь все же не создает и не предписывает нормы. Сама специфика отражаемых в нем лексико-семантических норм ограничивает возможность их *предписания*, поскольку кодификация таких норм носит преимущественно ретроспективный, а не перспективный характер. Поэтому мы говорим о нормативных словарях как о словарях принципиально описательных, а указание на антиномию дескриптивного и прескриптивного словаря необходимо нам для того, чтобы отграничить интерпретацию нормативности как объективной категории от ее утилитарно-дидактического понимания.

Таким образом, представление о нормативности толкового словаря вводит в поле внимания три лексикографические антиномии: 1) дескриптивный словарь — прескриптивный словарь; 2) нормативный словарь — словарь-справочник; 3) исторический словарь — словарь современного языка. При этом строго прескриптивный толковый словарь сегодня вряд ли возможен (и вряд ли необходим), и, следовательно, вторая и третья антиномии релевантны только для словарей дескриптивного типа. Рассмотрим их подробнее.

3.2. Нормативный словарь vs словарь-справочник

В основе антиномии нормативного словаря и словаря-справочника лежит критерий системности, внутренней упорядоченности описываемого объекта и самого описания. Данный критерий подразумевает представление языковых единиц с учетом их системно-структурных и функционально-стилистических соотношений, что не характерно для словаря-справочника и, напротив, составляет основную специфику нормативного толкового словаря.

Не менее важно и то, что нормативный толковый словарь — это всегда словарь литературного языка, описанного с той или иной степенью детализации, но всегда комплексно и системно. В свою очередь, справочник, как правило, описывает какую-либо *произвольно выбранную* автором сферу (сферы) функционирования языка — литературного или общенационального. Так, к словарям-справочникам могут быть отнесены, с одной стороны, словари диалектной лексики, словари жаргонизмов, терминологические словари, т.е. издания, описывающие нелитературные языковые образования; с другой стороны, справочниками являются и словари, посвященные литературной лексике, относящейся к отдельным предметным областям или функционально-стилистическим разрядам (ср., например, серию изданий “Давайте

говорить правильно!”, описывающих лексику финансовой [54], медицинской [55], спортивной [56] и других сфер, “Словарь специальной лексики русского языка” под ред. А.С. Герда [57], “Толковый словарь русской разговорной речи” под ред. Л.П. Крысина [58]). Безусловно, к справочному типу должны быть отнесены и все словари, описывающие лексику, отобранную на том или ином лингвистическом основании: словари иностранных слов, словари неологизмов, словари существительных, прилагательных, глаголов и т.п.

Особое положение занимают толковые словари с подчеркнутой ориентацией на пользователя, изучающего данный язык или говорящего на нем. Это словари активного типа, к которым относятся и учебные словари. Ярким представителем этой словарной разновидности является “Активный словарь русского языка” под ред. Ю.Д. Апресяна [59], базирующийся на принципах *системности*, интегральности и удобства [60, с. 31–36]. С другой же стороны, установка на включение в словник наиболее употребительных *стилистически нейтральных* слов [60, с. 56] (аналогичная характеристика словника представлена, например, в учебном “Кратком толковом словаре русского языка (для иностранцев)” [61]) не позволяет относить эти словари к типу нормативных: исключение употребительных стилистически отмеченных единиц нарушает принцип показа словарного состава литературного языка во всей широте его функционально-стилистического расслоения.

Ограничения, накладываемые на словник активных словарей, обусловлены фактором адресата. Такая обусловленность характерна именно для словарей-справочников, основное назначение которых — ответить на конкретные запросы пользователя. Словари нормативного типа, напротив, преимущественно ориентированы на объект описания, их задача — системная кодификация литературного языка во всем его многообразии.

Своего рода “апофеозом” словаря-справочника является словарь-тезаурус в щербовском понимании: он описывает все без исключения факты национального языка, его задача — предоставить пользователю информацию о любом интересующем его слове. При этом поскольку вся совокупность описываемых в тезаурусе фактов не представляет собой реализацию единой (пусть и дифференцированной, подобно литературному языку) системы, то и сам тезаурус принципиально лишен свойства системности и внутренней упорядоченности. Более того, тип словаря-тезауруса может быть реализован на материале мертвых языков с конечным числом источников,

тогда как “для богатого живого литературного языка принцип thesaurus’a практически не может быть проведен до конца” [18, с. 287]. Поэтому вполне закономерно, что единственная в отечественной лексикографии попытка создать подлинный тезаурус русского языка, предпринятая А.А. Шахматовым [16], не привела к появлению завершенного лексикографического издания.

В отличие от тезауруса, нормативные словари имеют ограниченный словник. Объем словника может быть различным, главное условие состоит в том, что нормативный словарь должен охватить все функционально-речевые разновидности литературного языка в соотношении, характерном для того исторического момента, который принят в словаре за точку отсчета. Нормативный толковый словарь является как бы “моментальной фотографией” [19, с. 27] всего корпуса литературной лексики, при этом он может быть выполнен в разном масштабе: от полного отражения всего словарного состава до показа минимального количества наиболее употребительных слов (не ограниченных, однако, признаком стилистической нейтральности).

Возможностью масштабирования обусловлено противопоставление *полного* и *краткого* толковых словарей внутри нормативного типа. Отличие данной антиномии от названных ранее определяется ее количественным характером и, следовательно, континуальной природой: на шкале от полного нормативного толкового словаря до краткого может быть, в сущности, любое количество словарных изданий, отражающих тот или иной объем литературной лексики в зависимости от их задач и принципов формирования. Объединяющей чертой всех этих словарей будет отнесенность к нормативному типу в соответствии с приведенным в Разделе 2.6 определением.

В отечественной толковой лексикографии достаточно много изданий, тяготеющих к полному типу. Прежде всего, это так называемые словари среднего объема, к которым можно отнести МАС (90 тыс. слов) [14] и его расширенную современную версию — “Академический толковый словарь русского языка” [62]. Кроме того, сюда же относится однотомный “Большой толковый словарь русского языка” под ред. С.А. Кузнецова [63] со словником, примерно равным словнику 17-томного БАС-1 (130 тыс. слов). О том, что по объему словника нормативно-стилистический словарь *современного* русского языка не должен уступать БАС-1, полвека назад писал Ю.С. Сорокин [19, с. 28]. До 200 тыс. слов предполагалось увеличить словник “Нового академического

словаря” [22, с. 20], а проектом “Словаря русского языка XXI века” (“тяготеющего к тезаурусу”) допускается, что и эта цифра будет превышена [45, с. 141]. Тенденции к расширению поддался даже одностомный словарь С.И. Ожегова (впоследствии С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) — центральный для отечественной традиции толковый словарь краткого типа. Нишу нормативного словаря, описывающего самую употребительную лексику (35 тыс. слов), сегодня занимает “Малый толковый словарь русского языка” В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной [64], а также его позднейшие переиздания.

Постоянное стремление лексикографов к расширению описываемого материала, безусловно, привлекает пользователя, обращающегося к словарю за справкой о неизвестном слове, но с другой стороны, такой подход все дальше уводит толковый словарь от принципа нормативности. Становится все труднее обосновать отнесенность включаемых в словник единиц к литературному языку и — главное — соблюсти требование системного описания словарного состава. В связи с этим задача составления нового краткого нормативного толкового словаря, содержащего наиболее употребительную лексику всех функционально-стилистических разновидностей современного русского литературного языка, кажется весьма актуальной.

3.3. Исторический словарь vs словарь современного языка

Согласно нашим представлениям, антиномия исторического словаря и словаря современного языка (в рамках толковой лексикографии) имеет подчиненный статус по отношению к антиномии нормативного словаря и словаря-справочника и, следовательно, должна быть так или иначе согласована с категорией нормативности. Дискуссионность вопроса о соотношении принципов нормативности и историзма в толковом словаре хорошо известна (подробно см. [10]). После завершения работы над БАС-1 общее одобрение получила идея о разграничении исторического и нормативного описания лексики в словарях *разных* типов. Так, Ю.С. Сорокин полагал, что “исторический словарь, представляющий движение лексики на протяжении любого исторического периода, не должен преследовать задач нормализующего характера” [33, с. 7]. Это справедливо применительно к историческим словарям как особому лексикографическому типу, назначение которого состоит в том, чтобы “характеризовать процессы лексико-семантических изменений” [Там же],

однако в отношении толковых словарей все не так однозначно.

Толковые словари современного русского языка традиционно строятся на материале, относящемся к продолжительному историческому отрезку: Я.К. Грот отнес нижнюю хронологическую границу своего словаря [65] к эпохе Ломоносова, во время работы над БАС-1 возникла формула “от Пушкина до наших дней”. Такой подход сам по себе предполагает определенную степень историзма, причем тем большую, чем сильнее мы отдаляемся от пушкинской эпохи. Как бы то ни было, современный толковый словарь не может исключить из круга источников произведения русской классической литературы, так как они являются неотъемлемой частью культурного багажа современника и в значительной мере определяют осознание нормы *современного* русского литературного языка. Даже если словарь не иллюстрирует значения слов цитатами ([11]; [45]; [63]), его составители должны в том числе ориентироваться на классические тексты при разработке словарных статей. Сорокин в связи с этим подчеркивал: “Было бы мнимоисторическим педантизмом, если бы мы при описании и подтверждении современных норм опирались только на материалы современной прессы и литературы нашего времени <...> и игнорировали тексты классической литературы” [19, с. 27].

Таким образом, широкие хронологические рамки сами по себе еще не делают толковый словарь современного языка историческим. Наоборот, если цитаты из классических источников не противоречат современной литературной норме, включение их в словарь позволяет подчеркнуть ее устойчивость. Отсюда следует, что приоритетом нормативного словаря современного языка является не соотнесение описываемого факта с той или иной эпохой, а установление его релевантности для текущего состояния литературной нормы. Французские лексикографы А. Рей и С. Делесаль справедливо утверждают, что в словаре современного литературного языка хронологическое расслоение языковых фактов подчиняется принципу их *функциональной совместимости* в рамках одной коммуникативной модели — функционирующей языковой системы [66, с. 277–278].

Как было неоднократно показано выше, нормативность толкового словаря предполагает *системное* описание словарного состава. Этому требованию соответствуют (в большей или меньшей степени) все фундаментальные толковые словари современного русского языка. Однако и принцип

историзма в лексикографии базируется на критерии системности. Л.В. Щерба писал: “Исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом. Как это сделать, однако, — неизвестно” [18, с. 304]. В толковых словарях с исторической перспективой ([13]; [35]; [67]) о системном воплощении историзма говорить не приходится: став непреодолимым препятствием для отражения современной литературной нормы, он был сведен на уровень “справок”. В связи с этим возникает вопрос: возможна ли в принципе реализация идеи Щербы, учитывая, что в его понимании словарное описание *системы* языка теснейшим образом связано с категорией нормативности?

Для решения этого вопроса необходимо снова обратиться к такому атрибуту категории нормативности, как *синхронность*. Синхронность нормативного толкового словаря подразумевает, что в нем описывается единый сложный объект (нормативная речевая реализация лексико-семантической системы), взятый в состоянии “динамического равновесия” [22, с. 17]; [51, с. 282], характерном для определенного исторического момента. Задачей нормативного толкового словаря, таким образом, является кодификация этой реальной нормы, т.е. создание статичного представления объекта, обладающего свойством внутренней динамики (проявляющейся в вариантности и стилистической дифференциации).

Если мыслить синхронность отвлеченно (не сводя ее к современности), то очевидно, что для каждого периода развития языка, в течение которого литературная норма, определяемая социально-историческими предпосылками, остается относительно стабильной, можно выявить такой момент динамического равновесия, который будет достаточно репрезентативно представлять состояние литературного языка на всем протяжении данного нормативного периода.

Отрезок “от Пушкина до наших дней” заключает в себе несколько сменяющих друг друга нормативных периодов, для каждого из которых характерна особая лексико-семантическая система, определяемая литературной нормой. В.В. Виноградов насчитывал три такие системы [3, с. 25], сегодня, очевидно, следует говорить о большем количестве. Описание лексико-семантических процессов, определяющих динамику нормы в рамках одного из нормативных периодов, относится к задачам исторической лексикографии, тогда как толковый словарь фиксирует определенное равновесное состояние литературной нормы данного временного отрезка. Лексикограф

должен как бы встать на точку зрения человека, жившего в тот или иной период истории литературного языка. Решение этой задачи требует, во-первых, четкой и обоснованной периодизации, а во-вторых, отбора и систематизации источников, отражающих реальную норму того или иного периода.

Единственный способ гармоничной реализации принципа историзма в нормативном толковом словаре состоит, таким образом, в том, чтобы описать в нем ряд сменяющих друг друга нормативных лексико-семантических систем, взятых на различных синхронных срезах, каждый из которых будет представлять состояние литературной нормы на протяжении того или иного нормативного периода. Перед *нормативно-историческим* толковым словарем не может быть поставлена задача отражения отдельных лексико-семантических изменений, определяющих процесс исторического *формирования* нормы; напротив, он должен показать нормы описываемых периодов как уже *сформировавшиеся* языковые и социокультурные феномены, связанные друг с другом отношениями преемственности.

Историзм в лексикографии так или иначе предполагает описание динамических изменений лексико-семантической системы. Но если единицей динамики в *собственно историческом* словаре (таком как “Словарь русского языка XVIII века” [68]) является отдельное языковое средство, вписанное в систему языка и соответствующее норме описываемого периода, то единицей динамики в *толковом нормативно-историческом* словаре должна быть сама нормативная система целиком, а главная задача такого словаря — установить динамическое соотношение между нормативными системами разных периодов. Вероятно, можно отнести эти виды описания языковой динамики как микроуровень и макроуровень.

Таким образом, сущность антинормы словаря современного языка и исторического словаря в рамках нормативной толковой лексикографии состоит в том, что первый системно отражает один синхронный план, а второй — несколько динамически связанных синхронных планов, сменяющих друг друга. На этапе традиционной бумажной лексикографии нормативно-исторический толковый словарь в таком понимании был принципиально невозможен, поскольку он подразумевает *два разнонаправленных вектора* описания системы языка: синхронный и исторический. (В.В. Виноградов высказывал схожую мысль, говоря о “системно-динамическом” и “историко-хронологическом” аспектах толкового

словаря большого типа [3, с. 10].) Создание такого словаря возможно только при условии *нелинейной* репрезентации лексикографических описаний, так как он должен быть представлен не в простой текстовой форме, а в двухмерной форме матрицы, между ячейками которой прослеживаются разные виды динамических отношений. Безусловно, подобный словарь может существовать исключительно в электронной форме, обеспечивающей ему свойства многомерности и структурной гибкости. Именно таким (пока лишь в общем теоретическом приближении) нам видится будущее академического толкового словаря “большого типа”.

Несколько слов нужно сказать также о словарях справочного типа. Поскольку, в отличие от нормативных, в них не должен соблюдаться принцип системности описания, то и антиномия историзма и современности приобретает здесь упрощенный характер. Толковый словарь-справочник современного языка описывает только актуальные языковые факты (см. словари, описанные в Разделе 3.2), а справочник с исторической перспективой включает лексику предшествующих эпох (примером может послужить шахматовский тезаурус).

3.4. Опыт словарной типологии

Рассмотренные лексикографические антиномии характеризуют толковые словари с точки зрения фундаментальных категорий, определяющих объект словарного описания. Мы специально не анализировали методологические и метаязыковые особенности словарей, так как эти, в сущности, эмпирические параметры не должны влиять на установление типологических характеристик словаря, а напротив, должны ими определяться. Исключение для антиномии дескриптивного и прескриптивного словарей, апеллирующей к способу словарного описания, а не к его объекту, сделано в целях более точного описания природы категории нормативности. И разумеется, предложенный здесь опыт типологии толковых словарей не исчерпывает всех их (более частных) характеристик.

Следует подчеркнуть, что все рассмотренные антиномии имеют давнюю традицию научного осмысления. Противоположения нормативного словаря и словаря-справочника, а также исторического словаря и словаря современного языка восходят к учению Л.В. Щербы (1940), оппозиция толковых словарей полного и краткого типа — к трихотомии С.И. Ожегова (1952), антиномия дескриптивного и прескриптивного словаря

является наследием западной (прежде всего, английской) лексикографии XIX в. В современной теории толковой лексикографии типологическим исследованиям уделяется не так много внимания. Отметим здесь упомянутые выше статьи [6]; [48], а также работу Л.Е. Кругликовой, в которой предлагается схожий набор противоположений: нормативный — ненормативный словарь, исторический — неисторический словарь, полный — неполный словарь [69, с. 969]. На наш взгляд, тем не менее, важно не только выделить эти противоположения, но и предложить их системное описание, указать, в каких отношениях они находятся друг к другу и какие возможны последствия их взаимной реализации в лексикографической практике. В настоящей статье мы предприняли попытку такого описания, схематически его результат представлен на Рис. 1.

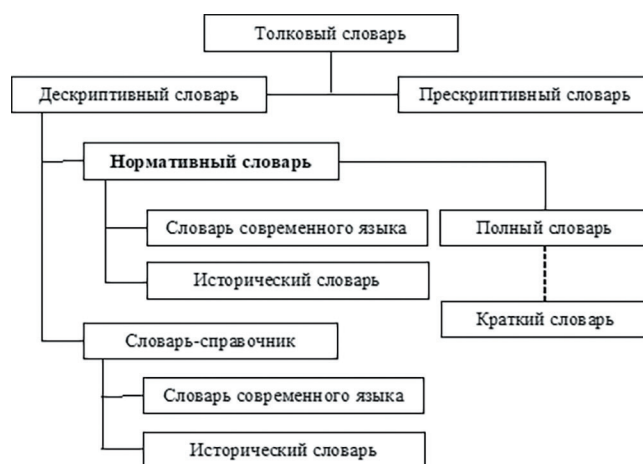

Рис. 1. Опыт типологии толковых словарей

Тип нормативного словаря занимает центральное место в толковой лексикографии, а процесс его составления сопряжен с двумя исключительно сложными проблемами. Прежде всего, это проблема *отбора* помещаемых в словарь языковых средств. Излишне строгий отбор, равно как и пренебрежение теми или иными функциональными сферами литературного языка, может привести к обеднению словаря. Напротив, чрезмерно широкий охват лексики, стремление к созданию “тезауруса” дискредитирует саму идею нормативности, не позволяя описать функционирующую лексико-семантическую систему литературного языка как единый многомерный объект. Важно помнить, что задача нормативного толкового словаря — кодификация реальной литературной нормы, поэтому в нем нет места для таких субъективных проявлений, как вседозволенность или, наоборот, лексикографический пуризм.

Вторая проблема — это *системность* словарного описания, которая реализуется в последовательном отражении системно-структурных и функционально-стилистических соотношений между единицами словника. Системность проявляется в различных аспектах, например, в единообразии описания парадигматических объединений слов, в строгости грамматической концепции словаря, в последовательном применении метаязыковых средств и — что особенно важно для нормативного словаря — в четкости стилистических квалификаций и тщательно проработанной системе словарных помет.

Объективная сложность составления нормативного толкового словаря ставит его в зависимость от качества работы лексикографов, и — поскольку существующие нормативные словари русского языка, к сожалению, изобилуют неточностями — может показаться, что и сам этот словарный тип весьма аморфен. Нам, однако же, представляется, что тип словаря должен определяться с позиций теории лексикографии, а не на практической основе, тогда как все недочеты должны быть исправлены в будущей словарной работе.

4. Заключение

Проблема типологии толковых словарей (и прежде всего нормативных — как представляющих наибольшее социокультурное значение) обретает сегодня особую актуальность в связи со стихийностью современной лексикографии. Существует множество словарей и словарных проектов (от высококачественных научных до низкопробных коммерческих), не скоординированных друг с другом и нередко друг друга дублирующих (о “лексикографическом буме” и его проявлениях см. [70, с. 8–10]).

М.Н. Приемышева отмечает, что стихийность лексикографического процесса пришла на смену его системности и упорядоченности, которые были характерны для отечественной лексикографии второй половины прошлого века [9, с. 104]. И конечно, сейчас невозможно повернуть время вспять, но по крайней мере в отношении нормативной толковой академической лексикографии все же должна быть выработана более или менее четкая программа развития.

Представляется, что предложенный нами опыт словарной типологии, основанный на анализе категории нормативности, обладает некоторой прогнозирующей силой и может способствовать выработке такой программы. Так, Рис. 1 демонстрирует четыре возможные разновидности

нормативного толкового словаря: 1) полный и 2) краткий словари современного языка и 3) полный и 4) краткий исторические словари. Сегодня мы располагаем большим количеством словарей, стремящихся к первой разновидности, нуждаемся в актуализированной версии словаря второй разновидности, а словарей нормативно-исторического типа у нас вообще нет. Большой академический словарь ни в одном из трех своих изданий не реализовал должным образом принцип историзма, но это и не было возможно в силу ограничений линейного формата репрезентации словарного описания. В то же время, составителями БАС и их предшественниками за последнее столетие накоплен огромный опыт нормативной и исторической интерпретации лексики, поэтому именно на основе БАС должен разрабатываться будущий электронный нормативно-исторический словарь русского литературного языка.

Нормативный толковый словарь современного русского языка должен быть представлен по меньшей мере в двух разновидностях — полной и краткой, обусловленных спецификой отбора слов и фактором адресата. Нормативно-исторический толковый словарь целесообразен только в полной форме, так как излишне строгий отбор языковых фактов не позволит реализовать его исторические задачи. Названные словари должны быть скоординированы друг с другом, реализация всей этой словарной модели должна опираться на единую методологию и общую (хотя и дифференцированную) эмпирическую базу.

Таким образом, завершая рассмотрение нормативных толковых словарей в типологическом аспекте, мы снова приходим к тезису С.И. Ожегова об их отнесенности к трем типам. Теперь, однако, эта трихотомия избавлена от вынужденного компромисса между “современным языком” и “исторической перспективой” и, будучи выстроенной с учетом достижений современного языкознания, покоится на более последовательном теоретическом основании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.
2. *Евгеньева А.П.* О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. М.: Госиздат, 1957. С. 167–177.
3. *Виноградов В.В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного

- языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
4. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
 5. Беликов В.И. Литературная норма в лексике и ее словарная кодификация // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 79–85.
 6. Васильев Н.Л. Возможен ли идеальный толковый словарь: дескриптивность vs нормативность // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 3. С. 23–29.
 7. Шербин В.К. Толковый словарь среднего объема в системе русского лексикографического мейнстрима // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 129–138. DOI: 10.31857/S0373658X0002024-5
 8. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974.
 9. Приемышева М.Н. Современная типология толковых словарей русского языка и “Большой академический словарь русского языка” // Современная русская лексикология, лексикография и лингвogeография. 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 101–115.
 10. Воронцов Р.И. Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 95–120.
 11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1949.
 12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.
 13. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. В.И. Чернышев и др. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
 14. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. М., 1957–1961.
 15. Морковкин В.В. Основы стимулирующей типологии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Русский язык, 1988. С. 130–132.
 16. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук (Академии наук СССР) / Под ред. А.А. Шахматова, В.М. Истрина. Т. 2–9 (отдельные выпуски). СПб.; Пг.; Л., 1897–1930.
 17. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и I тома Словаря современного русского литературного языка. 26 мая 1939 г. Рукопись / Архив Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН.
 18. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
 19. Сорокин Ю.С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.
 20. Горбачевич К.С. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии // Современность и словари / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л.: Наука, 1978. С. 33–45.
 21. Скворцов Л.И. Нормативно-стилистический словарь в системе нормативной лексикографии // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Наука, 1988. С. 39–43.
 22. Складеревская Г.Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные проблемы русской академической лексикографии / Под ред. Г.Н. Складеревской. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. С. 15–23.
 23. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л. Языковые нормы в “Академическом толковом словаре русского языка” // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 58–80. DOI: 10.17223/22274200/13/4
 24. Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.
 25. Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН СССР. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.
 26. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”».
 27. Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography. New York: Oxford University Press, 2008.
 28. Le Dictionnaire de l’Académie Française. Т. 1–2. Paris, 1694.
 29. Johnson S. A Dictionary of the English language. Vol. 1–2. London, 1755.
 30. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.
 31. Ступин Л.П. Нормативность и лексикография // Проблемы лексикографии: Сборник статей / Под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 20–28.
 32. Shcherba L.V. Towards a general theory of lexicography // International Journal of Lexicography. 1995. 8 (4). Pp. 314–350.
 33. Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над “Словарем современного русского литературного языка” (1948–1965 гг.) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка. 18–22 апреля 1966 г. Л.: Наука, 1966.
 34. Инструкция для составления “Словаря современного русского литературного языка” (в пятнадцати

- томах) / Под ред. С.П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
35. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 1–6. М., 1991–1994.
 36. *Филин Ф.П., Сороколетов Ф.П., Горбачевич К.С.* О новом издании “Словаря современного русского литературного языка” (в семнадцати томах) // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 3–19.
 37. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
 38. *Ицкович В.А.* Языковая норма. М.: Просвещение, 1968.
 39. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 143–346.
 40. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
 41. *Гухман М.М.* Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
 42. *Семенюк Н.Н.* Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1970. С. 549–596.
 43. *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 38–134.
 44. *Герд А.С.* Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Под ред. О.Н. Крыловой, М.Н. Приемышевой. СПб.: ИЛИ РАН, 2015. С. 948–954.
 45. Проект “Словаря русского языка XXI века” / Под ред. Г.Н. Складневской // Журнал прикладной лингвистики и лексикографии. 2019. № 1. С. 136–249.
 46. *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980.
 47. *Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.
 48. *Красса С.И.* К основаниям нового словаря // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 10. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2012. С. 315–325.
 49. *Филин Ф.П.* О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXII. Вып. 3. М., 1963. С. 177–189.
 50. *Филин Ф.П.* Заметки по лексикологии и лексикографии // Лексикографический сборник. Вып. 1. М.: Госиздат, 1957. С. 36–57.
 51. *Данеш Ф.* Позиции и оценочные критерии при кодификации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 281–295.
 52. *Хакимова Е.М.* Ортологическая система современного русского языка: онтологические основания лингводеонтического: Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2015.
 53. *Земская Е.А.* О состоянии работы над четырнадцатитомным “Словарем современного русского литературного языка” // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 95–101.
 54. *Складневская Г.Н., Ваулина Е.Ю.* Давайте говорить правильно! Новые и наиболее распространенные финансовые термины в современном русском языке. СПб., 2006.
 55. *Севастьянова Н.Д., Чепурных Н.О.* Давайте говорить правильно! Актуальная медицинская лексика. СПб., 2008.
 56. *Ткачева И.О., Дурнева А.А.* Давайте говорить правильно! Спортивная лексика в современном русском языке. СПб., 2007.
 57. Словарь специальной лексики русского языка / Под ред. А.С. Герда, У. В. Буторовой. СПб., 2014.
 58. Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1–5. М., 2014–2022.
 59. Активный словарь русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. Т. 1–3. М., 2014–2017 (издание продолжается).
 60. Проспект Активного словаря русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010.
 61. Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев) / Под ред. В.В. Розановой. М., 1978.
 62. Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л.П. Крысин. Т. 1–2. М., 2016 (издание продолжается).
 63. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.
 64. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Малый толковый словарь русского языка. М., 1990.
 65. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / Под ред. Я.К. Грота. Т. 1. СПб., 1895.
 66. *Рей А., Делесаль С.* Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 261–300.
 67. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Т. 1–27. М.; СПб., 2004–2021 (издание продолжается).
 68. Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю.С. Сорокин и др. Вып. 1–22. Л.; СПб., 1984–2019 (издание продолжается).

69. Кругликова Л.Е. Дескриптивный словарь versus прескриптивный словарь // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Под ред. О.Н. Крыловой, М.Н. Приемышевой. СПб., 2015. С. 963–970.

70. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015.

REFERENCES

1. *Slovar Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 1–6. St. Petersburg, 1789–1794. (In Russ.)
2. Evgenyeva, A.P. *O nekotorykh leksikograficheskikh voprosakh, svyazannykh s izdaniem bolshogo Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka AN SSSR* [On Some Lexicographic Issues Associated with the Publication of the Great Dictionary of the Modern Russian Literary Language in the USSR Academy of Sciences]. *Leksikograficheskii sbornik* [Lexicographic Collection]. Vol. 2. Moscow, Gosizdat Publ., 1957, pp. 167–177. (In Russ.)
3. Vinogradov, V.V. *Semnadsatitomnyi akademicheskii slovar russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznaniya* [Seventeen-Volume Academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language and its Significance for Soviet Linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1966, No. 6, pp. 3–26. (In Russ.)
4. Shmelev, D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of the Semantic Analysis of Vocabulary (Based on the Russian Language)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. (In Russ.)
5. Belikov, V.I. *Literaturnaya norma v leksike i ee slovarnaya interpretatsiya* [The Literary Norm in Vocabulary and its Lexicographic Codification]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2011, No. 4, pp. 79–85. (In Russ.)
6. Vasilyev, N.L. *Vozmozhno li ideal'nyi tolkovyi slovar: deskriptivnost vs normativnost* [Is a Perfect Dictionary Possible: Description vs Normativity]. *Izvestiâ Rossijskoj Akademii Nauk. Seriâ Literaturny i Âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017, Vol. 76, No. 3, pp. C. 23–29. (In Russ.)
7. Shcherbin, V.K. *Tolkovy slovar srednego ob'ema v sisteme russkogo leksikograficheskogo meinstrima* [The Middle Size Explanatory Dictionary of the Middle Size within Russian Lexicographical Mainstream]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 2018, No. 6, pp. 129–138. DOI: 10.31857/S0373658X0002024-5 (In Russ.)
8. Ozhegov, S.I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kultura rechi* [Lexicology. Lexicography. Speech Culture]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1974. (In Russ.)
9. Priemysheva, M.N. *Sovremennaya tipologiya tolkovykh slovari russkogo yazyka i "Bolshoi akademicheskii slovar russkogo yazyka"* [The Modern Typology of Russian Explanatory Dictionaries and the Great Academic Dictionary of the Russian Language]. *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya*. 2018 [Modern Russian Lexicology, Lexicography and Linguogeography. 2018]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2018, pp. 101–115. (In Russ.)
10. Vorontsov, R.I. *Eshche raz o normativnosti i istorizme akademicheskogo tolkovogo slovary bolshogo tipa* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: Principles of Normativity and Historicism Re-examined]. *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoi leksikografii* [History, Theory and Practice of Academic Lexicography]. Priemysheva, M.N. (ed.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2022, pp. 95–120. (In Russ.)
11. Ozhegov, S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1949. (In Russ.)
12. *Tolkovy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ushakov, D.N. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1935–1940. (In Russ.)
13. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Chernyshev, V.I. et al. (eds.). Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, 1948–1965. (In Russ.)
14. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Evgenyeva, A.P. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1957–1961. (In Russ.)
15. Morkovkin, V.V. *Osnovy stimuliruyushchei tipologii slovari* [Fundamentals of a Stimulating Typology of Dictionaries]. *Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya otechestvennoi leksikografii* [Current Condition and Trends in Development of Domestic Lexicography]. Karaulov, Yu.N. (ed.). Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988, pp. 130–132. (In Russ.)
16. *Slovar russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym odeleniem Imperatorskoi Akademii nauk (Akademii nauk SSSR)* [Dictionary of the Russian Language Prepared by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences (USSR Academy of Sciences)]. Shakhmatov, A.A., Istrin, V.M. (eds.). Vol. 2–9 (separate issues). St. Petersburg, Petrograd, Leningrad, 1897–1930. (In Russ.)
17. *Stenogramma sobraniya Otdeleniya literatury i yazyka AN SSSR po obsuzhdeniyu proekta i I toma Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. 26 maya 1939 g. Rukopis* [Transcript of the meeting of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences on the discussion of the project and Volume I of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language. May 26, 1939. Manuscript]. Archive of the Department of Lexicography of the Modern Russian Language, ILS RAS. (In Russ.)
18. Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language System and the Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)

19. Sorokin, Yu.S. *O normativno-stilisticheskom slovare sovremennoogo russkogo yazyka* [On the Normative-Stylistic Dictionary of the Modern Russian Language]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1967, No. 5, pp. 22–32. (In Russ.)
20. Gorbachevich, K.S. *Printsipy normalizatsii yazyka v sovremennoi russkoi leksikografii* [Principles of Language Normalization in the Modern Russian Lexicography]. *Sovremennost i slovary* [Modern Life and Dictionaries]. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. (eds.). Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 33–45. (In Russ.)
21. Skvortsov, L.I. *Normativno-stilisticheskii slovar v sisteme normativnoi leksikografii* [The Normative-Stylistic Dictionary in the System of Normative Lexicography]. *Natsionalnaya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [The National Specifics of Language and its Reflection in a Normative Dictionary]. Karaulov, Yu.N. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 39–43. (In Russ.)
22. Sklyarevskaya, G.N. *Novyi akademicheskii slovar: obyekt, tipologicheskie priznaki, mesto v sisteme russkoi leksikografii* [The New Academic Dictionary: its Object, Typological Features, Position in the System of Russian Lexicography]. *Ocherednye problemy russkoi akademicheskoi leksikografii* [Immediate Problems of the Russian Academic Lexicography]. Sklyarevskaya, G.N. (ed.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1995, pp. 15–23. (In Russ.)
23. Tsumarev, A.E., Shestakova, L.L. *Yazykovye normy v "Akademicheskom tolkovom slovare russkogo yazyka"* [Language Norms in the Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2018, No. 13, pp. 58–80. DOI: 10.17223/22274200/13/4 (In Russ.)
24. Krysin, L.P. *K sootnosheniyu sistemy yazyka, ego normy i uzusa* [On the Correlation of Language System, its Norm and Usage]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies]. 2017, No. 2(12), pp. 20–31. (In Russ.)
25. *Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR* [Decree of the Presidium of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik AN SSSR* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]. 1937, No. 7–8, pp. 80. (In Russ.)
26. *O vnesenii izmenenii v Federalnyi zakon "O gosudarstvennom yazyke Rossiiskoi Federatsii"* [On Amendments to the Federal Law "On the Official Language of the Russian Federation"]. Federal Law No. 52-ФЗ, 28.02.2023. (In Russ.)
27. Atkins, B.T.S., Rundell, M. *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. New York, Oxford University Press Publ., 2008.
28. *Le Dictionnaire de l'Académie Française* [Dictionary of the French Academy]. Vol. 1–2. Paris, 1694. (In French)
29. Johnson, S. *A Dictionary of the English Language*. Vol. 1–2. London, 1755.
30. *Pragmaticheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar-monografiya* [Pragmatic Markers of the Russian Everyday Speech: A Monographic Dictionary]. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. (In Russ.)
31. Stupin, L.P. *Normativnost i leksikografiya* [Normativity and Lexicography]. *Problemy leksikografii* [Problems of Lexicography]. Gerd, A.S., Sergeev, V.N. (eds.). St. Petersburg, SPbGU Publ., 1997, pp. 20–28. (In Russ.)
32. Shcherba, L.V. Towards a general theory of lexicography. *International Journal of Lexicography*. 1995, No. 8(4), pp. 314–350.
33. *Tezisy dokladov na soveshchanii, posvyashchennom itogam raboty nad "Slovarem sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka" (1948–1965 gg.) i perspektivam raboty nad slovaryami sovremennoogo russkogo yazyka* [Proceedings of the Meeting Dedicated to the Accomplishment of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (1948–1965) and to the Future Development of Dictionaries of the Modern Russian Literary Language]. April 18–22, 1966. Leningrad, Nauka Publ., 1966. (In Russ.)
34. *Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovara sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka" (v pyatnadsati tomakh)* [Instructions for Preparation of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (in 15 volumes)]. Obnorskiy, S.P. et al. (eds.). Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1958. (In Russ.)
35. *Slovar sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Gorbachevich, K.S. (ed.). Vol. 1–6. Moscow, 1991–1994. (In Russ.)
36. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P., Gorbachevich, K.S. *O novom izdanii "Slovara sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka" (v semnadsati tomakh)* [On the New Edition of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (in 17 volumes)]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1976, No. 3, pp. 3–19. (In Russ.)
37. Katsnelson, S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Language Typology and Linguistic Thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. (In Russ.)
38. Itskovich, V.A. *Yazykovaya norma* [The Language Norm]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. (In Russ.)
39. Coseriu, E. *Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya. Problema yazykovogo izmeneniya* [Synchrony, Diachrony, and Evolution. The Problem of Language Change]. *Novoe v lingvistike* [New Developments in Linguistics]. Vol. III. Moscow, Inostr. Lit. Publ., 1963, pp. 143–346. (In Russ.)
40. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [A Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Yartseva, V.N. (ed.). Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1990. (In Russ.)
41. Gukhman, M.M. *Literaturnyi yazyk* [The Literary Language]. *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics. Language Formations, Functions, and Evolution].

- Serebrennikov, B.A. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 502–548. (In Russ.)
42. Semenyuk, N.N. *Norma* [The Norm]. *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics. Language Formations, Functions, and Evolution]. Serebrennikov, B.A. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 549–596. (In Russ.)
 43. Jedlička, A. *Literaturnyi yazyk v sovremennoi kommunikatsii* [The Literary Language in the Modern Communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New Developments in Foreign Linguistics]. Vol. XX. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 38–134. (In Russ.)
 44. Gerd, A.S. *Bolshoi akademicheskii slovar russkogo yazyka kak slovar-tezaurus* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a Thesaurus-Dictionary]. *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn, tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: his Life, Works, and Scientific Heritage]. Krylova, O.N., Priemysheva, M.N. (eds.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2015, pp. 948–954. (In Russ.)
 45. *Proekt "Slovara russkogo yazyka XXI veka"* [A Project of the 21st Century Russian Dictionary]. Sklyarevskaya, G.N. (ed.). *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2019, No. 1, pp. 136–249. (In Russ.)
 46. Denisov, P.N. *Leksika russkogo yazyka i printsipy ee opisaniya* [The Russian Vocabulary and Principles of its Description]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1980. (In Russ.)
 47. Filin, F.P. *O strukture sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [On the Structure of the Modern Russian Literary Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1973, No. 2, pp. 3–12. (In Russ.)
 48. Krassa, S.I. *K osnovaniyam novogo slovara* [Towards the Fundamentals of the New Dictionary]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse]. Manaenko, G.N. (ed.). Vol. 10. Stavropol', SGPI Publ., 2012, pp. 315–325. (In Russ.)
 49. Filin, F.P. *O novom tolkovom slove russkogo yazyka* [On the New Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Department of Literature and Language]. 1963, Vol. XXII, No. 3, pp. 177–189. (In Russ.)
 50. Filin, F.P. *Zametki po leksikologii i leksikografii* [Notes in Lexicology and Lexicography]. *Leksikograficheskii sbornik* [Lexicographic Collection]. Vol. 1. Moscow, Gosizdat Publ., 1957, pp. 36–57. (In Russ.)
 51. Daneš, F. *Pozitsii i otsenochnye kriterii pri kodifikatsii* [Positions and Evaluation Criteria for Codification]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New Developments in Foreign Linguistics]. Vol. XX. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 281–295. (In Russ.)
 52. Khakimova, E.M. *Ortologicheskaya sistema sovremennogo russkogo yazyka: ontologicheskie osnovaniya lingvodeonticheskogo* [The Orthologic System of the Modern Russian Language: The Linguistic Foundations for the Linguodeontic]. Dis. Doct. Philol. Sci. Nizhniy Novgorod, 2015.
 53. Zenskaya, E.A. *O sostoyanii raboty nad chetyrnadtsatitomnym "Slovarem sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka"* [On the Workflow of Preparing the 14-Volume Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1956, No. 5, pp. 95–101. (In Russ.)
 54. Sklyarevskaya, G.N., Vaulina, E.Yu. *Davaite govorit' pravilno! Novye i naibolee rasprostranennyye finansovyye terminy v sovremenном russkom yazyke* [Let's Speak Correctly! New and Widespread Financial Terms in the Modern Russian Language]. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)
 55. Sevastyanova, N.D., Chepurnykh, N.O. *Davaite govorit' pravilno! Aktualnaya meditsinskaya leksika* [Let's Speak Correctly! The Modern Medical Vocabulary]. St. Petersburg, 2008. (In Russ.)
 56. Tkacheva, I.O., Durneva, A.A. *Davaite govorit' pravilno! Sportivnaya leksika v sovremenном russkom yazyke* [Let's Speak Correctly! Sport Vocabulary in the Modern Russian Language]. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
 57. *Slovar spetsialnoi leksiki russkogo yazyka* [A Dictionary of the Russian Special Vocabulary]. Gerd, A.S., Butorova, U.V. (eds.). St. Petersburg, 2014. (In Russ.)
 58. *Tolkovyy slovar russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory Dictionary of the Russian Everyday Speech]. Krysin, L.P. (ed.). Vol. 1–5. Moscow, 2014–2022. (In Russ.)
 59. *Aktivnyi slovar russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Apresyan, Yu.D. (ed.). Vol. 1–3. Moscow, 2014–2017 (continued edition). (In Russ.)
 60. *Prospekt Aktivnogo slovara russkogo yazyka* [A Project of the Active Dictionary of the Russian Language]. Apresyan, Yu.D. (ed.). Moscow, YaSK Publ., 2010. (In Russ.)
 61. *Kratkii tolkovyy slovar russkogo yazyka (dlya inostrantsev)* [A Brief Russian Explanatory Dictionary (for Foreigners)]. Rozanova, V.V. (ed.). Moscow, 1978. (In Russ.)
 62. *Akademicheskii tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Krysin, L.P. (ed.). Vol. 1–2. Moscow, 2016 (continued edition). (In Russ.)
 63. *Bolshoi tolkovyy slovar russkogo yazyka* [A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Kuznetsov, S.A. (ed.). St. Petersburg, 1998. (In Russ.)
 64. Lopatin, V.V., Lopatina, L.E. *Malyi tolkovyy slovar russkogo yazyka* [A Small Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1990. (In Russ.)
 65. *Slovar russkogo yazyka, sostavlenyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* [The Dictionary of the Russian Language Prepared by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Grot, Ya.K. (ed.). Vol. 1. St. Petersburg, 1895. (In Russ.)
 66. Rey, A., Delesalle, S. *Problemy i antinomii leksikografii* [Problems and Antinomies of Lexicography]. *Novoe*

- v zarubezhnoi lingvistike* [New Developments in Foreign Linguistics]. Vol. XIV. Moscow, Progress Publ., 1983, pp. 261–300. (In Russ.)
67. *Bolshoi akademicheskii skovar russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Gorbachevich, K.S., Gerd, A.S. Vol. 1–27. Moscow, St. Petersburg, 2004–2021 (continued edition). (In Russ.)
68. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [The Dictionary of the 18th Century Russian Language]. Sorokin, Yu.S. et al. (eds.). Vol. 1–22. Leningrad, St. Petersburg, 1984–2019 (continued edition). (In Russ.)
69. Kruglikova, L.E. *Deskriptivnyi slovar versus preskriptivnyi slovar* [Descriptive Dictionary vs Prescriptive Dictionary]. *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn, tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: his Life, Works, and Scientific Heritage]. Krylova, O.N., Priemysheva, M.N. (eds.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2015, pp. 963–970. (In Russ.)
70. Kozyrev, V.A., Chernyak, V.D. *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshnii i vek minuvshiy* [Lexicography of the Russian Language: The Current Century and the Past Century]. 2nd ed. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 2015. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 28 июня 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 17 июля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.

Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on June 28, 2023

Revised on July 17, 2023

Accepted on August 15, 2023

Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028331-0

Роль документальных источников в комментировании романа А. Н. Толстого “Петр Первый”

© 2023 г. А. С. Акимова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
a.s.kimova@mail.ru

Резюме. Статья посвящена обзору основных исторических источников романа А.Н. Толстого “Петр Первый”. Текстуальное сравнение текста романа и материалов к нему позволит решить одну из важнейших проблем комментирования романа — выявить, каким путем и в какой степени документальный источник мог повлиять на писателя, как он использовал конкретный источник и что нового внес в его осмысление. А.В. Алпатов писал о том, что канву событий, фактический материал Толстой брал в трудах историков И.И. Голикова, Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьева. Сложнее всего установить, в какой степени в художественной ткани романа отражены эти работы: так, например, при написании шестой главы — Первый Азовский поход — были использованы работы Голикова и Соловьева, но не Устрялова, как полагал Алпатов. Об этом свидетельствует сопоставление текстов романа и исторических источников, а также маргиналий на изданиях Голикова и Соловьева из личной библиотеки Толстого.

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00802 «Трансформация документальных источников в романе А.Н. Толстого “Петр Первый”: личная библиотека как творческая лаборатория писателя», <https://rscf.ru/project/23-28-00802/>.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, исторический роман, “Петр Первый”, исторические источники, реально-исторический комментарий, роль документа в литературе.

Для цитирования: Акимова А.С. Роль документальных источников в комментировании романа А.Н. Толстого “Петр Первый” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 109–114. DOI: 10.31857/S160578800028331-0

The Role of Historical Sources in Commenting on A. N. Tolstoy’s Novel *Peter the Great*

© 2023 Anna S. Akimova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
a.s.kimova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the review of the main historical sources for A.N. Tolstoy’s novel *Peter the Great*. Textual comparison of the text of the novel with the corresponding documentary materials might solve one of the most important problems of commenting on the novel, which is how and to what extent a documentary source could influence the writer, how he used a specific source and how he changed it. A.V. Alpatov wrote that Tolstoy borrowed the outline of events and factual material from the works of historians I.I. Golikov, N.G. Ustryalov, S.M. Solovyov. The most challenging thing to establish is to what

extent these works were reflected in the novel. For instance, the sixth chapter (the First Azov Campaign) makes evident the use of works by Golikov and Solovyov, but not those by Ustryalov (contrary to what Alpatov believed). This judgement might be supported by the comparison of the texts of the novel and historical sources, as well as marginalia on the publications of Golikov and Solovyov from Tolstoy's personal library.

Acknowledgements. This study was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00802), <https://rscf.ru/project/23-28-00802/>.

Key words: Aleksey N. Tolstoy, historical novel, *Peter the Great*, historical sources, real-historical commentary, the role of the document in literature.

For citation: Akimova, A.S. *Rol dokumentalnykh istochnikov v kommentirovanii romana A.N. Tolstogo “Petr Pervyi”* [The Role of Historical Sources in Commenting on A.N. Tolstoy's Novel *Peter the Great*]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 109–114. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028331-0

При комментировании исторического романа одной из наиболее сложных и важных проблем является выявление круга документальных источников и определение их роли в создании произведения. “Наиболее заметным и значительным элементом документальный источник входит в произведения жанра исторической повести, исторического романа, исторической драмы” [1, с. 68], — писал литературовед, текстолог Н.Ф. Бельчиков. Комментатору необходимо не только установить, как и в какой степени документ мог повлиять на автора, но и показать, как писатель использовал конкретный источник и что нового внес, т.е. проникнуть в творческую лабораторию писателя.

Первое описание целого ряда исторических источников романа А.Н. Толстого “Петр Первый” предложил советский критик и литературовед А.В. Алпатов в монографии “Алексей Толстой — мастер исторического романа” (М., 1958). Сложность выявления источников, по его словам, связана с тем, что “документальное” становится незаметным в его тексте, органически растворяется в нем» [2, с. 132]. Толстой так характеризовал свою методику работы с документами: “Я, как известно, работаю над материалами эпохи Петра. Материалов огромное количество: мемуары, исторические документы, письма. Но я считаю ненужным просматривать весь исторический материал. Нужно найти в этом материале *основное*, т.е. то, что подтверждает воззрение на ту эпоху, которой занимаешься. Итак, вы начинаете работать над материалами. Вы отмечаете те места, которые вам могут пригодиться, которые вам особенно интересны. Я не пользуюсь обычной картотеккой, я просто подчеркиваю те места, которые мне нужны, и запоминаю, что в такой-то книге я должен найти то-то. Затем, когда охвачен весь период чтением, вы сужаете материал. Вы берете

отрезок времени — полгода, год — и смотрите, что в этот период произошло, какие события и какие материалы относятся к этим событиям” [3, с. 240].

В качестве источников фактического материала при воссоздании общей канвы событий Толстой, по мнению Алпатова, мог использовать следующие: И.И. Голиков. “Деяния Петра Великого мудрого преобразователя России” (В 15 т. М., 1837–1842), Н.Г. Устрялов. “История царствования Петра Великого” (В 8 т. СПб., 1858–1863), С.М. Соловьев. “История России с древнейших времен” (В 18 кн. СПб., [1911]). Исследователь попытался установить, в какой степени эти работы были отражены в романе.

В беседе с молодыми писателями Толстой, говоря о важности работы с историческими документами, отмечал необходимость их “сличения” [3, с. 208]. В результате сравнения трудов историков и сопоставления их с текстом романа “Петр Первый” мы пришли к выводу о том, что Толстой в целом опирался на труд Соловьева при создании начальных глав первой книги романа, но шестая глава, содержание которой составило описание неудачного Первого Азовского похода Петра I (1695), основана на трудах Соловьева и Голикова; Устрялов и его “История царствования Петра Великого” в большей степени повлияли на изображение событий, представленных в конце первой книги (второй стрелецкий бунт 1698 г.), второй и третьей книг, в которых показаны осада Нарвы (1700) и взятие крепости (1704). Об этом свидетельствуют не только текстуальные совпадения, но и пометы писателя на соответствующих томах сочинений Голикова, Соловьева, Устрялова из личной библиотеки Толстого, хранящейся в Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля (КФ ГЛМ). Так, например, сцены с описанием первого стрелецкого бунта 1682 г. не только по смыслу, но и интонационно

восходят к Соловьеву: “Час был решительный, — надо сказывать нового царя. Кого? Петра или Ивана? Сына Нарышкиной или сына Милославской? Оба еще несмышленные мальчишки, за обоими сила — в родне” [4, с. 20]. Толстой характеризует сложившуюся в конце XVII в. ситуацию: после смерти бездетного царя Федора Алексеевича претендентами на престол были Иван, сын царя Алексея Михайловича от первого брака с Марией Ильиничной Милославской, и Петр, сын от второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Риторические конструкции и простые предложения использовал Соловьев в рассказе о событиях, предшествовавших московской смуте 1682 года: “После Феодора наследниками останутся два брата: Иоанн — больной, слепой, слабоумный и Петр — здоровый, живой, даровитый десятилетний мальчик. Стать за Иоанна — какое будущее? Много нацарствовал Феодор? Но Феодор еще не всегда нуждался в опеке, а за Иоанна постоянно должны управлять другие; кто же будет управлять: царевна Софья с Милославскими? Значит, Языкову и Лихачевым надобно готовиться в путь еще подальше Пустозерска, за Камень, ибо Милославские не забудут, что у них была отнята власть Языковым и Лихачевыми. А с Нарышкиными и Матвеевым сблизиться легко, содействуя их возвращению, тем более что старой вражды не было” [5, стлб. 889].

Другим важнейшим документом для писателя, по мнению Толстого, являются письма (см.: [3, с. 208]). Цитирование писем Петра I, адресованных матери (Н.К. Нарышкиной), жене (Е.Ф. Лопухиной), сподвижникам (Ф.Ю. Ромодановскому, А.А. Виниусу и др.), введение неточных цитат в форме несобственно-прямой речи позволило не только представить Петра в кругу семьи и друзей, но и создать живой яркий образ героя, пронизанного “человеческими страстями” [6, с. 105]. Вероятно, Толстой работал со следующими изданиями: “Письма и бумаги императора Петра Великого” (В 6 т. СПб. 1887, 1889, 1893, 1900, 1907, 1912) и “История царствования Петра Великого” Устрялова (В 6 т. СПб. 1858, 1959, 1863), где в приложении ко второму тому были опубликованы письма Петра 1689—1696 гг. Эти издания есть в списке литературы по петровской эпохе 1938 г. с пометами Толстого в архиве писателя¹; вероятно, сохранились и издания в библиотеке писателя в Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля (КФ ГЛМ). Сопоставление этих источников между собой и сличение их с включенными в роман письмами Петра

свидетельствует о том, что Толстой опирался на издание “Письма и бумаги императора Петра Великого”, более полное по составу и близкое по передаче написания к нормам XIX в. (подробнее см.: [7, с. 782]).

В многочисленных выступлениях Толстой неоднократно упоминал еще один важный документальный источник романа “Петр Первый” — мемуары и дневники как русских, так и иностранцев: “Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)” И.Г. Корба (СПб., 1906), “Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г.” (М., 1892. Ч. 1—2), “Путешествие через Московию” (М., 1873) Корнелия де Бруина, “Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709” (СПб., 1840), “Гисторию о Петре I и ближних к нему людях. 1682—1695 гг.” Б.И. Куракина (опубл. в: Русская старина. 1890. № 10. Т. 68. С. 238—260) и др.

Вероятно, одним из источников для выстраивания любовной истории царевны Софьи и князя Василия Васильевича Голицына стала “Гистория о Петре I и ближних к нему людях” Куракина, который так писал об их взаимоотношениях: “... Тогда начала план свой делать, чтоб ей самой корону получить и выйти б замуж за князя Василия Васильевича Голицына <...> Во-вторых, что принажит (принадлежит) до женитьбы с князем Василием Голицыным, то понимали все для того, что оной князь Голицын был ее весьма галант <sic>; и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено” [8, с. 239—240].

Толстой берет у Куракина и описание планов властолюбивой царевны, и само понятие “галант” для характеристики любовной связи героев: “Правительница Софья спит и видит обвенчаться с Голицыным и царствовать. Уж и корону заказала для себя немецким мастерам” [4, с. 65]; “... вместо грешного и стыдного названия — любовник — нашлось иноземное приличное слово — галант...” [4, с. 78].

В ряде случаев, вслед за авторами исторических сочинений, Толстой допускал неточности в изображении реалий рубежа XVII—XVIII вв. Так, например, Куракин писал о монетах, которые стала выпускать Софья: “Также она, царевна Софья, начала делать червонные под своею персоною, и в короне, и имя свое внесла титула государственного” [8, с. 239]. Толстой описывает подобную монету в сцене знакомства десятилетнего Петра с Алешкой Бровкиным и Алексашкой Меншиковым: “Рубль был новенький, — на одной

¹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 5, 6.

стороне — двуглавый орел, на другой — правительница Софья” [4, с. 61]. Однако известно, что имя правительницы Софьи появилось на золотых монетах из серии жалованных лишь после Троицкого похода (1682), а ее изображение — на золотой монете, жалованной за первый Крымский поход (1687) [10, с. 10–11].

Толстой, безусловно, не мог не знать о “Записках Андрея Артамоновича графа Матвеева”, которые использовали в качестве документального источника и Куракин, а впоследствии Устрялов и Соловьев. Сын боярина Артамона Сергеевича Матвеева, убитого стрельцами в 1682 г., детально описал произошедший в Успенском соборе Кремля конфликт между Софьей и Петром: «Государь же, царь Петр Алексеевич, увидя то, сказал ей: “...что не прилично при той церемонии зазорному лицу по необыкновению быть”; но она в том исполнила по своей воле» [9, с. 52]. (См. также: Куракин со ссылкой на Матвеева: “И единожды так публично вражда случилось <sic>, что был ход к Казанской Богородице, и сперва, по обыкновению, пришли оба государи <sic> и она, царевна Софья Алексеевна, в соборную церковь, откуль <sic> пошли в ход. И вышед из соборной церкви, царь Петр Алексеевич просил сестру свою, чтоб она в ход не ходила. И между ими происходило в словах многое” [8, с. 239]).

Это событие в день празднования Казанской иконы Божьей Матери 8 июля 1689 г. в Успенском соборе Кремля является кульминационным в развитии центрального сюжета первой книги романа — противоборства правительницы Софьи и возмужавшего Петра: “На Казанскую в Успенском соборе отходила обедня <...> На царском месте под алым шатром стояла Софья. По правую руку ее — царь Иван, — едва держал длинные веки, скулы его горели на мертвенном лице. Налево стоял долговязый Петр, — будто на святках одели мужика в царское платье не по росту” [4, с. 149–150]. Во время крестного хода Софья, принимая из рук патриарха икону, слышала сдавленный шепот: “Отдай... (Все услышали, — сказал кто-то невнятно и глухо)... Отдай... (Уже громче, ненавистнее.) И, когда стали глядеть на Петра, поняли, что — он... Лицо — багровое, взором крутит, как филин, схватился за витой золотой столбик шатра, и шатер ходил ходуном...” [4, с. 150]. Алпатов считал, что для создания этой сцены Толстой использовал “Историю царствования Петра Великого” Устрялова (см.: [2, с. 150]). Можем предположить, что описание крестного хода на Казанскую Матвеева, Куракина, Устрялова было известно писателю. Совершенно точно — Толстой

опирался на труд Соловьева. В томе из библиотеки писателя есть многочисленные пометы синим и красным карандашом. Толстой подчеркнул синим карандашом следующие слова: “8 июля, в Казанскую, Петр в соборе сказал сестре, чтоб она не ходила в крестный ход; Софья не послушалась, взяла образ и пошла; Петр рассердился, не пошел за крестами и уехал из Москвы. С его стороны все и кончилось этою вспышкой” [5, стлб. 1069 // ГЛМ КП 53293/1546].

Писать роман, по словам Толстого, значит жить вместе с героями. “Их выдумываешь, но они должны ожить, и, оживая, они часто желают поступать не так, как вам хотелось бы. Вы начинаете следить за их поступками, подталкивать их в сторону главной линии, страдать вместе с ними, расти, а иногда и срываться в бездну вместе с созданным призраком...” [3, с. 138]. Воображение, фантазия писателя должны компенсировать недостаток сведений о событиях, исторических лицах, их действиях. Однако при комментировании необходимо учитывать случаи, когда писатель намеренно искажал реальные факты. Так, например, Толстой перенес упоминающееся в романе самосожжение в Варлаамово-Хутынском женском монастыре, реальное историческое событие, происходившее в 1685 г., в Хвалынский. “Под Хвалынском в горах тридцать раскольников загородились в овине боровами, зажглись и сгорели живыми же. И под Нижним в лесах горят люди в срубах” [4, с. 109], — писал он в романе. О самосожжении тридцати раскольников в овине писал Соловьев: “В 1685 году <...> человек с тридцать раскольников сгорели в овине в принадлежавшей Хутынскому монастырю деревне Острове” [5, стлб. 1043]. Эти слова подчеркнуты синим карандашом в издании из библиотеки писателя, однако в романе связанные с историей Варлаамово-Хутынского женского монастыря события перенесены Толстым в знакомый ему с юности Хвалынский, город на правом берегу Волги, название которого (“Хвалынский”) появилось лишь в 1780 г., до этого местность и расположенное здесь село назывались Сосновый Остров. Здесь, недалеко от Хвалынска, в местности под названием Черемшаны, в 1840 г. сложились крупнейшие в Поволжье старообрядческие общины. В Хвалынске Толстой отдыхал на даче В.М. Рожанского в июне 1901 г. Матери, А.Л. Толстой, он писал: “В Хвалыни все льют дожди, каждый день, но ничего, кроме удовольствия не приносят...” [11, с. 180].

“Сводить всю работу писателя к использованию фактов, подчерпнутых из литературы, из книг, неправильно” [1, с. 67], — отмечал Бельчиков.

Историк М. Эспань в образах культуры сформулировал эту мысль: “Анализ картины не в состоянии увеличить ее художественное достоинство, а изучение первоначально плана собора в Шартре вряд ли способно оживить набожность прихожан” [12, с. 9]. Реально-исторический комментарий, основанный на тщательном изучении документальных источников и сохранившихся маргиналиях писателя, позволит заглянуть в творческую лабораторию писателя, восстановить не только “утраченные смыслы прошлого”, но и показать “результаты осмысления этого прошлого” [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельчиков Н.Ф. Литературное источниковедение. М.: Наука, 1983. 271 с.
2. Алпатов А.В. Алексей Толстой — мастер исторического романа. М.: Сов. писатель, 1958. 356 с.
3. Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958–1961. Т. 10. 1961. 711 с.
4. Толстой А.Н. Петр Первый. Л.: Государственное издательство “Художественная литература”, 1938. 636 с.
5. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб.: Товарищество “Общественная польза”, [1911]. Кн. 3. 1580 стлб.
6. Старчаков А. Ал.Н. Толстой. Критический очерк. Л.: Государственное издательство “Художественная литература”, 1935. 116 с.
7. Акимова А.С. “Вдохновительная кривая судьбы”: письма Петра I в романе А.Н. Толстого “Петр Первый” (текстологический аспект) // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 778–789.
8. Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. Октябрь. С. 238–260.
9. Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. Ч. 1. 512 с.
10. Золотые монеты в истории династии Романовых: выставка (Москва, февраль–декабрь 2017 г.). М.: Лингва-Ф, 2017. 35 с.
11. Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя. Куйбышев: Книжное издательство, 1982. 368 с.
12. Эспань М. О некоторых теоретических задачах современной текстологии // Современная текстология: теория и практика. М.: Наследие. 1997. С. 4–22.
13. НЛО. 2004. № 2 // Электронный ресурс: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/ot-redaktora-16.html> (Дата обращения: 28.03.2023).

REFERENCES

1. Belchikov, N.F. *Literaturnoe istochnikovedenie* [Literary Source Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 271 p. (In Russ.)
2. Alpatov, A.V. *Aleksei Tolstoi — master istoricheskogo romana* [Alexey Tolstoy — Master of the Historical Novel]. Moscow, Sovetskii pisatel Publ., 1958. 356 p. (In Russ.)
3. Tolstoy, A.N. *Sobranie sochinenij: in 10 volumes* [Complete Works: in 10 Volumes]. Vol. 10. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1961. 711 p. (In Russ.)
4. Tolstoy, A.N. *Petr Pervyi* [Peter the First]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo “Khudozhestvennaia literatura” Publ., 1938. 636 p. (In Russ.)
5. Solovjev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since Ancient Times]. St. Petersburg, Publ. [1911]. Kn. 3. 1580 columns. (In Russ.)
6. Starchakov, A. *Al.N. Tolstoi. Kriticheskii ocherk* [Al.N. Tolstoy. Critical Essay]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo “Khudozhestvennaia literatura” Publ., 1935. 116 p. (In Russ.)
7. Akimova, A.S. “*Vдохновительная кривая судьбы*”: *pisma Petra I v romane A.N. Tolstogo “Petr Pervyi” (tekstologicheskii aspekt)* [“The Inspirational Curve of Fate”: Letters of Peter I in the Novel by A.N. Tolstoy “Peter the First” (Textual Aspect)]. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura KhKh veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia. Kn. 3: Pis'ma i dnevniki v russkom literaturnom nasledii XX veka* [Textual Timeline. Russian Literature of the 20th Century: Issues of Textual and Source Studies. Vol. 3: Letters and Diaries in the Russian Literary Heritage of the 20th Century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018. pp. 778–789. (In Russ.)
8. *Russkaia starina* [Russian Antiquity]. 1890, Vol. 68, No. 10, October, pp. 238–260. (In Russ.)
9. *Zapiski russkikh liudei: Sobytiia vremen Petra Velikogo* [Notes of Russian People: Events of the Times of Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografia I. Sakharova Publ., 1841. Vol. 1. 512 p. (In Russ.)
10. *Zolotyie monety v istorii dinastii Romanovykh: vystavka (Moskva, fevral — dekabr 2017 g.)* [Gold Coins in the History of the Romanov Dynasty: Exhibition (Moscow, February–December 2017)]. Moscow, Lingva-F Publ., 2017. 35 p. (In Russ.)
11. *Aleksei Tolstoi i Samara: Iz arkhiva pisatel'ia* [Alexey Tolstoy and Samara: From the Writer's Archive]. Kuibyshev, Knizhnoie izdatelstvo Publ., 1982. 368 p.
12. Espagne, M. *O nekotorykh teoreticheskikh zadachakh sovremennoi tekstologii* [About some Theoretical Problems of

- Modern Textual Science]. *Sovremennaiia tekstologiia: teoriia i praktika* [Modern Textual Science: Theory and Practice]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 4–22. (In Russ.)
13. *NLO* [New Literary Review]. 2004, No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/ot-redaktora-16.html> (Data obrashcheniia: 28.03.2023). (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 28 марта 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 мая 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.
Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on March 28, 2023
Revised on May 20, 2023
Accepted on August 15, 2023
Date of publication: October 31, 2023

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800028332-1

Кибальник С. А. Тайнопись русских писателей: от Пушкина до Набокова: [монография] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. СПб.: ИД “Петрополис”, 2022. 433 с. ISBN 978-5-9676-1459-0

[Review:] Kibalnik, S. A. Cryptography of Russian Writers: from Pushkin to Nabokov: [monograph]. The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Publishing House “Petropolis”, 2022. 433 p. ISBN 978-5-9676-1459-0

Термины “тайнопись”, “криптопоэтика”, равно как и исследования в этой области, для русской филологии достаточно новы. Цель монографии Сергея Кибальника — заложить теоретические основы новой области поэтики и определить ее терминологию, тем самым открыв читателям новые возможности понимания текста, а литературоведам предложив альтернативную стратегию его анализа и позволив благодаря ей по-новому взглянуть на многие произведения русских писателей Нового времени.

Во введении к книге (раздел “Вместо предисловия”) автор упоминает о том, что до сих пор исследования тайнописи у писателей XIX и первой половины XX века ограничивались поиском интертекстуальных связей. Для Сергея Кибальника не менее важным оказывается исследование автобиографического и политического подтекста литературного произведения. Предложенное им включение в круг криптопоэтических изысканий не только таких традиционных терминов поэтики, как аллюзия, анаграмма, но и таких новых, как “криптограмма” (мельчайшая единица изучения криптопоэтики), “криптотим” (сознательно зашифрованное автором имя города, места, вещи, человека) и “криптотопос” (пространство, которое прямо не называется автором, но идентифицируется с помощью системы аллюзий, обеспечивающих локальную привязку текста), расширяет возможности классического филологического анализа текста и его инструментарий. В свою очередь такой метод анализа обнаруживает новое семантическое измерение во многих литературных произведениях, раскрывая тот

особый подтекст, с помощью которого были закодированы тайные послания будущим поколениям читателей.

Книга содержит девять тематических разделов, частей. В первой ее части («Тайнопись в пушкинской поэме “Анджело”») приводится пример политического подтекста. Скрытое послание поэмы Сергей Кибальник разгадывает, опираясь на аутентичный источник — тайный “Дневник” гения русской поэзии. В работе автор монографии опирается на исследование об “Анджело” основателя тартуской структурно-семиотической школы Ю. Лотмана¹, в котором рассматривается популярный миф о том, что Александр I не умер в Таганроге, а еще долгое время жил в Сибири под вымышленным именем, и высказывается предположение о том, что отзвук именно этого события представляет собой один из героев поэмы — “предобрый, старый Дук”. Сравнивая дневниковые заметки с художественным текстом, Сергей Кибальник ищет ключ к решению проблемы, которая до сих пор почти не обращала на себя внимание литературоведов: можно ли усмотреть в образе Анджело тайные намеки на Николая I. Автор книги отвечает на этот вопрос утвердительно, в продолжение своей мысли утверждая: метод “тайнописи” вообще характерен для позднего Пушкина, поскольку в драматичных личных обстоятельствах середины 1830-х годов поэт не мог ни с кем о них говорить и потому ему оставалось только в скрытом виде размышлять о них

¹ Лотман Ю. М. Идейная структура поэмы Пушкина “Анджело” // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 3–23.

в своих литературных произведениях. Именно поэтому для позднего творчества Пушкина так характерны метатексты: перекладывая на свой лад чужие тексты и развивая сюжеты, заимствованные у Шекспира (“Анжело”), братьев Гримм (“Сказка о рыбаке и рыбке”) и В. Ирвинга (“Сказка о золотом петушке”), — поэт мог развивать близкие его собственной судьбе личные мотивы и при этом камуфлировать их под переживания другого автора.

Расшифровывая в своей монографии завуалированные послания к читателю — анаграммы, драматические прототипы, параллели между вымышленными сюжетными ситуациями и реальными событиями, — Сергей Кибальник раскрывает тайну “литературных дуэлей” (полемика Чернышевского с Герценом, пародия Достоевского на Тургенева, противостояние Газданова и Набокова), а также следы, оставленные в литературном произведении семейными драмами (драма Герцена и Огарева в рассказе Достоевского “Вечный муж”). Мы узнаем, почему в романе “Идиот” князь Мышкин носит имя и отчество Льва Николаевича Толстого, какой смысл имеют медицинские рецепты в произведениях Чехова и какие интертекстуальные нити связывают “Вечного мужа” с романом Герцена “Кто виноват?”.

В третьей части книги (“Литературная дуэль Достоевского с Тургеневым”) в качестве орудия литературного противостояния двух русских классиков исследуется криптопародия. Общеизвестно, что в образе Кармазинова (бездарного писателя и самовлюбленного космополита из романа “Бесы”) Достоевский изобразил Тургенева, а также пародировал в нем характерные мотивы поздних произведений собрата по перу (“Призраки”, “Довольно”, “Дым”). Сергей Кибальник убедительно доказывает, что в творчестве Достоевского таятся и другие, до сих пор незамеченные специалистами аллюзии на Тургенева: замаскированными тургеневскими чертами обладают Голядкин-младший в “Двойнике”, Зверков в “Записках из подполья” и, наконец, Бахмутов в “Идиоте”.

В пятой части монографии (“Виды тайнописи у Чехова”), анализируя фармакологический подтекст медицинских рецептов, автор рассматривает их как микротекст прозы и драматургии дипломированного врача Чехова (письма, записные книжки, юморески, пьесы “Безотцовщина” и “Три сестры”). Некоторые рецепты, использованные в этих произведениях, Кибальник обнаружил во впервые опубликованной им чеховской “Записной книжке с медицинскими рецептами”,

и это позволило ему выявить их скрытый символический смысл. Второй главной темой этой части является гипертекстуальный текстовый анализ. Творчество Чехова, которого называли “русским Мопассаном”, “столько же обязано Г. Флоберу и Г. де Мопассану, сколько И.С. Тургеневу, Ф.М. Достоевскому и Л.Н. Толстому” (с. 252). В качестве примера гипертекстуальности Сергей Кибальник исследует развитие флюберовской и одновременно толстовской (“Анна Каренина”) темы супружеской неверности в сюжетах многих чеховских произведений.

В последней части монографии (“Тайнопись в творчестве Набокова и Газданова”) автор исследует еще одну специфическую форму криптографии — шахматную символику. Владимир Набоков был не только страстным коллекционером бабочек, но и составителем шахматных задач. Шахматы занимают заметное место не только на семейном гербе писателя (два медведя держат в лапах шахматную доску), но и в большинстве его романов. В 1923 году в Берлине Набоков переводит на русский язык “Алису в Стране чудес” Льюиса Кэрролла, где главная героиня разгадывает секрет Зазеркалья: “Весь этот мир — шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром)! Это одна большая-пребольшая шахматная партия”². В романе “Подлинная жизнь Себастьяна Найта” герои аллюзивно связаны с шахматными фигурами. Набокову даже задавали вопрос, не выстроен ли весь роман по принципу шахматной партии. Писатель категорически это отрицал. Между тем, как показывает Сергей Кибальник, отталкиваясь от названия шахматной фигуры, которое можно видеть в фамилии жены Набокова Веры Слоним и в то же время в фамилии главной героини “Подлинной жизни...” Claire Bishop, определенный смысл имеет и шахматная партия, которую на страницах романа разыгрывают Пал Палыч Речной с Черным. Да и в целом сюжет романа, как и во второй книге Кэрролла “Алиса в Зазеркалье”, несет в себе скрытые черты состязания между собой различных шахматных фигур. По мнению автора, тайным автобиографическим подтекстом романа стала кратковременная любовная связь Набокова с Ириной Гуаданини, а тайное его послание (мольба о прощении), как бы зашифрованное в романе, адресовано его жене Вере Слоним.

В книге ее автор приоткрывает завесу многих тайн писателей. На свет божий извлекаются их

² Кэрролл Льюис. Алиса в стране чудес; Сквозь зеркало и что там увидела Алиса / Пер. Н. Демуровой. София: Изд-во литературы на иностр. языках, 1967. С. 141.

завуалированные послания будущему читателю, литературные произведения “отражаются” одни в других, писатели сражаются между собой на своеобразных “литературных дуэлях”. Обозреваемые нами криптографические исследования Сергея Кибальника произведений русских писателей от Пушкина до Набокова — это колоссальный клад новых знаний о самых разных художественных произведениях русской литературы, относящихся к прозе и драматургии. Его монография открывает новые перспективы в разработке теоретических и методологических вопросов криптопоэтических исследований.

Рац Ильдико Мария
PhD (доктор философии по русской литературе),
независимый исследователь,
Венгрия, 1025 Будапешт, ул. Сепвёлды, д. 52
ORCID ID: 0000-0003-2289-7114,
ildiko@raczt.hu

RÁCZ Ildikó Mária
PhD in Russian Literature,
independent scientist,
52 Szépvölgyi út, 1025 Budapest, Hungary
ORCID ID: 0000-0003-2289-7114,
ildiko@raczt.hu

Для цитирования: Рац Ильдико Мария <Рец.> Кибальник С. А. Тайнопись русских писателей: от Пушкина до Набокова: [монография] / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. СПб.: ИД “Петрополис”, 2022. 433 с. ISBN 978-5-9676-1459-0 // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 115–117. DOI: 10.31857/S160578800028332-1

For citation: RÁCZ Ildikó Mária <Rev.> Kibalnik S. A. *Tajnopis russkih pisatelej: ot Pushkina do Nabokova: [monografiya]. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom) Rossijskoj akademii nauk. SPb.: ID “Petropolis”, 2022. 433 s. ISBN 978-5-9676-1459-0* [[Review:] Kibalnik, S. A. *Cryptography of Russian Writers: from Pushkin to Nabokov: [monograph]. The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Publishing House “Petropolis”, 2022. 433 p. ISBN 978-5-9676-1459-0 [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 115–117. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028332-1*

Дата поступления материала в редакцию: 20 июня 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 17 июля 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.
Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on June 20, 2023
Revised on July 17, 2023
Accepted on August 15, 2023
Date of publication: October 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028333-2

**Международная научная конференция
“Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения”**

**International Scholarly Conference
“Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains”**

22–24 июня 2023 г. в Москве, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а), а также в Доме-музее Б.Л. Пастернака в Переделкине (поселок ДСК “Мичуринец”, ул. Павленко, 3) — одним из отделов Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля — работала Международная научная конференция “Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения”, проходившая при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00051 “Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала” (рук. О.А. Богданова). Организаторами конференции выступили ИМЛИ РАН и ГМИРЛИ, предоставившие для ее заседаний свои помещения и оборудование.

С приветственным словом поддержки и напутствия участникам конференции выступила заместитель директора ИМЛИ РАН **Юлия Владимовна Шевчук**. Первое пленарное заседание 22 июня 2023 г. открыли доклады основателей современного литературоведческого усадебоведения — члена-корреспондента РАН, заведующей Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН **Екатерины Евгеньевны Дмитриевой** “Миф и антимиф в Пушкинском государственном заповеднике” и доктора гуманитарных наук, профессора Ягеллонского университета (Краков, Польша) **Василия Георгиевича Шукина** «Дача как поток поэтического сознания. Анализ стихотворения Б.Л. Пастернака “Вторая баллада”». Второе пленарное заседание 24 июня 2023 г. началось с докладов доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН, руководителя проекта РНФ № 22-18-00051 **Ольги Алимовны Богдановой** «Эволюция семантики и поэтики “дачного текста” в русской литературе XIX–XXI вв.: Ф.М. Достоевский, Г.И. Чулков, Ю.В. Мамлеев и др.» и кандидата филологических наук,

заведующей отделом ГМИРЛИ имени В.И. Даля “Дом-музей Б.Л. Пастернака” **Анны Андреевны Козновой** “Феномен коллективной усадьбы в Переделкине. 1936–1938”.

В конференции приняли участие 64 докладчика из 14 городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Пскова, Костромы, Оренбурга, Екатеринбурга, Красноярска, Первоуральска, Самары, Уфы, Череповца, Казани, Тулы) и 12 зарубежных стран (Китая, Японии, Индии, Ирана, Сербии, Черногории, Венгрии, Польши, Италии, Испании, Беларуси, Грузии).

В рамках научного мероприятия состоялись два представительных пленарных заседания: 1) “*Усадьба и дача в литературе XX в.: историко-культурный и компаративный аспекты*” (22 июня в конференц-зале ИМЛИ РАН). Помимо **Е.Е. Дмитриевой** и **В.Г. Щукина**, здесь с докладами выступили: д. ф. н., проф. Красноярского ГПУ имени В.П. Астафьева и РХГА имени Ф.М. Достоевского **Наталья Владимовна Ковтун**; проф., зав. кафедрой русской литературы Университета Бергамо (Милан, Италия) **Орнелла Дискаччати**; PhD в области филологии, проф. Университета имени Дж. Неру (Нью-Дели, Индия) **Ранджана Банерджи**; д. ф. н., проф. **Ирина Николаевна Антанасиевич** (Белград, Сербия); д. ф. н., проф. **Наталья Николаевна Арсентьева** (Гранада, Испания); доктор филологии, проф. Черногорского университета **Неда Андрич** (Подгорица, Черногория); к. ф. н., проф. Тегеранского университета (Иран) **Мархие Яхьяпур** и к. ф. н., проф. **Джанолах Карими-Моттахар**, председатель “Иранской ассоциации русского языка и литературы”; 2) “*Усадьбы и дачи XX в.: инновации и преемственность*” (24 июня на территории Дома-музея Б.Л. Пастернака в Переделкине). Помимо **О.А. Богдановой** и **А.А. Козновой**, здесь с докладами выступили: д. культурологии, проф., руководитель Центра русского языка

и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ **Алексей Владимирович Святославский**; д. ф. н., доцент, заведующая кафедрой журналистики Оренбургского ГУ **Татьяна Михайловна Жаплова**; к. ф. н., проф., заведующий кафедрой эстетики и этики РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург) **Лев Николаевич Летягин**; д. ф. н., проф. Псковского ГУ, руководитель Научно-просветительного центра русского языка и культуры имени проф. Е.А. Маймина **Аида Геннадьевна Разумовская**; к. и. н., начальник Отдела научно-исследовательской работы ГМУ “Архангельское” **Константин Григорьевич Боленко**; независимый исследователь **Наталья Игоревна Таганова**.

Во второй половине дня 22 июня и весь день 23 июня научная работа конференции распределялась по пяти секциям: 1) *“Русская усадьба в творчестве И.А. Бунина и других писателей первой половины XX в.”* (с докладами выступили: проф. Университета Этвоша Лоранда (Будапешт, Венгрия) **Ильдико Мария Рац**; д. ф. н., проф. УрГУ имени А.М. Горького **Наталья Викторовна Пращерук**; к. ф. н., доцент, помощник директора Института иностранных языков Бэйханского университета (Пекин, Китай) **Ван Юе**; студентка УрФУ (г. Первоуральск) **Анна Станиславовна Ковальская**; магистрант МПГУ, младший научный сотрудник ИМЛИ РАН **Дарья Максимовна Борисова**; д. ф. н., проф. Самарского НИУ имени акад. С.П. Королева **Михаил Анатольевич Перепелкин**; д. ф. н., проф., ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН **Михаил Викторович Строганов**), 2) *“Лики литературной усадьбы в XX в.”* (с докладами выступили: к. ф. н., доцент РГГУ **Андрей Евгеньевич Агратин**; к. ф. н., старший научный сотрудник ИМЛИ РАН **Мария Сергеевна Федосеева**; д. ф. н., ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН **Валерия Геннадьевна Андреева**; к. и. н., ведущий специалист ГАРФ **Борис Михайлович Романов**; главный библиограф ОББО ИНИОН РАН при ИВ РАН **Любовь Константиновна Ражина**; ведущий научный сотрудник Дома-музея К.И. Чуковского, зам. главного редактора журнала “Новый мир” **Павел Михайлович Крючков**; магистр филологии, независимый исследователь **Анна Леонидовна Зекунова** (г. Уфа); к. ф. н., старший научный сотрудник ИМЛИ РАН **Полина Алексеевна Ворон**), 3) *“Дача как феномен литературы и культуры XX в.”* (с докладами выступили: PhD в области филологии, старший научный сотрудник университета Ла Сапиенца (Рим, Италия) **Эмилио Мари**; к. ф. н., старший научный сотрудник ИМЛИ РАН **Максим Владимирович Скороходов**; д. ф. н., проф. РГГУ **Александр Викторович Марков**; к. ф. н., старший научный сотрудник ИМЛИ

РАН **Наталья Владимировна Михаленко**; д. ф. н., заслуженный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова **Мария Викторовна Михайлова** и бакалавр МГУ имени М.В. Ломоносова **Арина Сергеевна Сотникова**; к. ф. н., доцент Череповецкого ГУ **Екатерина Андреевна Ерохина**; к. ф. н., доцент Самарского НИУ имени акад. С.П. Королева **Ксения Алексеевна Сундукова**; д. пед. н., проф. Казанского (Приволжского) ФУ **Альфия Фоатовна Галимуллина**; д. ф. н., независимый исследователь **Евгения Нахимовна Строганова**; д. ф. н., проф. Самарского НИУ имени С.П. Королева **Геннадий Юрьевич Карпенко**; к. ф. н., независимый исследователь **Илья Алексеевич Александров** (Грузия); к. ф. н., доцент Бурятского ГУ имени Д. Банзарова **Гунсэма Цыдыповна Бадужева**; старший преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова **Екатерина Николаевна Шелухина**; к. ф. н., доцент Казанского (Приволжского) ФУ **Лилия Харисовна Насрутдинова** и к. ф. н., доцент Казанского (Приволжского) ФУ **Наталья Георгиевна Махихина**; аспирант РГГУ **Максим Вячеславович Пронин**), 4) *“Компаративные аспекты усадебно-дачного топоса в литературе XX в.”* (с докладами выступили: к. ф. н., старший научный сотрудник ИМЛИ РАН **Маргарита Вадимовна Черкашина**; к. ф. н., старший научный сотрудник ИМЛИ РАН **Георгий Александрович Велигорский**; к. ф. н., старший преподаватель Гродненского ГУ имени Я. Купалы (Беларусь) **Ольга Артуровна Гриневич**; к. ф. н., доцент Тульского ГПУ имени Л.Н. Толстого **Вероника Игоревна Абрамова**; к. ф. н., сотрудник Университета Бергамо (Италия) **Марика Фазолини**; к. ф. н., сотрудник РНБ, доцент Санкт-Петербургского института культуры **Елизавета Алексеевна Власова**; д. полит. н., к. и. н., проф. Университета Такусёку (Токио, Япония) **Василий Элинархович Молодяков**; к. ф. н., старший научный сотрудник ИМЛИ РАН **Юлия Узакбаевна Каскина**), 5) *“Усадебные контексты в русской словесности XX в.”* (с докладами выступили: д. ф. н., проф. Пермского ГГПУ **Галина Михайловна Ребель**; д. ф. н., проф. Тверского ГУ **Елена Георгиевна Милюгина**; д. ф. н., проф. Пермского ГНИУ **Анна Альбертовна Арустамова**; к. ф. н., старший научный сотрудник ИМЛИ РАН **Елена Юрьевна Кнорре**; к. ф. н., д. филос. н., проф. Ленинградского ГУ имени А.С. Пушкина **Ольга Ростиславовна Демидова**; к. и. н., зам. руководителя по культурно-просветительной работе санатория “Узкое” ФНКЦ РР **Наталья Александровна Трубецкая**).

Из-за сложной геополитической ситуации в России и мире заседания конференции проходили в смешанном формате — очном, заочном и онлайн. Все иностранные докладчики и

большинство иногородних выступали и участвовали в дискуссиях удаленно, на платформе Zoom. Тем не менее, и научное общение, и плодотворное обсуждение, и обмен идеями состоялись и были высоко оценены коллегами.

Конференция прошла успешно, насыщенно. Доклады на разнообразные темы сопровождались презентациями и дискуссиями, проводились экскурсии по музеям писателей XX в., внесших вклад в развитие “усадебной” темы, было неформальное общение, неожиданные встречи и впечатления. Объединилось множество людей из разных городов России и ряда стран мира, прежде мало или совсем не знавших друг друга, но размышлявших в одном направлении. Конференция дала импульс дальнейшим поискам по затронутым темам и вопросам.

Главной ее задачей, вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели русской усадьбы в огне революций и Гражданской войны в 1917–1922 гг., стало утверждение жизнеспособности “усадебного топоса” в последующую эпоху, доказательство того, что под прессом катастрофических событий начала XX в. и затем в условиях СССР он не был уничтожен в своих основах, а перешел в новые, непривычные формы — усадьбу-музей, усадьбу-дачу, усадьбу-художественную коммуналку, усадьбу-экономку, усадьбу-лабораторию, усадьбу-колонию, усадьбу-школу, усадьбу-санаторий или больницу, усадьбу-дом отдыха или дом творчества, город-сад и т.д., — оставаясь активно-творческой средой, репродуцирующей базовые черты российской ментальности. Это обусловило новаторский характер большинства прозвучавших на конференции докладов и обозначило стремление к системному освоению “усадебного текста” советской эпохи, ранее выпадавшего из поля зрения ученых. Включение в многовековой “усадебный текст” писателей советского периода — как облаканных властью, так и оппозиционных (Ф.В. Гладкова, А.П. Платонова, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского, И.А. Новикова, М.М. Пришвина, Г.И. Серебряковой, С.Д. Довлатова и др.), — способствуя консолидации национальных сил и изживанию травмы гражданского противостояния в XX в., показывает, что литература СССР, со всеми ее трагическими особенностями, — органическая часть русской культуры.

Особую роль получило на конференции исследование смежного с усадебным “дачного топоса”, именно в советские десятилетия потеснившего усадебную тематику благодаря известным историческим обстоятельствам: упразднению

владельческих усадеб в 1920–1980-е годы и их перестроению в общественные заведения и учреждения. Поэтому дача в СССР фактически становится ведущей социопрограммной формой частной жизни. Метаморфозы “дачного текста” осмыслились на материале творчества Г.И. Чулкова, Б.Л. Пастернака, А.П. Гайдара, А.А. Ахматовой, Ю.В. Трифонова, В.Г. Распутина, В.В. Перуанской, Ю.В. Мамлеева, Т.Н. Толстой, Е.Г. Водолазкина и др. Впервые столь масштабно проведенный анализ “дачных текстов” разных авторов обнаружил неоднородность “дачной культуры” в СССР: если в 1920–1950-е годы к даче переходят многие функции усадьбы (сохранение культурной памяти и семейно-родовых преданий, единение с природой, локус творчества, эталон жизненного благополучия), в связи с чем она приобретает элитарный характер в советском социуме (ведомственные поселки писателей, художников, ученых, военных и др.), то в 1960–1980-е годы массовое дачное строительство на крошечных земельных участках формирует в литературе низовой тип “дачного топоса”. Важное наблюдение для понимания эволюции литературной дачи в СССР сделано в докладе **В.Г. Щукина**: именно с лирики Б.Л. Пастернака в 1930-х годах начинается поэтизация дачи, до революции бывшей в общественном сознании России лишь средоточием мещанства и пошлости.

Необходимо отметить новаторский характер большинства прозвучавших на конференции докладов о литературной даче. Вокруг дачной темы в советской литературе на конференции не раз возникали дискуссии, наиболее оживленное обсуждение вызвал совместный доклад **М.В. Михайловой** и **А.С. Сотниковой** «Рай в ближнем Подмосковье (топос дачи в повести В.В. Перуанской “Кикимора”)». Было установлено, что дача в послевоенном СССР нередко воспринималась как пространство свободы и экзистенциальной сложности, как точка роста того, что не укладывалось в моральные императивы советской жизни. Нездаром история пожилых влюбленных, гонимых семьями и социумом, разворачивается в дачном пространстве, где оба, наконец, могут прикоснуться к собственной подлинности и индивидуальности. Снятый по мотивам этой повести в 1984 г. кинофильм “Продлись, продлись, очарованье...” (с О.Н. Ефремовым и И.С. Саввиной в главных ролях) стал событием в культурной жизни страны.

Благодаря междисциплинарному характеру научного мероприятия на конференции встретились исследователи различных гуманитарных дисциплин: филологи, философы, культурологи,

историки, педагоги, музеологи, краеведы — такой состав участников позволил подойти к сопоставлению репрезентаций феноменов усадьбы и дачи с междисциплинарным охватом и разнообразным научным аппаратом, стимулирующим начатые в рамках проекта тезаурусные исследования в литературоведческом усадебоведении (в докладах **И.Н. Антанасиевич, Е.Г. Милюгиной, Л.Н. Летягина** и др.). Не раз поднимались темы о культурной политике советского государства по отношению к усадебному наследию, об этапах его научного изучения в СССР, об изменении статуса музеев-усадоб на протяжении советских десятилетий и т.п. (в докладах **М.В. Строганова, Г.Ю. Карпенко, Б.М. Романова**). Исследование литературной усадьбы и дачи расширялось благодаря интермедийному подходу: сопоставлению с живописью социалистического реализма и позднесоветским кинематографом (в докладах **А.В. Маркова, М.В. Михайловой и А.С. Сотниковой, М.С. Федосеевой**), сравнению литературных и живописных произведений К.А. Коровина (в докладе **Е.Н. Строгановой**), соотнесению повестей А.П. Гайдара с изобразительным искусством художника И.А. Владимирова, а также с фильмом режиссера Н.С. Михалкова “Утомленные солнцем” (в докладах **М. Фазолини и Г.М. Ребель**) и т.п.

Серьезно представленный компаративный аспект позволил акцентировать в “усадебном топосе” универсальные черты, актуальные как для русской литературы, так и для литератур Испании, Сербии, Ирана, Индии и других стран, а внутри России — Татарстана и Башкирии. В частности, были сопоставлены “усадебные” сюжеты в лирике И.А. Бунина и великих персидских поэтов Фирдоуси, Саади, Хафиза, Низами (в докладе **Мархия Яхъяпур и Джанолаха Карими-Мотаххар**), в драматургии А.П. Чехова и прозе бенгальского писателя Тарашонкора Бондхопадхья (в докладе **Ранджаны Банерджи**). Интернациональная методология Г. Башляра была применена к анализу “усадебного текста” Гарсиа Лорки (в докладе **Н.Н. Арсентьевой**). Были исследованы особенности “дачного топоса” в рассказах выдающегося сербского писателя Иво Андрича (в докладе **Неды Андрич**), в связи с чем возникла дискуссия о том, считать ли дачу сугубо русским национальным явлением, как это утверждают Стивен Ловелл и Т.В. Цивьян¹. Также было продолжено

исследование литературной усадьбы *Chemin de Paradis* классика французской литературы первой половины XX в. Шарля Морраса (в докладе **В.Э. Молодякова**). Показано, как религиозная семантика литературной усадьбы французского поэта XX в. Ива Бонфуа обусловила содержание его сборника 1958 г. “Начертанный камень” (в докладе **М.В. Черкашиной**). Впервые прослежена история утопических “коллективных садов” в XIX–XX вв. в творчестве английских писателей (в докладе **Г.А. Велигорского**). К компаративному направлению конференции могут быть отнесены и многочисленные доклады об усадебной и дачной топике в произведениях русских эмигрантов — К.Д. Бальмонта, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, М.А. Осоргина, В.В. Набокова, В.Ф. Ходасевича, О.А. Ильиной и др., — писавших в инокультурном окружении за пределами России и нередко — на зарубежном материале (в докладах **В.Г. Андреевой, О.А. Гриневич, В.И. Абрамовой, Е.А. Власовой, Ю.У. Каскиной, И.А. Александрова, А.А. Арустамовой, О.Р. Демидовой** и др.). Таким образом, “усадебный топос” исследовался как один из ключевых элементов культурного кода России в контексте глобальных вызовов XX–XXI вв.

Крайние точки временного диапазона рассматриваемого на конференции русского усадебно-дачного текста — последняя треть XIX и начало XXI в., или от позднего творчества Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского (в рецептивном аспекте) до прозы Ю.В. Мамлеева, Т.Н. Толстой и Е.Г. Володазкина 1990–2000-х годов. Особое внимание было уделено своеобразию усадьбы в творчестве И.А. Бунина и бунинским традициям в “усадебном тексте” XX в. (в докладах **Ильдиго Марии Рац, Н.В. Пращерук, Ван Юе, А.С. Ковальской**). Большинство докладов (**Н.В. Ковтун, Г.М. Ребель, Л.К. Ражиной, О. Дискаччиати, Е.Ю. Кнорре, Д.М. Борисовой, Г.Ц. Бадуевой** и др.) были посвящены трансформациям образа усадьбы и дачи в литературе советского периода в творчестве Ф.В. Гладкова, А.П. Гайдара, М.М. Пришвина, И.А. Новикова, А.П. Платонова, К.Г. Паустовского, В.Г. Распутина и др. — порой диаметрально противоположным и по материалу, и по коммуникативным стратегиям, и по авторской оценке.

Были представлены исследования в области поэтики “усадебного текста”, в частности о “гетеротопии усадьбы” в советском производственном романе, в эмигрантской и оригинальной литературе Сербии, в эмигрантском романе И.А. Бунина (в докладах **Н.В. Ковтун, И.Н. Антанасиевич, Н. Андрич, Н.В. Пращерук**), о проблеме идентичности героя в “постусадебном” мире (в докладе

¹ См.: *Ловелл Ст.* Дачники: история летнего жителя в России, 1710–2000 / пер. с англ. СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.; *Цивьян Т.* О мифологических коннотациях дачи // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / ed. N. Bashmakoff and M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. С. 11–24.

А.Е. Агратина), а также новые элементы тезауруса при исследовании “дачного текста” второй половины XX в. — “поэтосфера дачи” и “дачный миф” (в докладах **В.Г. Щукина, Неды Андрич, О.А. Богдановой, М.В. Скороходова** и др.). Новая жанровая модификация “усадебного топоса” была выявлена в литературе фэнтези второй половины XX в. (в докладе **А.Л. Зекуновой**).

В соответствии с одной из главных научных интенций прошедшей конференции важное место занял анализ литературных усадеб-музеев и усадеб-заповедников (Михайловского, Архангельского, Холомков, Ташлы и др.) как “мест силы” и “точек роста” социокультурного ресурса России XX в., играющих знаковую роль в судьбах страны и в советское время ставших местами массового паломничества, средоточием национально-культурной памяти и востребованных паттернов личностного и группового развития (в докладах **Е.Е. Дмитриевой, К.И. Боленко, А.Г. Разумовской, Т.М. Жапловой**).

Особо стоит отметить приоритетное осмысление такой модификации “дачного топоса”, как дача-музей, и попытку выявить ее основные характеристики (на примере переделкинского дома **К.И. Чуковского** и проекта создания литературного музея на даче **Г.И. Серебряковой** в докладах **П.М. Крючкова** и **Н.И. Тагановой**). Шла речь и о формате литературного дачного поселка 1930–1980-х годов (Сиверского, Переделкина, Комарова, Лебяжьего) как созданного в СССР вида творческой среды и одновременно — как объекта литературного изображения (в докладах **А.А. Козновой, Н.В. Михаленко, К.А. Сундуковой, А.Ф. Галимуллиной** и др.). Прослеживалась эволюция литературной дачи как социокультурной модели на протяжении 1930–2020-х годов: от арендуемого временного жилья к наследственной собственности (в докладах **Е.Н. Строгановой, Г.Ц. Бадуге, О.А. Богдановой** и др.).

Отдельного внимания заслуживает анализ дачного пространства в советской и постсоветской детской и подростковой литературе (в докладах **Е.А. Ерохиной, Л.Х. Насрутдиновой и М.В. Прониной**). Здесь впервые в науке закладывалась типология такого рода репрезентаций, необходимая в деле воспитания подрастающего поколения в лучших традициях русской (российской) литературной классики. Также на конференции были представлены ценные литературно-краеведческие и литературно-музеологические разыскания, во многом основанные на мемуарных свидетельствах и ранее неизвестных эго-документах (в докладах

А.В. Святославского, М.А. Перепелкина, Е.Г. Милугиной, Н.А. Трубецкой, Д.И. Зубарева).

Тематические секции конференции были ориентированы в первую очередь на изучение и осмысление художественных произведений, репрезентирующих усадебно-дачный топос в советское время. Причем диапазон исследований охватывал как традицию “усадебного текста” русской классики: **А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского** и др. (в докладах **Е.Е. Дмитриевой, В.Г. Андреевой, О.А. Богдановой, П.А. Ворон** и др.), так и инновации, внесенные новой эпохой: реформатирование усадеб из владельческих в общественное достояние, приобретение ими новых функций, создание новой мифологии вокруг усадебного наследия, эволюция восприятия усадьбы в советские десятилетия, рецепция усадьбы в так называемую постусадебную эпоху по впечатлениям от фильмов, спектаклей, интернет-сайтов и проч. (в докладах **А.Е. Агратина, А.В. Маркова, О.А. Гриневич, М. Фазолини, О.Р. Демидовой, Л.Н. Летягина** и др.).

Уделено внимание и вопросу о единстве и преемственности отечественной и мировой “усадебной культуры” во все века ее существования, в том числе в СССР, о сохранении ее идентичности в неблагоприятных исторических условиях, в связи с чем были обнародованы сведения о работе спецотделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины в 1919 г., о политике СССР по отношению к культурному наследию подмосковных усадеб в 1920-е годы и т.д. (в докладах **М.В. Строганова** и **Б.М. Романова**).

Был проявлен интерес к индивидуальной и коллективной памяти, воплощенной в свидетельствах участников и очевидцев дореволюционной усадебной и советской дачной жизни, к эго-документам и артефактам, относящимся к ней, к архивным разысканиям и работе со старой периодикой. В частности, на конференции прозвучали доклады **П.М. Крючкова** о неопубликованных памятных записях **Л.К. Чуковской, Е.Н. Шелухиной** — о неизвестных мемуарах **И.Л. Андроникова, Н.И. Тагановой** — о фактах биографии **Г.И. Серебряковой**, связанных с литературным дачным поселком Переделкино в 1940–1960-е годы.

Процесс трансформации “усадебного топоса” в советское время по сравнению с классикой XIX в. и литературой Серебряного века, а также эволюция “дачного текста” проясняются благодаря использованию определенных категориально-методологических подходов, которые также обсуждались на конференции. Отталкиваясь от давно знакомых “усадебного хронотопа”

и “усадебного топоса”, докладчики обращались не только к категориям “гетеротопии усадьбы”, “усадебного габитуса”, “дачного топоса”, ранее введенным в научный оборот в рамках проекта, но осваивали новые, релевантные литературному материалу советской эпохи понятия: “усадебный свертхтекст”, “криптоусадебная мифология”, “усадебность”, “литературная дача”, “поэтосфера дачи”, “дачный миф”. Эти термины “обкатывались” при текстуальном анализе произведений символизма и неореализма писателей первой эмиграции, социалистического реализма советской литературы, постмодернизма 1970–1990-х годов. В докладе **Н.В. Пращерук** был выдвинут новый термин “усадебный космос”, вызвавший интерес и дискуссию среди слушателей.

В докладах, посвященных диахроническому рассмотрению общих признаков и особенностей усадебно-дачного текста (усадебности как “убежища”, конститутивным чертам усадебного быта, житнетворческому потенциалу усадьбы как поведенческому сценарию, усадьбе как территории памяти, мифопоэтике усадьбы в литературе фэнтези и др.), актуальным инструментарием становились такие концепции современной гуманитаристики, как “пространственный культурный поворот” в понимании Д. Бахманн-Медик, “гетеротопия” М. Фуко и “социальные поля” П. Бурдьё, что не исключало одновременного обращения к теории художественного пространства в отечественной традиции (П.А. Флоренский, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров и др.). В парадигме пространственности актуализировалась и литературно-краеведческая методология: локально-исторический метод Н.П. Анциферова “от места к тексту”. Наблюдались обращения к контекстуальному (Л.Н. Летагин) и тезаурусному (Вал.А. и Вл.А. Луковы) подходам.

Особую значимость получил на конференции мифопоэтический подход. Во-первых, в дальнейшей разработке категории “усадебного мифа”, который по сравнению с Серебряным веком в советское время претерпел существенные изменения, а главное — приобрел выраженную музейную модификацию, при этом зеркально раздробляясь на миф и антимиф, как это произошло в послевоенной усадьбе Михайловское (Псковская область) сначала благодаря мифологизации, проведенной директором Пушкинского заповедника С.С. Гейченко, а затем — ремифологизации, предпринятой С.Д. Довлатовым в знаменитой повести “Заповедник” (в докладах **Е.Е. Дмитриевой** и **А.Е. Агратина**). Во-вторых, в формулировке и

выдвижении категории “дачного мифа” применительно к русской литературе рубежа XX–XXI вв., в частности в поздней романистике Ю.В. Мамлеева (в докладе **О.А. Богдановой**).

Хочется отметить новаторское освещение усадебной темы в литературе советского периода в докладах **Е.Ю. Кнорре** и **О.Р. Демидовой**. В первом из них на материале творчества М.М. Пришвина исследовалась роль русской усадьбы в военной истории нашей страны. Пришвин как свидетель Первой и Второй мировых войн на территории России, во многом пережитых им в усадебном пространстве, с очевидностью черпал там силу для патриотической стойкости и глубинного осмысления роли войны в укреплении русской земли как сакральной ценности. В докладе О.Р. Демидовой речь шла о динамике рецепции усадьбы в литературе русской эмиграции во Франции: идиллически-ностальгический идеал “счастливого пространства” (по Г. Башляр) в произведениях межвоенного времени сменился на драматичный образ усадьбы как “пространства выживания” в условиях войны и оккупации. Тема “усадебности и войны” в литературе XX в. была поставлена широко, с оглядкой на традицию А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и др.

Научная программа конференции “Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения” завершила свою работу 24 июня 2023 г. В ходе ее работы впервые в литературоведении были представлены подходы к феномену литературной усадьбы XX в. в ее новых модификациях, причем как в советском, так и в зарубежном пространстве; была выявлена эволюция русско-советской литературной дачи на протяжении XIX–XXI вв. и обозначены ее основные этапы; был введен и апробирован новый исследовательский инструментарий, релевантный литературному материалу XX в.; были намечены междисциплинарные и интермедийные параллели в изучении литературной усадьбы и дачи в XX в.; проведены новые компаративные траектории исследования усадебно-дачной топики — не только в сторону Западной Европы (что привычно), но и Азии, в том числе российской; а также открыты ранее неизвестные проблемно-тематические аспекты исследования усадебного и дачного топосов в литературе XX в. — “усадебности и войны”, “дача глазами ребенка” и др.

Совокупностью докладов, презентаций и дискуссий конференция в целом ответила на поставленные в ее названии вопросы: *потерями* в репрезентациях литературной усадьбы можно считать уход классической и серебряновечной традиций

с их аутентичностью и личным опытом усадебной жизни; *обретениями* — возникновение новых модификаций “усадебного топоса”, прежде всего усадеб-музеев и усадеб-заповедников как живых социокультурных организмов, ставших в XX в. средоточием национальной памяти России и моделей личностного развития в духе просвещенного патриотизма, а также превращение “дачного топоса” в перспективную, широко разветвленную культурную стратегию, лишенную коннотаций прежнего барства, и формирование на ее основе оригинального “дачного мифа”.

В рамках Международной научной конференции была организована интересная культурно-исследовательская программа, непосредственно связанная с ее проблематикой и обеспеченная ее соорганизатором — ГМИРЛИ имени В.И. Даля. 22 июня участники конференции посетили Музей-квартиру А.Н. Толстого на Спиридоновке, где писатель проживал с 1939 по 1945 г. А.Н. Толстой — один из крупнейших советских писателей, посвятивший немало произведений русской усадьбе эпохи Петра I и Серебряного века, а также ее модификациям в советский период: цикл рассказов “Заволжье”, повести “Детство Никиты” и “Голубые города”, роман “Петр Первый” и др. О биографии, быте и творческой лаборатории классика советской литературы рассказала ведущий научный сотрудник музея **Мария Николаевна Борисова**.

24 июня докладчики конференции провели научное исследование Дома творчества писателей “Перedelкино” под руководством сотрудника творческого центра **Платона Зазвонова**. Была осмотрена территория Дома творчества с постройками и парком, слушатели познакомились с его историей начиная с 1955 г., а затем посетили старое историческое здание Дома творчества с сохранившимися артефактами позднесоветской эпохи: типичной комнатой писателя 1970–1990-х годов, писательским баром в подвальном этаже, общим коридором с сохраненным интерьером 1960–1970-х годов. Участники группы установили расположение комнат М.М. Бахтина, А.А. Тарковского и других известных литераторов; побывали в сквере с мемориальной скамьей Б.Л. Пастернака.

Затем полевое исследование перенеслось на территорию дачного участка Пастернака, где великий поэт проживал с 1939 г. Несмотря на наличие квартиры в Москве (в Лаврушинском пер.), он присутствовал в Перedelкине практически постоянно, не только летом, но и в другие времена года. Поэтому дачный дом был утеплен

и переоборудован. Здесь, в маленькой рояльной комнате на 1-м этаже, Пастернак скончался 30 мая 1960 г. и 2 июня был похоронен на Перedelкинском кладбище. Сейчас в его загородном доме сохраняется прижизненная обстановка: столовая, в которой размещаются телевизор КВН-49, холодильник марки ЗиС, посуда 1950-х годов и др.; кабинет с книжным шкафом и письменным столом с лампой; личная одежда (пальто, шарф, ортопедическая обувь). На стенах в каждой комнате располагаются рисунки, гравюры и картины отца поэта — художника Л.О. Пастернака, а в кабинете висят его иллюстрации к роману Л.Н. Толстого “Воскресение” (1899). Перedelкино — место интенсивной творческой работы Пастернака на протяжении более 20 лет. Здесь написаны циклы стихов “Перedelкино” (1941), “Когда разгуляется...” (1956–1959). В стихотворении “Старый парк” (1941) изображена усадьба Самариных Измалково, на территории которой и был построен писательский дачный поселок. В кабинете на 2-м этаже перedelкинского дома полностью написан роман “Доктор Живаго” (1945–1955), здесь же пережиты и всемирная слава, и травля за публикацию романа на Западе в 1958 г. Исследование территории и интерьера дачи Пастернака участники конференции провели под руководством научного сотрудника дома-музея **Елены Борисовны Лурье**, чей квалифицированный и вдохновенный рассказ позволил в деталях восстановить обстоятельства жизни и творчества автора “Доктора Живаго” — одного из главных “усадебных” произведений XX в.

Далее полевое исследование продолжилось на территориях некрополя, храмового комплекса и деревни Перedelкино под руководством профессора, руководителя Центра русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева **Алексея Владимировича Святославского**. Участники конференции посетили могилы Б.Л. Пастернака, К.И. Чуковского, Е.А. Евтушенко, а также предполагаемое местонахождение дачи Ю.В. Мамлеева, где писатель проживал с конца 1990-х до своей смерти в 2015 г. Непосредственное знакомство с дачами писателей XX в., где они занимались литературным трудом, позволяет глубже понять условия и характер их творчества.

23 июня в рамках конференции прошли презентации книг. Руководитель проекта РНФ № 22-18-00051 “Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала” **О.А. Богданова** представила две книги, вышедшие в 2021–2022 гг. в составе новой научной книжной

серии “Русская усадьба в мировом контексте”, издающейся по плану проекта РНФ:

Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преображения: Коллективная монография / сост. и отв. ред. *О.А. Богданова*. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6);

Велигорский Г.А. “Усадебный текст” и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX — начала XXI века: монография / отв. ред. *В.Г. Андреева*. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 7).

Гостья из Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор *А.Ф. Галимуллина* представила коллегам книги:

Галимуллина А.Ф. Дом и душа. Размышления о творчестве казанских писателей. Казань: Школа, 2008. 96 с.

Галимуллина А.Ф. Вселенная Равиля Бухараева (1951—2012). Основные темы и мотивы творчества. Казань: Школа, 2021. 228 с.

Галимуллина А.Ф., Галимуллин Ф.Г., Гайнуллина Г.Р., Фазеева Л.Р. Культурные коды в татарской и русской литературах второй половины XX века. Казань: Школа, 2020. 260 с.

Участник конференции, начальник отдела научно-исследовательской работы ГМУ “Архангельское” *К.Г. Боленко* познакомил аудиторию с подготовленным им сборником:

Архангельское. Материалы и исследования. Выпуск 6: Дворец князей Юсуповых в Москве. М.: ГМУ “Архангельское”, 2023. 324 с.

О.А. Богданова
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X
olgabogda@yandex.ru

O.A. Bogdanova
Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X
olgabogda@yandex.ru

Для цитирования: Богданова О.А. Международная научная конференция “Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 118—125. DOI: 10.31857/S160578800028333-2

For citation: Bogdanova, O.A. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Usadba i dacha v literature sovetskoj epohi: poteri i obreteniya”* [An International Scholarly Conference “Estate and Dach in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 118—125. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028333-2

Дата поступления материала в редакцию: 27 июня 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 июля 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.
Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on June 27, 2023
Revised on July 13, 2023
Accepted on August 15, 2023
Date of publication: October 31, 2023